

81632.93-22
Д95
632001

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ

И. Х. АХМАТОВ

**ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

НАЛЬЧИК 1968

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ

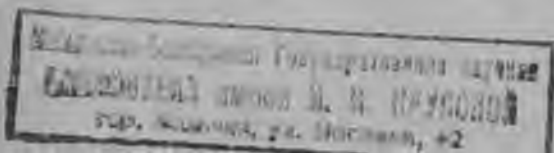
И. Х. АХМАТОВ

ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ
КАРЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Под редакцией доктора филологических наук, профессора
З. АБДУЛЛАЕВА

632001

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК 1968

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.

А. Х.	— Аппаланы Хасан.
А. Т.	— Алим Теппеев.
Зали	— Жанакъант Залиханов.
И. Б.	— Ибрагим Бабаев.
К. К.	— Кайсын Кулиев.
К. Ж.	— «Коммунизмге жол» газет.
М. Ш.	— Миналдан Шаваева.
М. М.	— Магомет Мокаев.
М. Ж.	— «Малкъар жомакъла», Нальчик, 1963.
МПА	— Малкъар поэзияны антологиясы.
О. Э.	— Этезланы Омар.
О. Б.	— Осман Балаев.
С. Хоч.	— Салих Хочуев.
С. Ш.	— Саид Шахмурзаев.
Хуб. М.	— Хубийланы Магомет.
Хуб. О.	— Хубийланы Осман.
Хабиб	— Хабу Кацнев.
МКЪНТ	— «Малкъар-къарачай нарт таурухла», Нальчик, 66.
ЭКЪМДж	— Эски къарачай-малкъар джырла, Черкесск, 1958
А. к. д.	— Автореферат кандидатской диссертации.
А. докт. дисс.	— Автореферат докторской диссертации.
КБНИИ	— Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.
Кирг. яз.	— Киргизский язык.
Узб. яз.	— Узбекский язык.
Букв.	— Буквально.
ВЯ	— «Вопросы языкознания».
М.	— Москва.
Л.	— Ленинград
КБГУ	— Кабардино-Балкарский госуниверситет.
КЧПИ	— Карачаево-Черкесский пединститут.
Посл.	— Пословица.

ОТ АВТОРА

До Великой Октябрьской социалистической революции не существовало национальной письменности ни у карачаевцев, ни у балкарцев. Они принадлежали к бесписьменным народам. Изучению их языка, как и других языков народов царской России, почти никакого внимания не уделялось.

Первым из русских исследователей, кто обратил внимание на карачаево-балкарский язык, был Н. А. Караулов. Его «Краткий очерк грамматики горского языка «болкар»¹ вышел в свет в 1912 году.

Как известно, в дореволюционной тюркологии основное внимание уделялось вопросам фонетики и морфологии. В данной работе Н. А. Караулова, в которой, как отмечает Н. А. Баскаков², были даны науке довольно полные сведения о характере балкарского языка, его диалектах, фонетической структуре и словарном составе, наблюдается та же картина.

К этому же времени относятся исследования венгерского ученого В. Прёле³, посвященные карачаево-балкарскому языку. В них были даны еще более точные и подробные сведения по фонетике и лексике карачаево-балкарского языка. К дооктябрьскому периоду относится также и небольшая грамматика учебного характера И. Акбаева⁴.

На этом кончается перечень дореволюционных работ, посвященных карачаево-балкарскому языку, на которые можно указать.

---

¹ Н. А. Караулов. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 12, Тифлис, 1912.

² Къарачай-малкъар тилини грамматикасы. КБНИИ, Нальчик, 1966. стр. 12—13.

³ W. Prohle. Karatchaische Studien. Keleti Szemle, t. X, Budapest, 1909. Balkarische Studien, II. Keleti Szemle, t. XV, Budapest, 1914—1915; Balkarische Studien, II. Keleti Szemle, t. XVI, 1915—1916.

⁴ И. Акбаев. Ана тили. Тифлис, 1916.

В. Преле в своих исследованиях отмечал, что «тюркский диалект, на котором говорят карачаевцы, в морфологическом и синтаксическом отношении сохранил до сегодняшнего дня в чистом виде свой первоначальный характер. Однако он заимствовал в довольно-таки большом количестве иностранные слова от соседних племен, говорящих на другом языке... В этом отношении карачаевский язык ожидает незавидное будущее»⁵. Как видим, по мнению венгерского ученого, карачаевский язык имел весьма мрачное будущее. Однако Великий Октябрь создал все условия для его расцвета и научной разработки.

Первой попыткой грамматической систематизации карачаево-балкарского языка является «Карачаево-балкарская грамматика» У. Д. Алиева, в которой дается понятие о предложении и его членах. В этой работе имеется очень много недостатков. Например, в ней грамматические и логические категории отождествляются⁶. Несмотря на такие недостатки, данная работа в свое время сыграла большую роль в научной разработке основ карачаево-балкарской грамматики на первых этапах её изучения.

В этом отношении значительная заслуга принадлежит профессору А. К. Боровкову — автору нескольких публикаций, посвященных общему описанию карачаево-балкарского языка⁷ и отдельным фрагментам его грамматики⁸. Существенным вкладом в изучение карачаево-балкарского языка явилась «Грамматика балкарского языка»⁹ профессора В. И. Филоненко. Однако ни в ней, ни в работах А. К. Боровкова вопросам синтаксиса не уделено никакого внимания. В них совершенно отсутствует раздел синтаксиса. В 1962 году вышла из печати книга «Строй тюркских языков», представляющая собой собрание избранных трудов Н. К. Дмитриева. В этот сборник во-

---

⁵ W. Prohle. Указ. работа, стр. 215.

⁶ У. Д. Алиев. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Крайнациздат, 1930, стр. 115.

⁷ А. К. Боровков: 1) Карачаево-балкарский язык. Яфетический сборник, т. 7, Л., 1932, стр. 37—55; 2) Карачаевский язык. Большая советская энциклопедия, т. 31, М., 1937, стр. 480—481; 3) Карачаевский язык. Малая советская энциклопедия, 1936, т. 5, стр. 290.

⁸ А. К. Боровков. Очерки карачаево-балкарской грамматики. «Языки Северного Кавказа и Дагестана». Сб. лингвистических исследований, т. I, М.-Л., 1935, стр. 11—39.

⁹ В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик, 1940.

шла его ранее не опубликованная статья «Синтаксис балкарского языка»¹⁰. В работе, довольно —небольшой по объему, затронуты почти все основные вопросы синтаксиса простого и сложного предложения. В частности, мы в ней находим общие сведения о предложении, его членах и некоторых средствах их выражения и т. д.

Однако в указанной работе профессора Н. К. Дмитриева не ставится задача по исследованию синтаксических свойств главных членов предложения.

Из сказанного видно, что вопросы синтаксиса простого предложения карачаево-балкарского языка долгое время не обращали на себя внимания исследователей.

В последние годы значительно оживился интерес к карачаево-балкарскому языку. Изучением карачаево-балкарского языка занимаются специальные секторы Кабардино-Балкарского и Карачаево-Черкесского научно-исследовательских институтов, а также кафедра балкарского языка и литературы Кабардино-Балкарского госуниверситета и кафедра карачаевского языка и литературы Карачаево-Черкесского пединститута.

В 1958—1965 гг. вышли из печати школьные учебники У. Б. Алиева¹¹ и А. М. Байрамкулова¹². Появилась также нормативная грамматика карачаево-балкарского языка, созданная коллективом авторов¹³. Карачаево-балкарское языкознание обогатилось многими монографическими исследованиями¹⁴, в которых ставятся и успешно разрешаются важные проблемы грамматического строя карачаево-балкарского языка. Однако среди них нет работы, посвященной проблеме простого предложения и его членов. Это показывает, что исследова-

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 358—394.

¹¹ У. Б. Алиев. Малкъар тилни грамматикасы 1-чи кесек, фонетика бла морфология, Нальчик, 1939; второе издание — Нальчик, 1958; Малкъар тилни грамматикасы. 2-чи кесек, синтаксис, Нальчик, 1939; второе издание — Нальчик, 1958; У. Б. Алиев, М. Т. Жабоев. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Синтаксис. Нальчик, 1965.

¹² А. М. Байрамкулов. Къарачай тилни грамматикасы, 1-чи кесек, фонетика бла морфология. Черкесск, 1958; 2-чи кесеги, синтаксис. Черкесск, 1962.

¹³ Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Къабарты-малкъар илму-илем институт, Нальчик, 1965.

¹⁴ У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения в русском и тюркском языках, ч. I, Черкесск, 1959; ч. II, Нальчик, 1959; М. А. Хабичев. Местоимение в карачаево-балкарском языке, Черкесск, 1961; И. Х. Урусбиев. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке, Черкесск, 1964; А.-М. И. Хаджилаев. Прилоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962.

тели карачаево-балкарского языка продолжают отдавать предпочтение вопросам, касающимся лексики, фонетики, морфологии сложного предложения.

До сих пор нет работ, посвященных проблеме простого предложения и его членов. Кроме единственной статьи У. Б. Алиева¹⁵, в которой главное внимание уделено основным средствам выражения главных членов предложения, мы не располагаем работой, в которой бы более или менее полно были охарактеризованы подлежащее и сказуемое.

Как известно, простое предложение — фундамент синтаксиса. Однако без более или менее глубокого исследования вопроса о главных членах предложения, особенно сказуемого, невозможно достаточно глубоко анализировать простое предложение. Это объясняется тем, что природа многих типов простых предложений тесно переплетается со свойствами главных членов предложения. Незавершенность проблемы сказуемого является основной причиной нерешенности ряда вопросов в синтаксисе простого предложения. До сих пор невыясненным остается вопрос о некоторых типах простого предложения. В школьных грамматиках простые предложения делятся на пять типов: неполные (кем), назывные (аталгъан), бесподлежащные (башчысыз) (т. е. безличные), неопределенно-личные (белписиз башчылы) и бессказуемые (хапарчысыз)¹⁶. Такая классификация типов простых предложений не может считаться полной. Кроме того, в ней имеется много неточностей как в употреблении терминов, так и в теоретическом плане. Например, безличные предложения названы (башчысыз) бесподлежащими. Но так могут быть названы и личные неполные (или эллиптические) предложения. Однако, например, в синтаксисе карачаево-балкарского языка, который издан совсем недавно (раздел простого предложения написан М. Т. Жабоевым), бессказуемыми названы предложения: 1. Темир боюнсасы бойнунда. 2. Кюйген гютдюсю кюйнунда. 3. Жугъутурунг тогъай башлы, токъ кёзлю. 4. Къайынлы къулакъ, тар сызгъа¹⁷.

---

¹⁵ У. Б. Алиев. Главные члены предложения карачаево-балкарского языка и средства их выражения. «В помощь учителю балкарской школы». Четвертый сборник методических статей. Нальчик, 1962.

¹⁶ У. Б. Алиев, М. Т. Жабоев. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. синтаксис. Нальчик, 1965, стр. 47—51; У. Б. Алиев. Малкъар тилни грамматикасы, II кесек, синтаксис. Нальчик, 1958, стр. 66—71.

¹⁷ См. У. Б. Алиев, М. Т. Жабоев. Указ. работа, стр. 51.

На наш взгляд, первые три примера никак нельзя назвать бесказуемыми, как это делает автор, потому что все они имеют сказуемые. Сказуемые первых двух предложений выражены именами существительными в местном падеже (бой-нунда, кьойнунда), а сказуемые третьего предложения — словосочетаниями (тогъай башлы, токъ кёзлю). Синтаксическая функция всех этих сказуемых обусловлена их постпозитивным положением по отношению к подлежащим, поэтому они не имеют никаких показателей предикативности.

Что касается четвертого примера, то его нельзя ставить в один ряд с рассмотренными предложениями, так как он представляет собой назывное предложение.

Кроме того, данная классификация охватывает не все виды простых предложений. Такие недостатки присущи и нормативной грамматике карачаево-балкарского языка, в которой выделены не все виды простых предложений и даны без глубокого анализа¹⁸.

Отсутствие монографических работ, посвященных главным членам предложения, отражается и на решении ряда вопросов синтаксиса сложного предложения. Это особенно остро чувствуется в рассмотрении вопроса о причастных, деепричастных оборотах, при выяснении взаимоотношений между простыми и сложными предложениями, в определении состава главных членов предложения и т. д. Отсюда ясно, что проблема главных членов предложения является одним из важнейших вопросов карачаево-балкарской грамматики. Всестороннее исследование этого вопроса поможет раскрытию внутренних законов развития языка и в то же время будет способствовать методически правильной постановке синтаксического разбора предложения в школьной практике. Следовательно, данная проблема имеет большое практическое и теоретическое значение.

В предлагаемой вниманию специалистов монографии определяются грамматические функции подлежащего и сказуемого как организующих членов предложения, выявляются их структурные типы. Особое внимание уделяется средствам выражения главных членов простого предложения. В работе устанавливается степень участия различных лексико-грамматических разрядов слов в выражении подлежащего и сказуемого.

---

¹⁸ Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, КБНИИ, Нальчик, 1966, стр. 307—310.

ВВЕДЕНИЕ

ОБ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРНЫХ ПРИЗНАКАХ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

В подавляющем большинстве случаев простое предложение состоит из сочетания слов. Но не всякое словосочетание может быть предложением. Например, в словосочетаниях *бийик тау* — «высокая гора» и *кёгюрчюнню учууу* — «полет голубя» слова соединены друг с другом по определенным правилам, присущим данному языку, однако они не имеют реального, актуального смысла. В них выражается не цельная мысль, а скорее как бы фрагменты мысли и в то же время отсутствует нечто, что делает данный ряд закономерно соединенных слов предложением.

Что же делает отдельное слово или словосочетание предложением? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим два таких словосочетания, которые состоят из одних и тех же слов, но имеющих разные формы: 1. *Кёгюрчюнню учууу*. — «Полет голубя»; 2. *Кёгюрчюн учады*. — «Голубь летит». В каждом из этих словосочетаний говорится об одном и том же лице (голубе) и об одном и том же действии (полете), несмотря на это, между этими сочетаниями слов имеется важное различие. Услышав первое словосочетание, мы поймем, что оно связано с полетом голубя, но при этом не будем иметь ни малейшего представления о том, является ли это событие реальным или возможным; относится ли оно к настоящему моменту или к будущему времени и т. п. Напротив, второе словосочетание является сообщением реального факта, имеющего вполне определенный актуальный смысл, потому что в нем указание на время (здесь на настоящее время) совершения действия сопровождается указанием на то, что содержание данного вы-

сказывания мыслится как соответствующее действительности. Это отнесение данного события к действительности и создает впечатление законченности мысли, его и называют предикацией. Основным, наиболее существенным моментом в оформлении речи в виде предложения, тем, что делает предложение предложением, является отнесение высказываемого к действительности, т. е. предикация. Именно она включает сказанное в систему бытия, придает высказыванию законченность и превращает отрезок речи в предложение.

По вопросу о том, что такое предикативность, в советском языкознании существуют в основном две точки зрения. Одна группа ученых¹⁹ считает, что мысль всегда двучленна, т. е. предложение обязательно должно быть двучленным. Иными словами, она видит языковое выражение предикативной связи только во взаимоотношении подлежащего и сказуемого. Другая же группа ученых²⁰ находит признаки предикативности как в двусоставном, так и в односоставном предложении. Мы также присоединяемся к этой последней точке зрения. При ином подходе к разрешению данной проблемы учитываются лишь двусоставные предложения, в которых наличествуют состав подлежащего и состав сказуемого. Но в карачаево-балкарском языке имеются и такие предложения, которые нерасчленимы на подлежащее и сказуемое.

Как известно, в двусоставном простом предложении наличествуют оба главных члена — подлежащее и сказуемое. Например: 1. *Жырчыла жырлайдыла.* — «Певцы поют»; 2. *Тойчула тепсейдиле.* — «Танцоры танцуют».

В них предикативность (сказуемость) находит свое выражение во взаимосвязи подлежащего и сказуемого, соотношенной с реальной действительностью. Эта связь осуществляется при помощи различных морфологических показателей. Например, в глагольных предложениях такими показателями

---

¹⁹ А. Г. Руднев. Синтаксис простого предложения. М., 1960, стр. 420; Е. В. Кротевич. О связях слов в словосочетании и в предложении. «Русский язык в школе», М., 1958, № 6, стр. 24; Э. В. Севортян. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. «Исследования по ср. грамматике тюркских языков», ч. III, М., 1961, стр. 6; Н. А. Баскакова. Система спряжения и изменения слов по лицам в языках тюркской группы. «Исследования по ср. грамматике тюркских языков», ч. II, М., 1956, стр. 6.

²⁰ В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. ВЯ, 1954, № 1, стр. 17; Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи, 1960, стр. 147; Ю. Сеидов. Предложение. «Современный азербайджанский язык», синтаксис (на азерб. яз.). Баку, стр. 96; З. И. Будагова. Простое предложение в современном азербайджанском литературном языке (А. докт. дисс.), Баку, 1963, стр. 8.

предикативности являются категория лица, времени и наклонения. Самым типичным способом выражения предикации является выражение её с помощью личных форм глагола. В двусоставных глагольных предложениях сказуемые всегда оформляются аффиксами предикативности. Только сказуемые, выраженные повелительной формой глагола единственного числа, не имеют этих аффиксов. Несмотря на это, такие сказуемые согласуются с подлежащими в лице и числе.

Что касается именных двусоставных предложений, то в них наблюдается иная картина. В тех случаях, когда они относятся к настоящему времени, предикативное отношение в них может быть выражено двумя способами. Основным из них является форма *Мен механизаторма*. — «Я механизатор». Специфической особенностью данной формы является то, что предикация в ней выражена личным аффиксом *-ма*. Подлежащие такого рода предложений отмечаются не только такими аффиксами, но передаются еще и отдельными словами. При опущении последних данные предложения не разрушаются: *Механизаторма*. — «(Я) механизатор».

Вторым способом выражения предикации в именном двусоставном предложении является форма *Мен — механизатор, сен — устаз*. — «Я — механизатор, ты — учитель», где сказуемое не имеет никаких показателей, указывающих на его предикативную функцию или отмечающих подлежащее.

Следует отметить, что такие предложения в карачаево-балкарском языке, как явствует из примеров, употребляются попарно, составляя собой сложное предложение.

Напомним, что в карачаево-балкарском языке этот способ предикативной связи употребляется довольно редко.

Характерно, что при этом предложение невозможно без наличия подлежащего. Например, если в предложении *Ата — билек, ана — жүрек*. — Букв.: «Отец — рука, мать — сердце» (*посл.*) опустим подлежащие *ата, ана*, то сказуемые *билек, жүрек* не могут быть предложениями, потому что при пропуске подлежащих таких предложений предикативная связь разрушается. В равной степени такие предложения оказываются невозможными и без сказуемого. Это объясняется отсутствием тех факторов, которые делают данные словосочетания предложениями, — это, во-первых, порядок слов, при котором название признака следует за названием предмета, и, во-вторых, участие интонации сообщения.

Грамматическая функция сказуемых таких предложений всегда обуславливается их постпозитивным положением по от-

ношению к подлежащему. Это положение одновременно является и формой выражения предикации.

Прошедшее и будущее времена именного сказуемого в карачаево-балкарском языке образуются при помощи вспомогательных глаголов *эди* и *боллукъду*.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в отличие от категории лица, являющейся общепредикативной категорией и относящейся как к глаголу, так и к имени, категории времени и наклонения как грамматические категории свойственны лишь глаголу, в то время как в именных частях речи, принявших личные аффиксы (или слова *эди*, *боллукъду*), бывают заложены в процессе речи только самые общие понятия времени и модальности²¹.

В отличие от двусоставных, односоставные предложения формируются на базе лишь одного главного члена (сказуемого или подлежащего), поэтому в них субъект и предикат мысли бывают выражены в нерасчлененной форме. Являясь коммуникативными единицами, односоставные предложения также содержат определенное предикативное отношение, т. е. отношение содержания высказывания к действительности.

Пути реализации предикативной связи в различных типах односоставных предложений различны. В обобщенно-личных, неопределенно-личных и безличных предложениях предикация выражается показателями лица, времени и наклонения. Конечно, в отличие от сказуемых двусоставных предложений сказуемые данных односоставных предложений не могут оформляться всеми формами лица, времени и наклонения. Например, сказуемые обобщенно-личных предложений чаще всего выражаются глаголом второго лица единственного числа повелительного наклонения или глаголом третьего лица множественного числа неопределенного будущего времени изъявительного наклонения: 1. *Къартны бурнун сюрт да оноугъа тюрт*; 2. *Кюлме жашха, келир башха*; 3. *Жыгъылгъанга кюлмейдиле*.

А сказуемые неопределенно-личных предложений обычно выражаются глаголами множественного числа изъявительного наклонения, сказуемые же безличных предложений бывают глагольными или именными и всегда оформляются аффиксом третьего лица единственного числа: 1. *Тёгерекни ариуларгъа керекди*; 2. *Тёгерекде шошду*.

Из сказанного видно, что в указанных типах односостав-

²¹ З. И. Будагова. Указ., работа, стр. 10.

ных предложений сказуемые употребляются лишь в определенных формах или в различных формах, выражающих одно и то же обобщенное значение.

В отличие от этих односоставных предложений, назывные предложения в основном состоят из имени существительного или из других субстантивированных частей речи в именительном падеже или же из словосочетания. В становлении таких предложений главенствующую роль играют интонация и контекст. Отдельные слово или словосочетания только благодаря им становятся предложениями.

Таким образом, факты карачаево-балкарского языка говорят о том, что предикативность нельзя свести только к выражению отношений между главными членами предложения. Она находит свое специфическое выражение не только в двусоставных, но и в односоставных предложениях, а также в контекстуально-неполных и эллиптических предложениях.

В предложении находят свое выражение не только явления и процессы внешнего мира, но и отношение к этим фактам говорящего лица. Поэтому с предложением, с разнообразием его типов тесно связана не только категория предикативности, но и категория модальности.

Как определить категорию модальности, как её отличить от категории предикативности, какая из этих категорий является главной в определении предложения?

В результате долгих споров вокруг этих вопросов в советском языкознании большинство ученых, придерживаясь точки зрения акад. В. В. Виноградова, пришло в основном к выводу о том, что модальность является одним из существенных и конструктивных признаков любого предложения и неразрывно связана с предикативностью²². По мнению же некоторых ученых, модальность не может быть связана с предикативностью²³. Например, исследователь башкирского языка Н. Х. Ишбулатов считает, что «...в тюркских языках модальность не выступает как основной показатель предложения». «Мне кажется, что модальность лишь вспомогательный «кра-

---

²² В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды института русского языка», т. 2, 1950; З. И. Будагова. Указ. работа, стр. 11; Н. Г. Агазаде. К вопросу о категории наклонения и модальности в современном азербайджанском языке. Баку, 1965.

²³ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1965, стр. 40; И. Б. Хлебникова. Сослагательное наклонение в современном английском языке. Учпедгиз, 1958, стр. 8.

сочный» элемент речи»²⁴, — говорит он и тем самым выступает против выдвижения модальности как универсального признака предложения. Мы считаем, что с этим нельзя согласиться.

Предложение, выражая суждение и другие разновидности человеческой мысли (вопрос, побуждение), сообщает о действительности. Любое такое сообщение оформляется в языке при помощи категории предикативности, мобилизующей для этой цели все необходимые лексико-грамматические средства данного языка, ибо это сообщение о действительности неразрывно связано с целым рядом понятий, отражающих диалектическое единство явлений реальной действительности. Речь, как способ общения между людьми, не может быть без говорящего (или пишущего), без собеседника, она немыслима также без различных отношений между ними, иначе говоря, сообщение о каком-то явлении действительности служит в процессе коммуникации средством выражения мысли для говорящего лица, для понимания высказанной мысли слушающим лицом. Вместе с тем любое сообщение о действительности связано также с отношением говорящего к этой действительности. Все то, что сообщается, может мыслиться говорящим как наличное в настоящем или прошлом, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п. Это отношение сообщения к действительности с точки зрения говорящего определяется академиком В. В. Виноградовым как модальное отношение. Время, лицо и модальность сообщения неразрывно связаны друг с другом как различные стороны одного и того же явления. Говоря словами Н. Ю. Шведовой, работая совместно, они создают высшее качество — предикативность²⁵.

Таким образом, синтаксическая категория модальности, выражающая оценку соотнесенности содержания сообщения с действительностью в плане реальности или нереальности (в широком смысле этого слова), неразрывно связана с категорией предикативности, является одним из компонентов её языкового выражения и подчинена ей. «Вне модальности не может быть предикации»²⁶.

---

²⁴ «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР». Уфа, 1958, стр. 54.

²⁵ Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, стр. 11.

²⁶ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. II. Братислава, 1960, стр. 470.

В лингвистической литературе часто можно видеть, что некоторые авторы, хотя об этом открыто и не говорят, между наклоном и модальностью ставят знак равенства²⁷. С этим, конечно, нельзя согласиться, потому что модальность является категорией более объемистой, она выходит далеко за рамки одних наклонов.

Здесь необходимо указать, что спорным является и вопрос о том, является ли категория модальности всеобъемлющей или нет, т. е. все ли наклоны модальны. И. С. Пospelов отрицает модальность изъявительного наклона²⁸. Эту точку зрения поддерживают и исследователь чувашского языка М. Р. Федотов²⁹ и авторы «Современного русского языка», которые пишут, что «различные модальные оттенки высказывания изъявительного наклона может выражать только в сочетании с модальными словами и частицами»³⁰.

Все ученые, которые считают, что глаголы изъявительного наклона без модальных слов и частиц не могут выражать модальные отношения, не ставят ни под какое сомнение, что другие категории наклона обладают главным образом модальным значением, иначе говоря, отрицают возможность выражения модальности только категорией изъявительного наклона, тем самым отрицая всеобъемлющий характер категории модальности. С этим нельзя согласиться по той причине, что в любом предложении, независимо от того, глагол какого наклона выступает в качестве его сказуемого, выражается отношение содержания речи к действительности. Предложений, в которых не было бы тем или иным способом выражено отношение говорящего к содержанию своего высказывания, «ни в одном языке не существует»³¹. На самом-то деле, если исходим из того положения, что в каждом предложении выражается отношение содержания к действительности: либо утверждается реальное существование какого-либо факта, либо отрицается его наличие, либо высказывается мнение о воз-

²⁷ Грамматика русского языка, т. I. Изд. АН СССР, 1952, § 473; Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. КБНИИ, Нальчик, 1966, стр. 195; Е. М. Галкина-Федорук и др. Современный русский язык, М., 1958, стр. 349.

²⁸ И. С. Пospelов. Категория времени в грамматическом строе русского глагола. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 292.

²⁹ М. Р. Федотов. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары, 1963, стр. 7.

³⁰ Е. М. Галкина-Федорук и др. Современный русский язык, М., 1958, стр. 349.

³¹ А. Б. Шапиро. ЗаклЮчительное слово. «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР», Уфа, 1958, стр. 58.

можности, реальности, предположительности, побудительности и т. д. явлений и процессов, то, скажем, в предложениях типа *Тауда жауун жауады*.—«В горах идет дождь» мы имеем дело с объективной модальностью. Она передается в данном предложении как синтаксически (утвердительная структура предложения), так и морфологически (форма изъявительного наклонения глагола — *жауады*). А если добавим к вышеприведенному предложению одно из модальных слов или его сказуемое выразим какой-либо модальной формой глагола, то картина сразу же изменится, т. е. мы сразу почувствуем оценочное отношение говорящего к этому действию: *Тауда, баям, жауун жауады*.— «В горах, вероятно, идёт дождь»; *Тауда жауун жауа болур*.— «Вероятно, в горах идет дождь»; *Тауда жауун жауа кёреме*.— «Оказывается, в горах идёт дождь». Эти примеры вводят нас в круг субъективно-модальных значений, которые отражают различную степень отклонения действия от выражения реального факта и носят на себе отпечаток определенных субъективных суждений говорящего лица. Здесь мы видим, что говорящий строит догадки, что факт действительности («идет дождь»), возможно, имеет место (первый и второй примеры). А в третьем случае мы имеем дело с модальной формой на *кёреме*, которая обозначает субъективную оценку говорящего — его умозаключение, убеждение в состоятельности или несостоятельности действия или обнаружение совершившегося факта с оттенком неожиданности. В последних трех случаях категория субъективной модальности передается лексическим средством — модальным словом *баям* и модальными формами глагола на *кёреме* и *болур*.

Таким образом, все категории наклонения модальны. Но это еще не дает основания ставить знак равенства между наклонением и модальностью. Модальные отношения, как мы отметили выше, передаются не только категориями наклонения, но и другими лексическими средствами — модальными словами, частицами и специальными глагольными конструкциями и т. д. Имея в виду это, Н. Г. Агазаде совершенно верно отмечает, что «наклонения — это грамматическая форма выражения отдельных частных значений единой лексико-грамматической категории модальности. Каждое наклонение в языке является формой выражения одного из комплексов соотносенных друг с другом частных значений категории модальности»³².

³² Н. Г. Агазаде. К вопросу о категории наклонения и модальности в современном азербайджанском языке. Баку, 1965, стр. 84—85.

Как известно, диалектический материализм учит, что категория содержания как таковая существует постольку, поскольку она облечена в соответствующую форму. Иначе говоря, нет содержания без формы и, наоборот, нет формы без содержания. Если существует модальное содержание, а в этом мы не сомневаемся, то оно должно быть оправдано существованием его формы, т. е. в языке должны наличествовать специальные лексико-грамматические средства для выражения модальности. Только наличие системы языковых средств выражения дает право этой категории существовать в языке в качестве самостоятельной лексико-грамматической категории.

К этой категории относятся модальные слова, которые возникли и оформились в самостоятельный лексико-грамматический разряд вследствие взаимоперехода частей речи. Как отмечают советские языковеды, образование модальных слов от других частей речи наблюдается во многих языках. Это характерно и для исследуемого языка.

Следует отметить, что каждое модальное значение имеет свои средства выражения. Если взять всю общую категорию модальности, то она выражается целой гаммой средств: фонетически (интонация), грамматически (наклонения), лексико-грамматически (модальные слова и частицы), а также сочетанием слов и целыми предложениями.

В карачаево-балкарском языке слова, словосочетания и предложения, которые выражают модальные отношения, в предложении выделяются запятыми, т. е. вводятся. Но не все вводные слова могут выражать модальные отношения. Например, нельзя относить к модальным такие вводные слова и сочетания слов, как *насыбха* — «к счастью», *манга хатагъа* — «к моему несчастью» и т. д.

Нельзя субъективную модальность смешивать с различными эмоциональными формами выражения реакции на действительность — проявление радости, печали, изумления, возмущения, надежды, боязни и т. п. Необходимость четкого, принципиального разграничения грамматических значений модальности от значений эмоционально-субъективных изъятий продиктована тем, что «обе эти сферы речевых явлений, в которых отражается реальная действительность в её преломлении в общественном сознании людей, находятся между собой в самом тесном взаимодействии»³³, что зачастую приводит к

---

³³ В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды ин-та русского языка», т. 2, М.-Л., 1950, стр. 49.

полному смешению этих значений, а также к чрезвычайно расплывчатому, широкому пониманию термина «модальность». Как раз этот нежелательный факт в карачаево-балкарском языкознании имеет место. Например, «Грамматика карачаево-балкарского языка», составленная коллективом авторов, — единственный труд, в котором хоть кратко (на 3—4 стр.), но говорится о модальных словах. Субъективные, экспрессивные формы высказывания здесь совсем не отличаются от категории модальности. Вслед за анализом некоторых модальных значений в этой работе тут же рассматриваются лексические формы выражения таких «модальностей чувства», как ожидание, надежда, одобрение, недовольство, безразличие и т. д. К модальным словам отнесены также такие слова и примыкающие сюда словосочетания, которые являются словами уточнительными, пояснительными и т. д. *кёремисе* — «видишь», *сора* — «потом», *кечгинлик бер* — «извиняюсь», *кбысхасы* — «короче говоря», *ангылаймыса* — «понимаешь», *керти окъуна* «в самом деле», как ни странно, но и вводные слова, при помощи которых говорящий может устанавливать отношения между членами предложения, например: *биринчиден*, *экинчиден* — «во-первых», «во-вторых» и т. д.³⁴

Конечно, там, где имеются такие недостатки в рассмотрении модальных слов, проблема модальности не могла быть решена удовлетворительно. На наш взгляд, задача исследователя сводится как раз к изучению модальных значений лексических (а также грамматических и интонационных) средств выражения языковой категории модальности. Необходимость выделения этих средств от различных эмоциональных форм выражения реакции на действительность — проявление радости, печали, изумления, возмущения, надежды, боязни и т. д. — вытекает из материалистического понимания категории модальности, определяющей не субъективно-эмоциональные проявления человеческих чувств, а отношение содержания речи к действительности в плане его реальности, возможности, предположительности, побудительности и т. д.

Приведем наиболее характерные лексические средства, которые реализуется категория модальности в карачаево-балкарском языке. Это, во-первых, модальные слова и сочетания слов, дающие рассудочную, логическую оценку сообщаемого, утверждающие его реальность, возможность и т. д.: *Кертуди, мен ол китабны бек жаратханма.* — «Правда, эта книга мне

³⁴ Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Къабарты-малкъар илмузлем институт, Нальчик, 1966, стр. 227—230.

очень понравилась» (А. Теппеев); *Эшда, кьонакъла бюгюн келлик болурла*. — «Вероятно, гости приедут сегодня» (О. Этезов); *Мени акъылыма кёре, ол тюздю*. — «Как мне кажется, он прав»; *Баям, ол тюздю*. — «Наверное, он прав» и т. д.

Во-вторых, предложения типа *ким биледи* — «кто знает», *билрге болур* — «может быть, знает», которые употребляются говорящим, когда он отвечает на вопрос собеседника.

Такие факты говорят о том, что определение, даваемое модальным словам в русском языке, вполне подходит и для карачаево-балкарского языка: «Модальными словами называется разряд таких слов, при помощи которых выражается то, как говорящий относится к содержанию всего высказывания в целом или к отдельным его компонентам»³⁵. Кроме модальных слов (словосочетаний и предложений), в карачаево-балкарском языке имеется очень много специальных форм глагола для выражения разнообразных модальных отношений, которые образуются аналитически с помощью особых модальных слов *кёреме* — оказывается, *кёрюнеди* — «видно», «видится», *ушайды* — «похоже» и т. д.

Частицы, которые в карачаево-балкарском языке выражают модальные отношения, можно условно подразделить на три основные группы: 1) модально-утвердительные: *хоу, хоу-хоу*. В этом же значении может употребляться и частица *а*, когда она стоит после глагольной формы на *-май (-мей)*; 2) модально-отрицательные: *угъай (огъай), огъай-огъай, тьююдю, хоу бирда, -ма (-ме)*; 3) модально-вопросительные: *-мы (-ми, -му, -мю), а, уа, да*.

Как указано выше, модальность в карачаево-балкарском языке передается и фонетически, при помощи интонации, и грамматически, т. е. формами различных наклонений. Таким образом, она имеет свои средства выражения и, будучи неразрывно связанной с категорией предикативности, по своему функциональному объему подчиняется ей.

Кроме того, необходимо указать, что любое предложение состоит из одного слова или нескольких слов. Однако помимо этих слов, являющихся конкретно-материальными и строевыми единицами, в предложениях участвует и то, что мы называем интонацией, которая объединяет члены предложения в единое целое, вместе с тем показывает законченность предложения. Только при помощи законченной интонации говорящий

---

³⁵ Е. М. Галкина-Федорук и др. Современный русский язык, М., 1958, стр. 383.

передает, а слушающий воспринимает различные чувства и эмоции, которыми обычно бывает окрашена речь.

Слова и словосочетания при наличии этой интонации представляют законченные предложения, а при ее отсутствии — только просто слова и словосочетания, входящие в то или другое предложение. Подчеркивая все это, А. И. Смирницкий пишет: «Никакое предложение, взятое в отвлечении от соответствующей интонации, просто как сочетание слов, не является настоящим, живым предложением: оно будет так же отличаться от этого последнего, как труп отличается от живого существа. Важно заметить, что даже предикативное словосочетание вроде «он пришел» без соответствующей интонации не имеет полноты и законченности предложения»³⁶. (Подчеркнуто нами.— А. И.). Интонация присуща любому предложению, независимо от его структуры. Акад. В. В. Виноградов указывает, что «можно не сомневаться в том, что в каждом предложении, даже в разговорном предложении резко эмоционального, грамматически нерасчлененного характера... выражается предикативное сочетание субъекта и предиката, но нельзя сомневаться в том, что этим предложениям или высказываниям присуща интонация сообщения»³⁷. Это относится и к карачаево-балкарскому языку. Так, например, предложениям резко эмоционального характера *Хай хай, таланган! Ма санга! Бар алай!* и т. д., присуща особая интонация сообщения, хотя они и являются нерасчлененными.

Особое значение приобретает интонация в односоставных предложениях. Например, существительные *уруш* — «война», *ачлыкъ* — «голод» и т. д. при произнесении их монотонной, слогарной интонацией, останутся просто словами. А если произнесем эти слова с какой-либо живой интонацией, получим предложения: *Уруш. Ачлыкъ.* — «Война». «Голод». Как мы отметили выше, то же самое наблюдается и с сочетаниями слов. Например, словосочетания *къарангы кече* — «темная ночь», *исси кюн* — «знойный день» и т. п., произнесенные определенной интонацией сообщения, являются предложениями. Сравните эти предложения с другими, а именно: *Бу къарангы кече къалай салкъынды!* — «Как прохладна эта темная ночь!» и *Биз бери бир исси кюн келгенбиз.* — «Мы сюда приехали в очень жаркий день», в которых данные словосочетания являются членами предложения, первое — подлежащим, второе — обстоятельством времени.

³⁶ А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 36.

³⁷ «Вопросы грамматического строя». М., изд-во АН ССР, 1955, стр. 401.

Таким образом, в карачаево-балкарском языке роль интонации проявляется в оформлении предложения как законченного смыслового целого. В некоторых типах предложений, особенно в назывных, формирующихся без глагола, интонация становится самым основным средством выражения предикации. Простая лексическая единица — слово с предметным значением, называющее предмет или явление действительности, а также словосочетание, стягивая в себе соответствующую интонацию, становятся законченными предложениями.

Итак, при определении предложения всегда необходимо помнить, что в языке нет предложения, которому не присущи предикация, модальность и законченная интонация. Предикативность проявляется как в интонации, так и в категориях лица, времени и модальности. Модальность вносит такие оттенки в значение предложения, которые больше связаны с субъективной оценкой фактов и явлений, а следовательно, с чувствами и желаниями говорящего. Категория модальности может выражаться, как и предикативность, не только интонацией, но и наклонениями глагола, модальными словами, частицами.

При определении предложения и рассмотрении вопроса о том, являются ли те или иные синтаксические конструкции высказываниями или членами предложения и т. д., мы исходим из вышеизложенного, т. е. считаем, что основным характерным признаком предложения, отличающим его от слов и их сочетаний, является наличие предикативности, модальности и интонационной законченности сообщения.

О ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проблема членов предложения тесно связана с проблемой частей речи. Как известно, в основе понятия «части речи» лежит деление слов на лексико-грамматические группы. «При установлении частей речи важны все три критерия — морфологический, семантический (общее грамматическое значение части речи) и синтаксический, но не каждый в отдельности, а в их совокупности»³⁸.

В предложениях все слова, независимо от того, к какой части речи относится каждое из них, находятся в тесном взаимодействии, т. е. грамматически оформлены по законам данного языка и выражают относительно законченную мысль, тем

³⁸ Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 225.

самым составляют предложение. Иными словами, как и предложение в целом, члены предложения создаются в речи. Они являются продуктом применения языковых единиц в процессе общения. В этом процессе членами предложения становятся не только языковые единицы (слова), но и словосочетания, выступающие в предложении как неразложимые по функции комплексы слов. Из сказанного вытекает, что членами предложения являются синтаксические категории, возникающие в предложении на основе форм слов и форм словосочетания и отражающие отношения между структурными элементами предложения³⁹.

Возникает вопрос: в каких отношениях находятся члены предложения и части речи?

Как показывают факты языка, части речи и члены предложения — соотносительные, но далеко не тождественные категории. Это объясняется тем, что член предложения является не словом; как таковым, а представляет собой продукт взаимодействия слов с другими языковыми единицами. Конечно, в большинстве случаев возможно не отождествление, а сближение этих категорий (частей речи и членов предложения). В результате частного совпадения общего категориального значения той или другой части речи (предметность у имени существительного, признак у имени прилагательного и т. д.) и значения соответствующего члена предложения возникает видимость дублирования этих категорий.

В языке для каждой части речи характерно её употребление в функции какого-либо члена предложения. Например, существительное употребляется в функции подлежащего или дополнения, глагол в функции сказуемого, прилагательное в функции определения и т. д. Таким образом, за каждой частью речи в языке закрепляется основная синтаксическая функция, а все другие функции являются вторичными, второстепенными⁴⁰.

В функции членов предложения выступают не только отдельные слова, но и сочетания слов. Это очень частое явление в карачаево-балкарском языке и, как отмечает проф. У. Б. Алиев, объясняется «тем, что язык и его грамматика беспрерывно изменяются. Изменения эти вызываются изменения-

---

³⁹ В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 412.

⁴⁰ Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962. стр. 61.

ми мышления человека, вызываемого изменениями условий материальной стороны жизни человека»⁴¹.

Исходя из того, что каждая из частей речи как бы специализирована для выражения того или иного члена предложения, ученые делают вывод о том, что члены предложения исторически сложились на базе частей речи. Соответственно различаются члены предложения морфологизированные (т. е. выраженные специализировавшимися для данной синтаксической функции частями речи) и неморфологизированные (т. е. выраженные формой, не специализировавшейся для данной синтаксической функции)⁴².

Предложение в современном карачаево-балкарском языке, как основная синтаксическая единица, характеризуется наличием следующих языковых средств, служащих для выражения заключенного в нём содержания: а) формы отдельных слов; б) служебные слова (союзы, послелоги, частицы); в) интонация, г) порядок слов.

Слова, входящие в состав предложения, становятся его членами благодаря взаимодействию этих средств.

Не у всех слов, входящих в предложение, синтаксическая функция одинакова: Слова, которые в зависимости от их форм и занимаемого ими в предложении места находятся в определенных синтаксических отношениях, являясь членами предложения, выполняют различные синтаксические функции. Например, в предложении *Ала бийик таудан эндиле*.—«Они спустились с высоких гор» (*А. Тенпеев*) мы имеем четыре слова, каждое из которых имеет определенную форму и занимает определенное место в предложении. Таким образом, они находятся в определенных синтаксических отношениях, а следовательно, являются членами предложения: *Ала* — «они» — подлежащим, *эндиле* — «спустились» — сказуемым и *таудан* — «с гор» — обстоятельством места, *бийик* — «с высоких» — определением.

Члены предложения всегда находятся между собой в определенных синтаксических отношениях. Вот почему проф. У. Б. Алиев пишет: «Члены предложения — это слова и словосочетания, употребленные в качестве лексического выражения какого-либо грамматического значения друг у друга в сло-

⁴¹ Проф. У. Б. Алиев. Главные члены предложения карачаево-балкарского языка... В сб. «В помощь учителю балкарской школы», четвертый сборник методических статей. Нальчик, 1962, стр. 25.

⁴² Р. И. Аванесов. Второстепенные члены предложения как грамматические категории. «Русский язык в школе», 1936, № 4, стр. 56.

восочетании из состава предложения»⁴³. Покажем это на примерах. *Бизни къралыбыз онеки кърал бла хоншуду*. — «Наша страна граничит с двенадцатью странами» (*Хубийланы О.*). Здесь имеются четыре члена, каждый из которых является лексическим выражением грамматического значения другого. Например, слово *бизни* — «наша» является лексическим выражением значения принадлежности, выраженного грамматически словом *къралыбыз* — «наша страна», а слово *къралыбыз* — «наша страна» — лексическим выражением значения субъекта действия, выраженного грамматически словом *хоншуду* — «граничит». Само слово *хоншуду* — «граничит» является лексическим выражением значения действия, выраженного грамматически словом *къралыбыз* — «наша страна». Словосочетание *онеки кърал бла* — «с двенадцатью странами» является лексическим выражением значения косвенного дополнения, выраженного грамматически словом *хоншуду* — «граничит».

Как видим, это предложение состоит из следующих словосочетаний: *Бизни къралыбыз* — «наша страна», *къралыбыз хоншуду* — «(наша) страна граничит», *онеки кърал бла хоншуду* — «с двенадцатью странами граничит». Каждые два слова, составляющие одно словосочетание, связываются между собой как лексические выражения тех или иных значений, выраженных грамматически противостоящим словом в сочетании. Эта внутренняя связь между словами в предложении является тем фактором, который объединяет эти слова и превращает их в члены предложения.

Существенным признаком предложения, отличающим его от различных сочетаний слов, не образующих предложения, является наличие в нем предикативной связи, выраженной определенными языковыми средствами. Сущность предикативной связи заключается в том, что она, в отличие от всех других связей, устанавливается в момент речи. Предикативность не всегда выражается в предикативной связи между частями или членами предложения. Она может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения. Например, предложения *Планланы кезиунден алгъа толтурургъа!* — «Планы выполнять досрочно!» (*К. Ж.*); *Терк!* — «Быстро!»; *Бийик кёк. Жулдузла.* — «Высокое небо. Звезды». (*Э. Гуртуев*) не поддаются расчленению. Такого рода нечленимые предложения довольно многообразны по структуре.

Подобно другим языкам грамматическая структура предложения современного карачаево-балкарского языка в подав-

⁴³ У. Б. Алиев. Указ. работа, стр. 24.

ляющем большинстве случаев характеризуется двусоставностью, т. е. наличием таких двух членов, которые всегда связываются предикативной связью. Первый из этих членов предложения, определяемый вторым, называется подлежащим, второй же, которым определяется первый, — сказуемым⁴⁴.

В предикативных отношениях могут находиться только эти два члена. Этим и объясняется тот факт, что их называют главными.

Как известно, все самостоятельные слова языка в предложении в зависимости от их форм и соответствующих им синтаксических отношений, выполняют различные синтаксические функции, т. е. становятся членами предложения. Роль каждого члена предложения, его удельный вес в формировании предложения как предикативной единицы речи определяет его место во всей системе составляющих предложение членов. Каждый из членов предложения либо входит в конструктивный центр предложения (подлежащее + сказуемое), в котором выражается предикация, и тогда он является одним из главных членов предложения, либо он только примыкает к этому центру, не связываясь с выражением предикации, и в этом случае он является второстепенным членом⁴⁵.

Чем отличаются второстепенные члены предложения от главных членов? На этот теоретически и практически важный вопрос не всегда дается правильный ответ не только в нормативных грамматиках, но и в специальных исследованиях по синтаксису тюркских языков. Так, например, в работе И. Д. Джакубова «Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского литературного языка» подчеркивается, что «подлежащее — это один из главных членов предложения, обозначающий предмет речи»⁴⁶ (подчеркнуто нами.— А. И.). Такое определение подлежащего наталкивает на мысль о том, что подлежащее в предложении имеет больший смысловой вес, чем какой-либо другой член предложения. Этот взгляд является ошибочным. Дело в том, что иногда второстепенный член предложения с точки зрения содержания высказывания оказывается более существенным и важным,

---

⁴⁴ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., изд-во лит-ры на иностранных языках, 1956, стр. 44.

⁴⁵ О. С. Ахманова, П. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории. Изд-во МГУ, 1963, стр. 144.

⁴⁶ И. Д. Джакубов. Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского литературного языка. Фрунзе, 1966 (А. докт. дисс.), стр. 52.

чем любой из главных членов предложения. Например, если учитель, подошедший в классе к ученику, выполняющему самостоятельную работу, скажет: *Магомет, ариу жаз!* — «Магомет, пиши аккуратно», то с точки зрения выражения в этом предложении мысли слово *арину* — «аккуратно» важнее, чем сказуемое *жаз* — «пиши». Почему? Ведь, замечание сделано учителем не потому, что ученик сидел и не писал, а потому, что писал неаккуратно.

Такие факты показывают, что грамматическая зависимость второстепенных членов предложения от его главных членов и их второстепенность «относительно не означает, что они всегда имеют и семантически второстепенный характер в конкретном контексте»⁴⁷. Отличие второстепенных членов предложения от главных его членов состоит не в смысловом весе тех и других в высказывании, а в их разной грамматической роли. Несмотря на то, что второстепенные члены предложения могут сообщать основную мысль высказывания, они не могут стать главными членами предложения. Они становятся членами предложения только в составе предикативного словосочетания, а последнее представляет, как известно, сочетание подлежащего со сказуемым. Актуализация второстепенных членов предложений, независимо от их смыслового веса в высказывании, происходит «только через посредство сказуемого», т. е. предикации. Отличие сказуемого от второстепенных членов предложений состоит в том, что в нем выражается предикация. А подлежащее обозначает предмет, по отношению к которому определяется предикация. В силу этого подлежащее называют главным членом предложения.

Стало быть, главные члены предложения являются основным структурным элементом и предикативным ядром простого предложения. Если отбросить второстепенные члены, то никакое простое предложение не перестанет быть предложением. Например, в предложении *Командир бла Андрей Воронов жаралыны дорбунну теренине кийирдиле.* — «Командир и Андрей Воронов раненого внесли в глубь пещеры» (*О. Этезов*) можно опустить дополнение (*жаралыны* — раненого) и обстоятельство (*дорбунну теренине* — в глубь пещеры). После этого остается сочетание слов *Командир бла Андрей Воронов кийирдиле.* — «Командир и Андрей Воронов внесли», являющееся предложением, потому что оно представляет собой структурное ядро приведенного нами предложения.

---

⁴⁷ В. Г. Адмони. Указ. работа, стр. 68.

Залау

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

В существующих грамматиках подлежащее часто определяется следующим образом: «Предмет, о котором идет речь в предложении, называется подлежащим»⁴⁸. С подобным определением трудно согласиться, потому что «речь в предложении может идти» и о второстепенных членах предложения.

В нормативной грамматике карачаево-балкарского языка подлежащее определено иначе: «Слово, стоящее в предложении в форме именительного падежа и отвечающее на один из вопросов *ким?* — «кто?», *не?* — «что?», называется подлежащим»⁴⁹. Но и такое определение нельзя считать полным и правильным. Во-первых, подлежащее может отвечать не только на вопросы *ким? не?*, но и на вопросы *кимле? неле? кими? неси? кимлери? нелери?* И, во-вторых, подлежащим в предложении могут быть не только слова, которые стоят в форме именительного падежа, но и различные словосочетания и т. д.

Определение подлежащего должно опираться на учет его основных грамматических свойств.

1. Как известно, подлежащим двусоставного предложения предикация не может быть выражена, но оно является членом предложения, указывающим на то, к чему относится предикация, выраженная сказуемым. Таким образом, сказуемое формально подчиняется подлежащему. Это наглядно можно показать на следующем примере: *Мен бюгюн тюкенде китабла алгъанма.* — «Я сегодня в магазине купил книги». Здесь сказуемое *алгъанма* — букв.: «взял» подчинено подлежащему *мен* —

⁴⁸ У. Д. Алиев. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Крайнаиздат, 1930, стр. 115; см. также «Современный русский язык», синтаксис. Под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук, изд-во МГУ, 1957, стр. 134.

⁴⁹ Къарачай-малкъар тилини грамматикасы. Къабарты-малкъар илму-излем институт. Нальчик, 1966, стр. 272.

«я». Сказанное становится ясным, если местоимение *мен* заменим другими личными местоимениями: 1. *Сен бюгюн тюкенде китабла алгъанма*. — «Ты сегодня в магазине купил книги». 2. *Ол бюгюн тюкенде китабла алгъанды*. — «Он сегодня в магазине купил книги» и т. д. Как видим, замена подлежащего предложения влечет за собой изменение формы сказуемого.

Данное предложение можно разделить на следующие сочетания слов: 1. *Мен алгъанма* — я купил; 2. *бюгюн алгъанма* — сегодня купил; 3. *тюкенде алгъанма* — в магазине купил; 4. *китабла алгъанма* — купил книги. Это показывает, что здесь все второстепенные члены относятся к сказуемому. Несмотря даже на то, что все второстепенные члены могут быть подчинены сказуемому, последнее подчиняется подлежащему. Таким образом, подлежащее является членом предложения, грамматически доминирующим над сказуемым. Из этого не следует делать вывод, что без подлежащего невозможно построить предложение. Факты языка показывают, что предложения возможны и без подлежащего. Так, в предложении. *Манга мындан мычымай кетерге керекди (А. Теппеев)* — «Мне необходимо отсюда немедленно уйти» подлежащее отсутствует. Подобного рода предложения (не имеющие подлежащего и не нуждающиеся в его наличии) называются безличными. Возможность существования предложения без подлежащего доказывается не только этим. В карачаево-балкарском языке предикативность не всегда выражается предикативной связью между частями или членами предложения. Она может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения. Например, нет подлежащих в предложениях типа *Къуру да алда барыргъа!* — «Всегда идти впереди!»

Таким образом, мы оказываемся свидетелями следующего противоречия: с одной стороны, подлежащее является грамматическим центром предложения, подчиняющим себе сказуемое, с другой — предложение возможно без своего такого центра. Это объясняется тем, что подлежащее, указывая, к чему относится заявление, сделанное в сказуемом, имеет указательный характер. Поэтому, когда это указание имеется в форме сказуемого и когда дается контекстом, подлежащее может и отсутствовать в предложении.

Отсутствие подлежащего имеет место также в предложениях-ответах, в предложениях с повелительной формой глагола-сказуемого и т. д.

При отсутствии подлежащего сказуемое становится конструктивным центром предложения и не зависит от других

членов предложения. В таком случае на подлежащее указывает само сказуемое, и предикация, выраженная им, относится к субъекту, стоящему вне предложения.

2. Как известно, без научного разрешения проблемы главных членов предложения невозможно уяснить вопросы, связанные с другими синтаксическими категориями. Вопрос о подлежащем затрагивался во всех исследованиях по синтаксису тюркских языков. Несмотря на это, до сих пор остается проблематичным понимание формы подлежащего. Это связано с недостаточной изученностью морфологического содержания падежных форм и с терминологической путаницей. Во многих исследованиях по синтаксису тюркских языков встречается термин «неопределенный падеж» или «основной падеж». Под этим термином именительный и винительный объединяются с родительным падежом, в тех случаях, когда у них опускаются падежные аффиксы. «По форме подлежащего предложение в якутском языке могло бы быть названо номинативным. Однако применение этого термина к якутскому языку затруднено тем, что в нем, как во всех языках тюркской системы, нет именительного падежа (номинатива). Падежная форма, которую имеет подлежащее в якутском языке, как и в других тюркских языках, имеет очень широкие синтаксические функции, которые не покрываются понятием именительного падежа. Поэтому эта падежная форма называется в этих языках «неопределенным», «основным», «неоформленным», — читаем мы у Е. И. Убрятовой⁵⁰. Безусловно, такое утверждение приводит к полному или частичному отрицанию номинативности предложения и определенности форм подлежащего. Так, показательна в этом отношении и мысль З. И. Будаговой, считающей, что «...именительный падеж не может считаться отличительным признаком подлежащего, поскольку имена в роли определения, обстоятельства, обращения и сказуемого также могут стоять в этом падеже»⁵¹.

Такие утверждения весьма неубедительны. Действительно, имена в форме именительного падежа могут выступать в качестве средств выражения определения, обстоятельства, обра-

⁵⁰ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950, стр. 19; см. также: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 61; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 93; Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 229.

⁵¹ З. И. Будагова. Простое предложение в современном азербайджанском языке (А. докт. дисс.). Баку, изд-во АН Азербайджанской ССР, 1963, стр. 18.

щения и сказуемого. Но это еще не дает основания отрицать тот факт, что форма именительного падежа является отличным признаком подлежащего, что на центральную роль подлежащего в предложении указывает именно его оформление именительным падежом, представляющим собой наиболее независимое обозначение лица или предмета.

В последнее время большинство тюркологов, признавая правильность этой точки зрения, отмечают, что формой подлежащего является форма именительного падежа. Но в доказательство этой мысли не приводят никаких фактов. Правильность её можно легко доказать на фактах карачаево-балкарского языка.

Выше было отмечено, что каждая из частей речи имеет свою основную функцию в выражении членов предложения, т. е. является специализированным средством для выражения какого-то члена (или каких-то членов) предложения. Точно также каждая форма в языке имеет свою основную функцию. Такой функцией формы именительного падежа имен необходимо считать выражение подлежащего. Употребление же формы именительного падежа в функции составного элемента сказуемого или других членов предложения является её второстепенной функцией. Одна и та же форма слова может выступать в разных синтаксических функциях. Приведем примеры: 1. *Сен тюлкую эсенг, мен кьуйругьума.* — Букв.: «Если ты лисица, то я её хвост» (поговорка); 2. *Колхозугьуз бай эсе, уллу жетишимле болдургьансыз.* — «Если ваш колхоз богат, то вы добились больших успехов». В первом примере сказуемым придаточного предложения является сочетание именительного падежа имени существительного *тюлкую* — «лиса» с вспомогательным глаголом *эсе*, а во втором — сочетание имени прилагательного *бай* — «богатый» с тем же вспомогательным глаголом. Возьмём, к примеру, простое предложение: *Бизни таулада ёсенг гокка хансла кьызыл, акъ эм жашилдиле.* — «Цветы, которые растут в наших горах, являются красными, белыми и зелеными». Если в придаточных предложениях, приведенных выше, предикация выражена формой **имя в именительном падеже + вспомогательный глагол**, то в данном случае — формой **имя + аффикс предикативности**. Причем здесь сказуемым является *кьызылла, акъла, жашилледиле*, представляющее собой сочетание трех имен прилагательных, а аффикс предикативности прибавляется к последнему из них: *жашил* (зеленый) + *диле* (аффикс предикативности мн. числа).

Сказуемые этого предложения могут принять иную форму: *Бизни таулада ёсген гокка хансла къызылладыла, акъладыла эм жашилледиле*. В данном случае каждое однородное сказуемое имеет аффикс предикативности. Так что эту форму нельзя рассматривать как форму именительного падежа.

Имя существительное в именительном падеже, как указывает З. И. Будагова, может выступать и в функции обстоятельства. В карачаево-балкарском языке это явление имеет место только в тех случаях, когда мы имеем дело с именами существительными со значением времени: *къыш* — «зима», *жаз* — «весна», *жай* — «лето», *кюз* — «осень» и т. д. Например, *Кюз бизни район нартюхню бай тирлигин жыйгъанды*. — «Осенью наш район собрал богатый урожай кукурузы» (К. Ж.). В этом предложении формой именительного падежа имени существительного (*кюз* — «осень») выражено обстоятельство времени. Но наряду с данной формой существует и другая форма этого слова, употребляемая в роли обстоятельства времени: *кюзде* — «осенью». Она в разговорной речи более употребительна. Так что и это не может служить основанием, позволяющим отрицать тот факт, что подлежащее имеет определенную форму.

В именительном падеже могут стоять и существительные, выполняющие функции определения: *агъач* *кюрек* — «деревянная лопата», *темир* *чюйле* — «железные гвозди», *къагъыт* *машок* — «бумажный мешок» и т. д.

Синтаксическая же функция сказуемого, выраженного формой именительного падежа имени существительного, обуславливается его постпозитивным положением относительно подлежащего: *Мен — ишчи, сен — къойчу*, «Я рабочий, ты чабан» (из песни). Ср. предложение *Эт деген — сен, этген — мен*. — «Тем, кто сказал: «Сделай», являешься ты, тем, кто сделал, являюсь я», где сказуемые выражены формой именительного падежа личных местоимений *сен* и *мен*.

Форму подлежащего имеют и обращения. Но они в отличие от членов предложения не имеют прагматической связи с остальными словами, входящими в состав предложения. Поэтому совпадение их формы с формой подлежащего не должно вызывать никакого недоумения.

Таким образом, в карачаево-балкарском языке основной функцией имен в именительном падеже является выражение подлежащего.

В предложении в качестве подлежащего могут функционировать основы всех имен (предметных, качественных, местоименных).

мени, числительных), а также склоняемые глагольные формы (причастия). Эти основы имен морфологически являются именительным падежом. Даже в случаях выражения подлежащего сочетанием слов последнее принимает только форму именительного падежа. Эта форма определяется формой последнего слова сочетания: 1. *Бу зитла барысы да Къыямтны кёкюрегин таш басханча басыб тургъандыла.* — «Все это словно камнем давило на грудь Киямыт» (А. Х.); 2. *Аланы ючюсю бери келдиле.* — «Трое из них пришли сюда» (Хуб. О.) и т. д.

В приведенных примерах последние слова словосочетаний, которыми выражены подлежащие, стоят в именительном падеже.

3. Установление форм подлежащего большое значение имеет для определения взаимоотношений субъекта и подлежащего. Это в свою очередь «представляет собой важную и необходимую предпосылку исследования структуры предложения»⁵². Как известно, подлежащее может соответствовать и не соответствовать логическому субъекту. Подлежащее — категория грамматики, а субъект — логики. Грамматическое подлежащее выражается словами, стоящими только в именительном падеже, а логический субъект может выражаться и словом в косвенном падеже, т. е. в предложении может являться второстепенным членом. Например, в предложении *Анга тохтаусуз ишлерге керекди.* — «Ему необходимо неустанно работать» логическим субъектом является слово *анга* — «ему», которое стоит в косвенном падеже. Поэтому такой субъект можно называть условно косвенным субъектом, а субъект, выраженный подлежащим, — «прямым субъектом»⁵³. Необходимо учесть и то, что в двусоставном предложении логика находит лишь выражение субъекта и предиката суждения, грамматика обнаруживает в подлежащем еще число, падеж, одушевленность, в сказуемом — время, лицо, число, наклонение и т. д. Это говорит о невозможности отождествления логических категорий с грамматическими.

Вопрос о роли подлежащего и сказуемого в конструировании предложения в тюркологической литературе остается спорным. Так, в истории карачаево-балкарского языкознания известна точка зрения, согласно которой: «самая важная часть предложения располагается на самом последнем мес-

⁵² Т. А. Бергагаев. Субъект и подлежащее. ВЯ, 1958, № 5. стр. 65.

⁵³ Там же, стр. 67.

те»⁵⁴. «Подлежащее предшествует сказуемому, следовательно, по духу турецкого синтаксиса подчинено ему. Отсюда видно, что основная часть предложения — сказуемое»⁵⁵. Как видим, автор этой точки зрения роль каждого члена предложения в карачаево-балкарском языке определяет по тому, какое место занимает оно в предложении. Однако возникает вопрос: занимают ли члены предложения строго закрепленное место, которое может служить таким важным критерием? На этот вопрос ответ может быть только отрицательным. Мысль У. Д. Алиева о том, что «сочетание членов предложения всегда должно быть в твердо установленном порядке»⁵⁶ не может считаться верной. Например, в одном и том же предложении подлежащее (*мен* — «я») может стоять как в начале, так и в середине и конце предложения: 1. *Мен таудан келеме*. (Я иду с гор); *Таудан мен келеме*; 3. *Таудан келеме мен* или *Келеме таудан мен*. Так что их роль невозможно определить по месту расположения. Оттого, что подлежащее стоит в середине или конце предложения, после или впереди сказуемого, оно не перестает быть подлежащим.

Известны случаи, когда некоторые тюркологи считали, что сказуемое является самым главным членом предложения, что оно, якобы, управляет всем предложением, в том числе подчиняет себе и подлежащее⁵⁷. Такая точка зрения берет свое начало из истории русского языкознания. В 60—70-х годах XIX века было распространено мнение, согласно которому подлежащее — разновидность дополнения. Оно было подвергнуто справедливой критике акад. В. В. Виноградова⁵⁸.

Все же приходится отметить, что анализ тюркологической литературы показывает, что и в настоящее время некоторые ученые придерживаются мнения, согласно которому «основная часть предложения — сказуемое». Это обосновывается тем, «что синтаксические функции сказуемого гораздо обширнее, чем у подлежащего»⁵⁹. Так, Н. А. Баскаков пишет, что в сказуемом каракалпакского предложения концентрируются

---

⁵⁴ У. Д. Алиев. Указ. работа, стр. 113.

⁵⁵ Там же, стр. 115.

⁵⁶ Там же, стр. 14.

⁵⁷ Г. А. Атаров. Сайланма хазметлар. Казань, 1945, стр. 120; Б. Омаров. О местоименных приставках в казахском языке. «Труды Казах. ин-та нац. культуры», т. 1, 1935, стр. 41.

⁵⁸ См.: В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. Изд-во МГУ, 1958, стр. 284—329.

⁵⁹ М. Б. Балакаев. Современный казахский язык, синтаксис. Алма-Ата, 1959, стр. 121.

элементы всех остальных членов предложения. В подтверждение своей мысли автор приводит предложение *Сафар атха минди*. — «Сафар сел на лошадь», где сказуемое *минди* заключает в себе ряд понятий: а) понятие самого действия — садиться на что-либо, б) грамматическую категорию прошедшего времени, в) категорию изъявительного наклонения, г) категорию 3-го лица. В одном слове *минди* выражена целая мысль «он сел на что-то»⁶⁰.

Все это правильно. Но в данном случае необходимо учесть, что сказуемое грамматически зависит от подлежащего. Оно здесь указывает на третье лицо, ед. число потому, что подлежащее при нем является словом третьего лица ед. числа. Подлежащее (*Сафар*) — это слово, которое указывает на конкретное третье лицо, ед. число. Эти свойства его в сказуемом выражены лексически (аффиксом *-ди*). Иначе говоря, сказуемое является таким словом, которое употреблено для лексического выражения некоторых грамматических значений подлежащего⁶¹. В этом проявляется грамматическая подчиненность сказуемого подлежащему. А являясь грамматически подчиненным подлежащему, оно не может считаться грамматически самым главным членом предложения.

В любом простом распространенном предложении дополнение и обстоятельство всегда относятся к сказуемому, объясняют его. А определение может быть отнесено или к дополнению, или к подлежащему. Иначе говоря, к сказуемому относятся два второстепенных члена предложения, а к подлежащему — один. Но зато к последнему всегда относится и сказуемое. В двусоставном предложении грамматическая взаимосвязь главных членов предложения проявляется прежде всего в их согласовании, которое обнаруживает основные морфологические категории, входящие в понятие предикативности, — лицо, наклонение, время. Исходя из всего этого, мы считаем, что правы те ученые, которые пишут, что «правильнее будет сказать: самыми главными и решающими членами предложения являются подлежащее и сказуемое»⁶². Они составляют предикативное, структурное ядро предложения, где подлежащее грамматически подчиняет себе сказуемое. А в построении предложения они одинаково важны. Выяснение вопроса о мес-

⁶⁰ Н. А. Баскаков. Простое предложение в каракалпакском языке. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III, Синтаксис. М., изд-во АН СССР, 1961, стр. 61.

⁶¹ У. Б. Алиев. Указ. работа, стр. 25.

⁶² М. З. Закиев. Сказуемое в современном татарском литературном языке (А. к. д.), Казань, 1954, стр. 6.

те подлежащего и сказуемого в синтаксисе предполагает их рассмотрение как связанных, взаимообусловленных грамматических категорий.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОДЛЕЖАЩЕГО

Общая характеристика

В вопросе о средствах выражения подлежащего исследователи придерживаются в основном единого мнения. Правда, в одних работах этот вопрос освещается в общих чертах, а в других довольно подробно. Например, А. Джапаров и М. Б. Балакаев на фактах киргизского и казахского языков показывают, что в функции подлежащего могут выступать не только имя существительное, местоимение и другие субстантивированные части речи, но и незнаменательные части речи, если последние будут употребляться в предметном значении⁶³.

В отличие от других исследователей синтаксиса тюркских языков, профессор У. Б. Алиев средства выражения подлежащего делит на специализированные и неспециализированные. Такое деление представляется вполне обоснованным. Как отмечалось выше, за каждой частью речи в языке закрепляется основная синтаксическая функция, а все остальные функции являются второстепенными. Части речи, главной синтаксической функцией которых в форме именительного падежа является выражение подлежащего, являются специализированными средствами выражения подлежащего, части же речи, которые в форме того же падежа имеют другую основную синтаксическую функцию, но могут выступать и в роли подлежащего, являются неспециализированными средствами выражения подлежащего.

Объясняется это рядом причин и в первую очередь беспрепятственным развитием языка и изменениями в его грамматическом строе. «Изменения эти называются изменением мышлений человека, вызываемым изменениями условий материальной стороны жизни человека. Появление главных членов предложения специализирует идейные слова, расширение употребления таких членов предложения приводит к тому, что в языке люди начинают употреблять для выражения новых подлежащих значений такие формы, которые являются спе-

---

⁶³ А. Джапаров. Указ. работа, стр. 89; М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Алма-Ата, 1959, стр. 122.

циализированными формами для выражения других членов предложений»⁶⁴. Правильность этой мысли подтверждается фактами языка. Известно, что некоторые словоформы, некогда выполнявшие одни синтаксические функции, в современном языке употребляются в совершенно другой функции. Слова способны переходить из одной части речи в другую. Так, например, в русском языке слово «столовая» до первой четверти XIX в. являлось именем прилагательным, а в современном русском языке — существительным, а также имена существительные типа «осенью», «вечером» перешли в разряд наречий. Эти явления наблюдаются и в языках тюркской системы. Например, в карачаево-балкарском, каракалпакском, казахском и других тюркских языках слова *бюгюн* <бу кюн, *бийыл* <бу жыл из разряда имен существительных перешли в разряд наречий.

Рассмотрение вопроса о средствах выражения членов предложения предполагает обязательный учет подобных изменений.

Анализ фактов языка показывает, что одни части речи в роли подлежащего выступают чаще, другие реже. В целом каждый из лексико-грамматических разрядов слов проявляет себя в какой-то грамматической функции больше, чем в остальных. Каждая часть речи в синтаксисе имеет основную и второстепенные функции. Однако из этого не следует заключать, что основная и второстепенные синтаксические функции всех слов, входящих в одну и ту же часть речи, всегда могут совпадать. Такое понимание вопроса непременно может привести к неверным выводам. Так, многие исследователи, не учитывая это обстоятельство, ограничиваются указанием на то, что подлежащее «может быть выражено любой склоняемой частью речи»⁶⁵. Некоторые специалисты рассуждают иначе: «подлежащее обычно выражается именем существительным, местоимением, субстантивированными прилагательными, числительными и другими частями речи»⁶⁶. Ни первое, ни второе определение не являются четкими и полными. Оба определения не содержат в себе указания на случаи субстантивации различных частей речи. В итоге в синтаксических исследованиях по тюркским языкам четко не проводится мысль о том, что основные синтаксические функции некоторых слов, входящих в одну и ту же часть речи, не совпадают. Так, исследователи со-

⁶⁴ У. Б. Алиев. Указ. работа, стр. 25.

⁶⁵ Е. И. Убрятова. Указ. работа, стр. 92.

⁶⁶ См.: А. Н. Кононов. Указ. работа, стр. 348.

временного карачаево-балкарского языка (как и специалисты по другим языкам тюркской системы) все разряды числительных как средства выражения подлежащего отодвигают на второй план. Все они ими рассматриваются вместе с теми частями речи, которые могут выступать в роли подлежащего при субстантивации (например, как имя прилагательное). С этим трудно согласиться, поскольку не все числительные, стоящие в именительном падеже, имеют одинаковые синтаксические функции. Например, количественные числительные без притяжательных аффиксов в роли подлежащего выступают довольно редко. При наличии притяжательных аффиксов их основная синтаксическая функция заключается в выражении подлежащего, т. е. в этом случае они выступают в качестве специализированных средств выражения подлежащего. В этой же функции всегда выступают и собирательные числительные, стоящие в именительном падеже. Однако этого нельзя сказать о количественных числительных. Точно также одни причастия выступают в качестве специализированных, а другие в качестве неспециализированных средств выражения подлежащего.

Такой подход позволяет все средства выражения подлежащего условно разделить на: а) специализированные и б) неспециализированные.

Несмотря на это, на наш взгляд, целесообразно выражение подлежащего каждой частью речи рассматривать отдельно.

Выражение подлежащего именами существительными

В карачаево-балкарском языке подлежащее, в зависимости от части речи, которой оно выражено, и в зависимости от синтаксических отношений с другими членами предложения, может иметь различные значения. В большинстве случаев существительные, употребляемые в функции подлежащего, в лексико-грамматическом отношении характеризуются как слова с объектным значением и обозначают названия предметов, явлений и т. д. Но из этого не следует, что семантическое содержание подлежащего может быть ограничено одним объектным значением. Дело в том, что имена существительные в семантическом отношении подразделяются на слова с временным (*кюн, ыйыкъ*), с пространственным (*ёзен, къол, къулакъ*) значениями, со значением меры (*сантиметр*) и т. д. В силу этого подлежащие, выраженные именами существи-

тельными, могут обладать не только объектным, но и этими значениями.

Имена существительные (как нарицательные, так и собственные) с различными лексико-грамматическими значениями чаще других частей речи выступают в функции подлежащего. Как средства выражения подлежащего они используются в двух формах: а) имена существительные единственного и множественного числа без притяжательных аффиксов и б) имена существительные в обоих числах с притяжательными аффиксами всех трех лиц.

В современном карачаево-балкарском языке нет имен существительных, употребляющихся или только с аффиксами принадлежности, или без них. Каждое из имен существительных может выступать в роли подлежащего как с аффиксом принадлежности, так и без него. Правда, имеются такие имена существительные, которые в современном языке органически связаны с каким-нибудь лицом и с аффиксами притяжательности встречаются чаще, чем без них. К ним относятся слова типа *ата*, *ана*, *кӱол-эгеч*, *кӱарындаш*, *жюрек*, *бет* и т. д. Сравним предложения: 1. *Бет бетге кӱараса, бет жерге кӱарар* (посл.) — Букв.: «Когда двое сталкиваются лицом к лицу, один из них опускает голову». 2. *Жашауда ата, ана бла жаш кӱызга бир кӱзден кӱарамайдыла.* — «В жизни отец, мать и юноша смотрят на девушку не одним глазом» (А. Х.).

Первое предложение является сложноподчиненным. Подлежащее как главного, так и придаточного предложения выражено словом *бет* (лицо) без аффикса притяжательности. Во втором, простом предложении однородные подлежащие также выражены подобными же словами без притяжательных аффиксов.

Если такие имена существительные в большинстве случаев употребляются с притяжательными аффиксами, то другие (*тау* — «гора», *таш* — «камень», *йуй* — «дом», *адам* — «человек», *шахар* — «город», *берю* — «волк», *битим* — «растение» и т. д.), в зависимости от того, принадлежат кому-либо или нет, могут выступать в качестве средств выражения подлежащего как с притяжательными аффиксами, так и без них (в единственном и множественном числе).

1. Приведем пример подлежащего единственного числа:

а) без притяжательных аффиксов: 1. *Ач тауукъ тюшюнде тары кӱрюр.* — «Полодной курице снится пшено» (посл.); 2. *Адам кийимден танылмаз.* — «Человек познает-

ся не по одежде» (посл.); 3. **Акзыл** жашда болмаз, башда болур.— «Ум не в годах, а в голове бывает» (посл.). Подлежащие, выраженные словами без аффиксов притяжательности, являются названиями предметных понятий.

Необходимо отметить, что в современном карачаево-балкарском языке значение неопределенности подлежащего выражается при помощи служебного слова *бир*, соответствующего по значению неопределенному артиклю в западноевропейских языках. Это слово, сочетаясь с подлежащим, придаёт ему значение неопределенного лица (или предмета): *Ол кезиуде бизге бир адам ахшы хапар келтирди.*— «В это время (один человек) кто-то сообщил нам хорошую весть» (Э. Г.).

б) С притяжательными аффиксами любого лица: 1. *Атанг келдими?* — «Твой отец пришел?» (А. Т.); 2. *Малы кёбдю.*— «У него много скота» (К. Ж.); 3. *Кёлу ауруйду.*— «Его рука болит»; 4. *Хуржуну бир заманда да кзуру болмайды.*— «Его карман никогда не пустует» (Э. О.) и т. д.

Как видно из этих примеров, имена существительные с притяжательными аффиксами, выступая в качестве подлежащих, указывают на принадлежность одних предметов (или лиц) другим предметам (или лицам).

2. Подлежащее, выраженное существительным во множественном числе без притяжательных аффиксов: 1. *Жаш жазыучула бир элге келиб, окзуучула бла тюбешуу болганды.*— «Молодые писатели приехали в село, и у них с читателями состоялась встреча» (Хуб. М.); 2. *Тутмакзда тургъан кызыл партизаңла ол кече къачаргъа план салдыла.*— «Красные партизаны, находящиеся в тюрьме, в ту ночь составили план побега» (С. Хоч.); 3. *Битимле ахшы айныб теб-регендиле.*— «Растения начали хорошо развиваться» (К. Ж.).

Подлежащие, выраженные именами существительными во множественном числе с притяжательными аффиксами любого лица: 1. *Сёзлери адамлагъа жерге жауун киби болгандыла.*— «Его слова являются для людей такими, каким является дождь для земли» (К. К.); 2. *Кёкюрегинде къан тамгъа-ларинг не затладыла?* — «Что за кровавые пятна на твоей груди?» (А. Х.); 3. *Нёгерлерибиз кзуру да биргебизгедиле.*— «Наши друзья всегда с нами» (Э. О.).

В приведенных примерах подлежащие согласуются со сказуемыми в лице и числе. Этот факт отмечается всеми исследователями. Но в современном карачаево-балкарском языке часто бывает так, что подлежащее, выраженное именем су-

существительным единственного числа, имеет притяжательный аффикс множественного числа. Подобное явление имеет место в тех случаях, когда единичный предмет (или лицо) принадлежит двум или более предметам (или лицам). При этом, несмотря на то, что подлежащее имеет аффикс притяжательности множественного числа, сказуемое принимает аффикс единственного числа: 1. *Халкъыбыз бек насыблыды*. «Наш народ очень счастлив»; 2. *Бизни юйюрюбюзде институтну бошамагъан адамыбыз жокъду*. — «В нашей семье нет человека, не окончившего институт» (К. Ж.).

В первом примере подлежащее выражено именем существительным в единственном числе *халкъ* (народ) с притяжательным аффиксом множественного числа — *ыбыз*. Сказуемое же при нем *насыблыды* (счастлив) стоит в единственном числе. Согласование главных членов в лице в таких случаях также не наблюдается. Это говорит о том, что в карачаево-балкарском языке по притяжательному аффиксу подлежащего не всегда удается установить число и лицо сказуемого.

Обратимся еще к одному примеру: *Ол аны тую тургъанлай, озуб бара, Ибрахимланы хоншулары (ёмюрю жалдан чыкъмагъан Къанамат) кёргенди*. — «Проходя мимо, сосед Ибрагима (Канамат, который всю жизнь батрачил) видел, как он бил его» (А. Х.). Из этого предложения видно, что его подлежащее выражено словом *хоншулары*, которое стоит во множественном числе с притяжательным аффиксом, поскольку и *Ибрахимланы* стоит в том же числе. Последнее стоит в этом числе не потому, что здесь говорящий имеет в виду много Ибрагимов, а потому, что это слово употреблено в значении «семья Ибрагима». Подлежащее данного предложения (*хоншулары*) стоит во множественном числе. Но мы до сих пор не обращали внимания на заключенную в скобки часть примера. Она показывает, что речь идет лишь об одном лице — Канамате, т. е. лишь об одном соседе Ибрагима. Несмотря на это, по отмеченной причине подлежащее предложения стоит во множественном числе, а сказуемое в единственном.

Эти случаи должны подробно рассматриваться при изучении вопроса о согласовании главных членов предложения.

В карачаево-балкарском языке подлежащее может быть выражено сочетанием имени существительного и причастной формы прошедшего времени глагола *де*:

1. *Ракета деген бек сейирлик затды*. — «Ракета — это очень интересная вещь»; 2. *Ракета дегеним* (или *дегенинг*,

дегенибиз, дегенигиз) бек сейирлик затды.—«То, что я называю ракетой,— очень интересная вещь».

Касаясь подобных примеров, А. Джапаров пишет, что слова *деген*, *дегеним* и т. д. «представляют собой не форманты, а служебные единицы в полном смысле этого слова»⁶⁷. Думается, что это далеко не так. Данные слова являются грамматическими формантами и одновременно приносят в значение подлежащих оттенок обобщенности.

На наш взгляд, А. Джапаров неправ и в случаях, когда ставит в один ряд подлежащие, выраженные сочетаниями имен существительных со словом *деген*, и подлежащие, выраженные сочетанием имен существительных со словом *атлы*. Фактически эти подлежащие разнятся друг от друга: если слово *деген* может приносить в значение подлежащего оттенок обобщенности, то слово *атлы* лишено этой возможности. Между подлежащими, выраженными указанными сочетаниями, можно поставить знак равенства только в том случае, когда слова *деген* и *атлы* в составе подлежащего употребляются со значением «по имени», «которого зовут». Ср. предложения: 1. **Ахмат деген келгенди.** — «Пришел тот, которого зовут Ахмат»; 2. **Аскерден къайсы жашыгъыз къайытды? Ахмат атлы къайтханды.** — «Который из ваших сыновей вернулся из армии? — Тот, которого зовут Ахмат».

В таких предложениях ни слово *деген*, ни слово *атлы* не приносят в подлежащее значения обобщенности.

Во всех случаях грамматические изменения наблюдаются только во вспомогательных словах *деген* и *атлы*: 1. **Ахмат деген келди. Ахмат дегенибиз келди, Ахмат дегенигиз келди** и т. д.; 2. **Ахмат атлы келди, Ахмат атлыбыз келди. Ахмат атлыгъыз келди.**

Некоторыми исследователями подлежащие, выраженные такими словосочетаниями, рассматриваются как развернутые члены предложения⁶⁸. С этим нельзя согласиться, потому что такие подлежащие имеют только внешнее сходство с развернутыми подлежащими. Чтобы убедиться в этом, вернемся к одному из вышеприведенных примеров **Ахмат деген келди** и сравним его с предложением, подлежащее которого является так называемым развернутым членом: *Мен кӱрген сенсе.* — «Ты являешься тем, кого я видел».

⁶⁷ А. Джапаров. Указ. работа, стр. 93.

⁶⁸ См., например: М. Мураталиев и А. Турсунов. Кыргыз тилиндеги сыйлем мючелӱрӱ. Институт языкознания Академии наук Кирг. ССР, Фрунзе, 1961, стр. 25.

В предложении *Ахмат деген келди* отдельно взятое слово *Ахмат* вполне может функционировать в качестве подлежащего, так как оно по содержанию и форме отвечает этой функции: *Ахмат келди* — «Ахмат пришел». Но второе предложение без слова *кёрген* потеряет свой смысл: *Мен сенсе*. — «Я — ты (я являюсь тобою)». Так не говорят. Уже это свидетельствует о том, что нельзя ставить знак равенства между подлежащими, выраженными сочетанием со вспомогательным словом *деген*, и развернутыми членами предложения.

Выражение подлежащего местоимениями

В современном карачаево-балкарском языке местоимение является такой самостоятельной частью речи, которая объединяет указательные, вопросительные, определительные, отрицательные и неопределенные слова, характеризующиеся всеобщностью значения, которое конкретизируется контекстом. Поэтому семантика подлежащих, выраженных этими словами, характеризуется большим многообразием. В каждом отдельном случае семантика подлежащего зависит от разряда местоимения, которым оно выражено.

1. Наиболее типичным средством выражения подлежащего являются личные местоимения. Подлежащие, выраженные ими, обладают семантикой действующего лица, объекта.

В роли подлежащего употребляется форма именительного падежа личных местоимений как единственного, так и множественного числа: 1. *Мен турама, сен да турургъа кюреш*. — «Я живу, постарайся и ты жить» (А. Х.); 2. *Сен бу затны деменгили толтурсанг, мен сени уллу къууандырырма*. — «Если ты это выполнишь успешно, я тебя очень обрадую». (А. Х.); 3. *Ол суйген къарындашым болду мени*. — «Он любимым братом стал моим» (К. К.); 4. *Манга ийнанмай эсенг, ма Биймурзагъа да сор, ол аны санга жезин ачар*. — «Если мне не веришь, вот спроси и у Биймурзы, он раскроет суть дела» (А. Х.) и т. д. Подлежащие первых двух примеров выражены местоимениями первого и второго лица единственного числа, а подлежащие последних двух предложений — местоимениями третьего лица единственного числа.

Приведем примеры подлежащего, выраженного личными местоимениями множественного числа: 1. *Биз тургъанбыз бир тарланы ичинде*. — «Мы жили в одних и тех же ущельях» (К. К.); 2. *Биз — къой, сен — къыпты, суйгенинги эт*. — Букв.: «Мы — овцы, вы — ножницы, что хотите, то и делайте с нами»

(А. Х.); 3. *Сиз*, отлукъ таш болуб, от да этдиргенсиз жауунда, *сиз*, шырхы билеу болуб да жатхансыз юй жаньнда.— Букв.: «Вы, превратившись в кварц, помогали нам в дождливые дни разжечь костер, вы, превратившись в точило, лежали у дома» (К. К.); 4. *Ала* айтсала, *ала* да айтырла.— «Если они скажут, то скажут и те»; 5. *Ала* соединиле жерни, кёкню да.— «Они любят и землю, и небо» (К. К.).

Подлежащее в современном карачаево-балкарском языке может быть выражено также притяжательной и относительной формами личных местоимений единственного и множественного числа: 1. *Меники* къайытханды, *сеники* уа? — «Мой вернулся, а твой?»; 2. *Мени ийнегим да келгенди, аныкъы къайдады, ансы*.— «Пришла и моя корова, но где её корова?».

Если к этим формам прибавить аффиксы множественности, то получим формы *меникиле* (мои), *сеникиле* (твои), *аныкъыла* (принадлежащие ему), которые также часто выступают в функции подлежащего.

Подлежащие следующих предложений: 1. *Бизники* Москвада къалды. «Наш остался в Москве»; 2. *Сизники* уа келгенди.— «А ваш приехал»; 3. *Аланыкъы да келген болур*.— «Наверное, приехал и их (например, сын)» выражены притяжательной формой личных местоимений множественного числа. Несмотря на это, они стоят в единственном числе и отвечают на вопрос *кимники?* — «чей?». Для того чтобы они стояли во множественном числе, необходимо присоединить к словам *бизники* (наш), *сизники* (ваш), *аланыкъы* (их) аффикс множественности: 1. *Бизникиле* ишлейдиле.— «Наши работают»; 2. *Сизникиле* ишлейдиле.— «Ваши работают»; 3. *Аланыкъыла* ишлейдиле.— «Их (люди) работают».

Подлежащие, выраженные притяжательной формой личных местоимений, обладают семантикой неопределенного предмета, принадлежащего определенному лицу.

Как уже отмечалось, подлежащее в современном карачаево-балкарском языке выражается и относительной формой личных местоимений: *Биздеги, сиздеги да къалмай бирге ылдыла*.— «Все находящиеся на равнине и в горах собрались» (О. Э.).

Такие подлежащие могут принимать форму множественного числа и форму притяжательности: 1. *Биздегиле, сиздегиле да къалмай бирге жыйылдыла*. 2. *Биздегилерибиз сиздегилерибиз да къалмай бирге жыйылдыла* и т. д.— «Все находящиеся у нас и у вас собрались вместе».

Личные местоимения, а также их притяжательные и относительные формы в современном карачаево-балкарском языке могут принимать уменьшительно-ласкательные аффиксы: а) *мен + чик* > *менчик* — «маленький я», *сен + чик* > *сенчик* — «маленький ты», *ол + чукъ* > *олчукъ* — «маленький он» и т. д. б) *меники + чик* > *меникичик* — «твой маленький», *аныкъы + чыкъ* > *аныкъычыкъ* — «его маленький», *бизники + чик* > *бизникичик* — «наш маленький» и т. д.: в) *мендеги + чик* > *мендегичик* — «тот маленький, что находится у меня». Ср. *меникидеги + чик* > *меникидегичик* — «тот маленький, который находится у принадлежащего мне». Все эти формы личных местоимений могут быть средствами выражения подлежащего. Необходимо отметить, что формы личных местоимений не исчерпываются указанными формами. Личные местоимения имеют еще и сравнительную, уподобительную и отрицательную формы; а) *менича* — «как я» и «такой, как я», *сенича* — «так, как ты», *аныча* — «как он», «так, как он», б) *менляй* — «подобный мне», *сенляй* — «подобный тебе», *аллай* — «подобный ему», в) *менсиз* — «без меня», *сенсиз* — «без тебя», *олсуз* (*ансыз*) — «без него», *бизсиз* — «без нас» и т. д.

Форма *менляй* в устной речи иногда употребляется в роли подлежащего: *Менляй бу ишни хазна тындиралмаз.* — Букв.: «Подобный мне с этой работой навряд ли справится».

Отрицательное местоимение (*менсиз*) не может функционировать в предложении в роли подлежащего. Все эти три формы личных местоимений (сравнительная, уподобительная и отрицательная) принимают после себя аффиксы множественности и притяжательности, т. е. субстантивируются и, таким образом, становятся в предложении подлежащими: 1. *Сенляйла къой сюрюуле кютедиле, жер сюредиле.* — «Такие, как ты, пасут стада овец, пасут землю» (К. Ж.); 2. *Сенляйларым къб болсала, мен да сени атанеча насыблы болур эдим.* — Букв.: «Если бы у меня было много таких, как ты, и я был бы счастливым, как твой отец» (О. Э.).

2. В функции подлежащего к личным местоимениям прилегают лично-возвратные местоимения, которые в современном карачаево-балкарском языке имеют следующие формы: а) единственное число: *кесим* — «я сам», *кесинг* — «ты сам», *кеси* — «он сам» и б) множественное число: *кесибиз* — «мы сами», *кесигиз* — «вы сами», *кеслери* — «они сами».

Примечание. Как известно, в большинстве тюркских языков карачаево-балкарскому *кеси* соответствует «ёю».

М. А. Хабичев считает, что «ёзю» в современном карачаево-балкарском языке не употребляется⁶⁹. Однако наблюдения показывают, что в устной речи, особенно в роли определения, оно употребляется довольно часто. *Ёз адамыбыз келди.* — «Свой человек пришел». Встречается это слово и в языке художественной литературы, в роли подлежащего, например: *Барысын да кёрдю Кязим, кёб зат сынагъанма ёзюм.* — «Всё видел Кязим, многое испытал я сам» (К. М.).

Основной синтаксической функцией лично-возвратных местоимений в форме именительного падежа является выражение подлежащего. В этой функции они выступают во всех трех лицах и обонх числа: 1. *Кесим айтханма.* — «Я сам сказал» (М. М.); 2. *Кесинг да къуандынг, бизни да къуандырдынг.* — «Ты и сам обрадовался, и нас обрадовал» (К. Ж.); 3. *Кеси жашды, анасы къартды...* — «Он сам молод, мать его стара» (А. Х.); 4. *Кесибиз кёребиз.* — «Мы сами видим»; 5. *Алай эсе, кесигиз айтыгъыз.* — «Если так, то скажите вы сами» (Хуб. М.); 6. *Кеслери уа къайда къалдыла?* — «А где остались они сами?» (А. Т.).

Притяжательная и относительная формы этих местоимений в именительном падеже также часто выступают в роли подлежащего. Что касается их сравнительной формы, то она может быть подлежащим лишь после субстантивации. Других форм (уменьшительной и отрицательной) лично-возвратные местоимения не имеют. М. А. Хабичев отмечает, что в отличие от других разрядов местоимений они не заменяют другие части речи⁷⁰. Но факты современного языка говорят о том, что, употребляясь в качестве подлежащего, лично-возвратные местоимения всегда заменяют собою личные местоимения. Ср.: 1. *Мен баргъанма* — «Я ходил»; 2. *Кесим баргъанма.* — «Я сам ходил».

Следует отметить, что в современном карачаево-балкарском языке в роли подлежащего часто выступают сочетания типа *мен кесим* — «я сам», *къартла кеслери* — «старика сами» и т. д., где лично-возвратное местоимение всегда занимает постпозитивное положение. Например: *Темирбаш кеси алгъанды.* — «Темирбаш взял сам» (Э. О.). В этом предложении подлежащее выражено сочетанием собственного имени со словом *кеси*. Такие сочетания являются одним членом предложения и синтаксически в предложении не членятся. Они употреб-

⁶⁹ М. А. Хабичев. Указ. работа, стр. 62—74.

⁷⁰ Там же, стр. 65.

ляются для выражения таких значений, как «он сам, а не кто-либо другой», «лично сам» и т. д. Поэтому подлежащие, выраженные ими, в большинстве случаев обладают категорией активности: 1. *Ол ишни да звено кеси тамамлайды.* — «И эту работу звено само выполняет» (К. Ж.); 2. *Къаншаубий кеси чыкъгъанды.* — «Къаншаубий вышел сам» (А. Х.).

Лично-возвратные местоимения могут сочетаться не только с именами существительными, местоимениями, но и со всеми субстантивированными частями речи. Между ними и последними могут стоять другие члены предложения.

с 3. Подлежащее в современном карачаево-балкарском языке может выражаться и вопросительными местоимениями *ким?* — «кто?», *не?* — «что?». *къайсы?* — «который?» При этом оно имеет:

а) Значение вопроса: 1. *Ким чакъыргъанед сени?* — «Кто вызывал тебя?» (К. М.); 2. *Семён дегенинден сора анда кимле болгъандыла?* — «Кроме Семёна там кто был?» (А. Х.); 3. *Анда уа неле бардыла?* — «А там что имеется?» (А. Т.). 4. *Къайсы хорлады?* — Букв.: «Который победил?».

Как видно из примеров, эти местоимения выступают в функции подлежащего как в единственном, так и во множественном числе. Употребляясь в роли подлежащего, они могут принимать после себя аффиксы принадлежности: 1. *Ненг тасды, ненг жокъду?* — «Что ты потерял, чего у тебя нет?» (А. Х.); 2. *Нелери къалды?* — «Что у них осталось?» (М. Ж.); 3. *Къайсылары айтханды?* — Букв.: «Который из них сказал?» и т. д.

б) Относительное, абстрактное значение:

1. *Шамил да, хариб, къайсы не айтса да, анга аузун ачыб айланады.* — «И Шамил, бедный, кто бы что ни сказал ему, разинув рот ходит» (А. Х.); 2. *Насыблы болургъа ким суймейди* — «Кто не хочет стать счастливым».

4. В роли подлежащего выступают также вопросительно-порядковое местоимение *ненчанчы?* и вопросительно-количественно-собирающее местоимение *ненчаулан?*: 1. *Ненчанчы келгенди?* — «Который (по счету) пришел?»; 2. *Ненчаулан келдиле?* — «Сколько человек пришло?» и т. д.

А вопросительные местоимения *къалай?* *къаллай?* *ненча?* (как? какой? сколько?) могут быть подлежащими только при наличии аффикса притяжательности или множественности, т. е. субстантивируясь: 1. *Ненчасы къалгъанды?* — «У него сколько осталось?»; 2. *Къалайы чалынды?* — «Какое место

скошено?» (К. Ж.); 3. **Къаллайла** келгендиле? — «Какие пришли?».

Интересно отметить, что форма *къаллайла* может быть употреблена и в роли обстоятельства образа действия. Например, последний пример может быть переведен на русский язык следующим образом: «Как пришли?», «Каким образом пришли?».

5. Следует отметить, что в современном карачаево-балкарском языке вопросительные местоимения *ким?* *не?* *къайсы?* очень часто сочетаются с усилительной частицей *да*, которая исследователями карачаево-балкарского языка часто ошибочно называется союзом⁷¹. М. А. Хабичев совершенно прав, когда пишет, что «конкретное значение» этих местоимений (называемых им определительно-отрицательными) зависит от употребления их с глаголами положительной или отрицательной формы. С глаголами положительной формы *ким да* значит «и каждый», «и всякий», *не да* — «все», *къайсы да* — «и всякий»; с глаголами отрицательной формы *ким да* — «никто», *не да* — «ничего», *къайсы да* — «никто, никакой». Следовательно, значение этих местоимений определяется только контекстом. Синтаксический признак при их выделении играет главенствующую роль⁷². 1. **Ким да** кёргенди — «(И) каждый видел» (М. Ж.). 2. **Ким да** кёрмегенди — «(И) никто не видел» (А. Т.).

Эти предложения отличаются только тем, что в первом из них сказуемое выражено глаголом утвердительной, а во втором — отрицательной формы. В зависимости от этого подлежащие, хотя и выражены одним и тем же определительно-отрицательным местоимением, имеют различные значения.

6. От них необходимо отличать подлежащие, выраженные неопределенными и отрицательными местоимениями. *Ким эсе да* — «кто-то», *ким эсе да бир* — «кто-то», *ким болса да* — «кто-нибудь» (кто бы ни был); *не эсе да* — «что-то», *не эсе да бир* — «что-то», *не зат эсе да* — «что-то», *ненчанчы эсе да* — «который-то (по счету)»; *Къайсы эсе да* — «который-то», *къайсы бири эсе да* — «который-то из них», *биреу* (*биреулен*) — «некто», *бир зат* (*бир жукъ*) — «нечто», «что-нибудь», *бирле*, *бир бирле* — «некие», *бир киши* — «некто», *киши* — «некто», *бир адам* — «некто»: 1. **Аны межгитде айтханлай, къайсы эсе да бек сейирсинген эди.** — «Как только сказали об этом в мечети, кто-то очень удивился» (А. Х.); 2. **Нелери**

⁷¹ М. А. Хабичев. Указ. работа, стр. 154.

⁷² Там же.

эсе да барды.— «У них что-то имеется»; 3. *Ким эсе да, ол кюн окъуна келиб, аллай хапар билдирди*.— «Кто-то в тот же день приходил и сообщил такую весть» (Э. Г.); 4. *Не зат эсе да чабыб къалын агъачха кирди*.— «Кто-то забежал в густой лес» (М. Ж.); 5. *Алай болгъанлыкъгъа, тюкенчи мени юсюмден аман хапарла жайгъан эди да, ол тегерекде киши жалгъа алыргъа унамады*.— «Но продавец обо мне распространил плохие вести, поэтому в тех краях никто не согласился взять меня внаймы» (А. Х.) и т. д.

Подлежащие, выраженные этими местоимениями, их отнесенной и притяжательной формами, различаются семантическим многообразием.

7. Определительно-абстрактные местоимения: *хар ким* — «каждый», «всякий», *хар не* — «что бы то ни было», «всё», *хар бири* — «каждый», *хар къайсы* — «всякий», «который бы ни был»; определительные: *битеу* «все», *бары* (*барысы*), *хар бары*, *битеу бары*, *болгъан* — «все» в своей основной притяжательной и относительной формах очень часто выступают в роли подлежащего. Правда, местоимение *битеу* в роли подлежащего выступает лишь субстантивировавшись. Подлежащие, выраженные определительно-абстрактными местоимениями, имеют значение обобщенного объекта: 1. *Хар ким Шамайылгъа илинди*.— Букв.: «Каждый прицепился к Шамайылу» (А. Х.); 2. *Хар ким кесини къайгъысын кёкюреклеринде сакълайдыла*.— «Все хранят свою тревогу в своей груди» (А. Х.); 3. *Хар килинг айтханынгы этиб турса, кёлюнг кётюрюледи*.— «Если каждый из твоих всегда делает то, что ты велишь, твое настроение поднимается» (Э. О.); 4. *Аланы юйге къачан кирсенг да, анда хар не кесини жеринде турады*.— «Когда бы ты ни зашел в их дом, увидишь, что там всё стоит на своем месте» (К. Ж.).

Подлежащие же, выраженные определительными (собирательными) местоимениями, имеют значение объекта с оттенком множественности, например: 1. *Бир кесекден битеую да жыйылыб келдиле*.— «Через некоторое время все (собравшись) пришли» (М. Ж.); 2. *Битеуюбюз да ыразылыгъыбызны билдирдик*.— «Все мы выразили своё согласие» (К. Ж.); 3. *Барыбыз шагъатбыз*.— «Все мы свидетели» (А. Х.); 4. *От тюшгенде болгъан кюйген эди*.— «Во время пожара всё сгорело».

8. Наконец подлежащее выражается и указательными местоимениями: 1. *Менден эсе бу кёб да акъыллыды*.— «Этот намного умнее меня» (А. Х.); 2. *Бу уа не хата этгенди?*—

«А этот что плохого сделал?» (А. Х.); 3. **Была** да аны нёгерлеридиле.— «И эти являются его друзьями» (А. Х.); 4. **Ол да тепсейди**.— «И тот танцует» (К. Ж.); 5. **Ала** сеникиледиле.— «Те принадлежат тебе».

Модально-указательные слова *майна* — «вон», *ма* — «вот» в предложении не могут быть подлежащими. Уподобительные формы *былай* — «вот такой», *былай* — «вот так», количественные формы *мынча* — «столько», «вот столько», *анча* — «вои столько» и сравнительные формы *аныча*, *мунуча* и др., лишь субстантивируясь, могут выступать в роли подлежащего. Для этого они принимают аффиксы множественности или принадлежности: 1. **Аллайла** да болуучудула.— «Бывают и эти» (А. Х.); 2. **Былайла** Аминатны звеносунда да бардыла.— «Вот такие имеются и в звене Аминат» (К. Ж.); 3. **Анчасы** не болдула? — Букв.: «Столько из них куда делись?».

Подлежащее в карачаево-балкарском языке может выражаться также и указательно-относительными местоимениями *биягъы* — «тот самый», *берги* — «находящийся вблизи», *аргъы* — «находящийся подальше»: 1. **Аргъы** Азретни сюрююнденди.— Букв.: «Находящийся подальше из стада Азрета» (А. Т.); 2. **Арлакъдагъы** уа къумалыды.— Букв.: «А тот, который находится более дальше, является племенным» и т. д.

Таким образом, подлежащее в современном карачаево-балкарском языке выражается всеми разрядами местоимений. Только одни местоимения и их формы в этой функции выступают чаще, другие реже, третьи только в случае субстантивации.

Выражение подлежащего числительным

Подлежащие, выраженные именами числительными, в основном обладают двумя семантическими особенностями;

а) как объекты суждения они могут иметь объектное значение;

б) в соответствии с природой самих числительных получают значение количества, порядка, счета и т. д.

Часто авторы работ, посвященных исследованию синтаксиса тюркских языков, ограничиваются лишь указанием на то, что «числительные в функции подлежащих также субстан-

тивируются»⁷³. Дальше ими приводятся примеры из наиболее распространенных случаев. Однако вопрос о том, числительные всех ли разрядов способны употребляться в функции подлежащего, остается невыясненным.

Факты карачаево-балкарского языка показывают, что числительные всех разрядов при субстантивации или при обозначении ими отвлеченного числа выступают в роли подлежащего.

Так, например, подлежащее может выражаться количественными и разделительными числительными: 1. *Он тогъуздан кёбдю.*— «Десять больше девяти»; 2. *Онушар тогъузушардан кёбдю.*— Букв.: «По десять больше, чем по девять».

Такие предложения широко представлены в устной речи. В художественной литературе случаи выражения подлежащего количественными и разделительными числительными встречаются очень редко. Например, в первой части романа Х. Аппаева «Черный сундук» нам не удалось обнаружить ни одного такого примера. Также редки случаи употребления в синтаксической функции подлежащего приблизительных числительных. Сравнительно чаще подобную роль выполняют дробные числительные: *Эки ден бири келди.*— «Половина (людей) пришла».

Довольно многочисленны случаи выражения подлежащего порядковыми числительными: 1. *Жетинчи бюгюн колхоз сабанладады.*— «Седьмой сегодня находится на колхозных полях» (А. Т.); 2. *Жетинчиле бюгюн солугъан этедиле.*— «Седьмые сегодня отдыхают»; 3. *Ала, айтханымча, аскерден къайытмагъандыла, жетинчибиз'а юйдегили болгъанды.*— «Как я сказал, они не вернулись с фронта, а наш седьмой (сын) уже женился» (К. Ж.).

Необходимо отметить, что количественные числительные с аффиксами притяжательности в языке художественной литературы широко употребляются в роли подлежащего. При этом они обозначают: «мы вдвоем», «они вдвоем», «они двое», «один из них», «из нас вдвое», «из них пятеро» и т. д.. Например: 1. *Дерсден къайытыб келе, эки сабий, бири юй башында ожакъ жанында, бири да чалманнга къысылыб, бир бирине таш ата тургъанларын кёрдю.* (А. Х.); 2. *Сау кел, хариб, Темуркъа!— деб, къол тутуб, экиси эки жанына олтурдула.* 3. *Ючюсю да бир бирге къысылыб, таугъа айланыб тебредиле.*

---

⁷³ М. Б. Балакаев. Указ. работа, стр. 127; К. З. Ахмеров. Исследования по синтаксису башкирского языка. Уфа, 1962, стр. 13; И. Д. Джакубов. Указ. работа, стр. 53—54.

Как правило, сказуемое при подлежащем, выраженном формами *бирлери, бирибиз, биригиз, бири*, стоит в единственном числе.

Сказуемое же при подлежащих, выраженных числительными *эки, юч, терт* и т. д. с притяжательным аффиксом третьего лица, в основном употребляется во множественном числе. Правда, в устной речи оно иногда встречается и в единственном числе. *Аланы экиси келди* — «Двое из них пришли». Но это является редким явлением. В том случае, когда подлежащие подобных предложений употребляются в значении «оба», «все», «все трое», сказуемое обязательно принимают аффикс множественности: 1. *Аланы экиси да келдиле*. — «Оба пришли»; 2. *Ючюсю да окзуйдула*. — «Все трое учатся».

В таких предложениях форму единственного числа никогда не могут иметь сказуемые, если они однородны. Например, нельзя говорить: *Аланы экиси шахаргъа келди, институтха кирди*, необходимо говорить: *Аланы экиси шахаргъа келдиле, институтха кирдиле*. — «Двое из них приехали в город, поступили в институт». Что касается глагольных сказуемых при подлежащих, выраженных словами *экибиз, ючюбюз, тертюбюз* и т. д., то они также могут быть использованы как в единственном, так и во множественном числе. Так, например, следующее предложение можно сказать двояко: *Экибиз келдик* — «Мы двое пришли»; *Экибиз келди* — «Из нас двое пришло».

В первом предложении сказуемое согласуется с подлежащим как с местоимением первого лица множественного числа («к» в конце глагола *келдик* является предикативным аффиксом первого лица множественного числа), а во втором предложении согласование сказуемого *келди* с *экибиз* происходит как с подлежащим, выраженным числительным с притяжательным аффиксом первого лица множественного числа. Это объясняется присутствием или отсутствием общающего среди тех, о которых сообщает подлежащее⁷⁴, — пишет У. Б. Алиев.

С данным положением автора нельзя не согласиться. Однако, на наш взгляд, необходимо указать, что сказуемое второго предложения может быть употреблено не только в единственном, но и во множественном числе.

То же самое можно сказать и о сказуемых при подлежащем, выраженном указанными числительными с притяжатель-

---

⁷⁴ У. Б. Алиев. Указ. работа, стр. 29.

ным аффиксом второго лица множественного числа. Ср. примеры: 1. *Экигиз ишлесин, экигиз солугуз.* — «Пусть двое из вас работают, а вы двое отдыхайте»; 2. *Экигиз ишлесинле, экигиз солугуз.* — «Пусть двое из вас работают, а вы двое отдыхайте».

Из сказанного можно заключить, что рамки употребления числительных названных разрядов так или иначе сужены. Отчасти это объясняется тем, что количественные числительные употребляются для обозначения счета предметов, возраста человека, порядковые — для обозначения порядка и т. д.

Лишь количественные числительные с притяжательными аффиксами и собирательные числительные можно отнести к специализированным средствам выражения подлежащего. Основной синтаксической функцией собирательных числительных в форме именительного падежа является выступление в роли подлежащего. Интересно отметить, что форма именительного падежа собирательных числительных не употребляется, как имя существительное, в функции определения. Правда, они могут быть составной частью сказуемого: *Ала бешеулен болдула.* — «Их стало пятеро».

Собирательные числительные в качестве подлежащего употребляются только по отношению к людям и указывают на неопределенное лицо или лица. Они более предметны. Сказуемое предложения, подлежащее которого выражено ими, может иметь форму как единственного, так и множественного числа. 1. *Экеулен, чурукъ таууш эте, анга да къарамай, гузabalаныб оздула.* — «Двое, стуча сапогами, не обратив на него внимания, тревожно прошли» (А. Х.); 2. *Экеу тутушса, биреу жыгъады.* — «Если двое поборются, один побеждает» (посл.); 3. *Бешеулен сууну ол жанына ётдюле.* — «Пятеро перешли на тот берег реки».

Как видно из этих примеров, в отличие от казахского, киргизского и других тюркских языков, в современном карачаево-балкарском языке собирательные числительные имеют двоякую форму: а) *биреу*, б) *биреулен*. Наблюдения позволяют считать, что для собирательных числительных, образованных от количественных числительных «два», «три», «четыре» и др., характерна форма на *-аулан* (*-эулен*, *-оулан*, *-ёулен*). Форма же на *-ау* (*-еу*, *-оу*, *-ёу*), производная от указанных количественных числительных, встречается очень редко и лишь в фольклоре или устной речи. Правда, парнодвоенные собирательные числительные употребляются довольно часто, но не в качестве средств выражения подлежаще-

го, а в функции обстоятельства: *Тёртеу-тёртеу барадыла*. — Букв.: «Четверо-четверо идут», т. е. «Идут по четверо».

Легко заметить, что первая форма имеет оттенок неопределенности (*биреу* — «кто-то», «некто»), а вторая, хотя она тоже не называет вещи по имени, обозначает «группу». Говоря: *Биреу келди*. — «Кто-то пришел», мы имеем в виду приход неизвестного нам лица, в предложении же: *Биреулен келди*. — «Один пришел» имеем в виду приход одного, а не двух. Таким образом, форма *биреу* выступает как неопределенное местоимение, а форма *биреулен* — указывает на определенное лицо.

При употреблении формы *биреулен*, *экеулен* и т. д. количественный признак сохраняется полностью. Поэтому подлежащие, выраженные словами *биреулен*, *экеулен*, *ючеулен* и т. д., подобно количественным числительным, не могут иметь форму множественного числа.

В отличие от них, слово *биреу* иногда может принимать аффикс множественности, однако при этом оно, выступая в роли подлежащего, как правило, сочетается со словом *ол*: *Ол биреуле къайры кетдиле?*

В данной синтаксической функции гораздо чаще употребляется форма *бирле*, представляющая собой неопределенное местоимение, стоящее во множественном числе: 1. *Бирле келдиле*. — «Кто-то пришел»; 2. *Бирле туберле* — «Кто-нибудь встретит».

Выражение подлежащего причастиями

В карачаево-балкарском языке в функции подлежащего употребляются причастия всех трех времен единственного и множественного числа с аффиксами притяжательности и без них. Значение таких подлежащих зависит, во-первых, от аффиксов, при помощи которых образованы причастия, и, во-вторых, от семантических особенностей глаголов, от которых они образованы.

Приведем примеры подлежащего, выраженного причастиями настоящего времени, представляющими собой сочетание депричастия на *-а* (*-е*, *-и*), или на *-ыб* (*-б*) + *тургъан*:

1) Единственного числа: а) без притяжательных аффиксов: 1. *Сабан сюре тургъан'а кимди?* — «А кто тот, который сейчас пашет землю?»; 2. *Бусагъатда бизни колхозда ишлеб тургъан да кыйынындан бек къууанады*. — «И тот,

кто в настоящее время работает в нашем колхозе, за свой труд получает много» (букв.: «радуется от своего труда») (К. Ж.); б) с притяжательными аффиксами: **Келе тургъаныбыз биледи, ийнанмай эсенг, анга сор.**— «Тот, кто идет, знает, если не веришь, спроси у него» (М. Ж.).

2) Подлежащее, выраженное причастием множественного числа: а) без аффикса притяжательности: **Бу окбуй тургъанла бизникиледендиле.**— «Эти читающие — из наших»; б) с аффиксом притяжательности: **Окбуй тургъанларынг кимникиледиле?**— «Те, которые ты сейчас читаешь, чьи?»; 2. **Жаза тургъанларыбыз'а?** „А те которые мы сейчас пишем?“ и т. д.

Причастие прошедшего времени на **-гъан** является наиболее употребительной в роли подлежащего отглагольной формой. Подлежащие, выраженные этой формой, бывают в единственном и множественном числе, с притяжательными аффиксами и без них: а) 1. **Кёрген** — **кёлге асыу.**— «Увидеть — приятно» (посл.); 2. **Жаугъан** **кёлче жауады.**— Букв.: «Дождь падает в озеро» (посл.). 3. **Ишлеменг** **болур арыкъ.**— «Не работающий похудеет» (К. М.); 4. **Къоркъгъан** **мени ызымдан келмесин.**— «Тот, кто боится, пусть не идет за мной» (А. Х.); 5. **Ишлеменг насыб кёреди.**— «Тот, кто работает, счастлив» (К. М.).

В приведенных предложениях подлежащие выражены причастиями на **-гъан** единственного числа и обладают объектным значением, значением признака, состояния, имевших место в прошедшем (иногда и в настоящем)⁷⁵ времени.

б) 1. **Къачханы эсине тюшдю.**— «Он вспомнил, что бежал» (А. Х.); 2. **Излегенинг олму эди?**— «То, что ты искал, это?» (М. Ж.).

Подлежащие в этих примерах имеют притяжательные аффиксы. Они могут стоять и во множественном числе: а) без притяжательных аффиксов: 1. **Мени сартын, къалгъанла да менден бытдыр болгъан болур эдиле.**— «На мой взгляд, и остальные стали хуже меня» (А. Х.); 2. **Излегенле табхан эдиле.**— «Те, кто искал, нашли» (Э. О) и б) с притяжательными аффиксами: 1. **Кетгенлери къайытмагъандыла.**— «Ушедшие от них не вернулись» (К. Ж.);

⁷⁵ Это объясняется тем, что форма на **-гъан** употребляется и со значением настоящего длительного времени. Об этом подробнее см. работу У. Б. Алиева «Причастие карачаево-балкарского языка», «Ученые записки КБГУ», вып. 4, Нальчик, 1958, стр. 298, а также указ. работу И. Х. Урусбиева, стр. 62—63.

2. *Келтиргенлеринг алмаламыдыла?* — «То, что ты принес, яблоки?»

Таким образом подлежащее, выраженное причастием прошедшего времени, в современном карачаево-балкарском языке встречается очень часто и обладает различными значениями. Это объясняется тем, что данной формой причастия «выражается и деятель и объект действия, место действия, причина действия, время действия и т. д. Одно причастие, в зависимости от контекста, может встречаться в многочисленных значениях»⁷⁶.

В функции подлежащего может употребляться и причастие будущего времени. Семантическое значение подлежащего, выраженного, например, причастием будущего времени на **-ар (-ыр, -ер, -ир, -ур, -юр, -р)** определяется тем, что эта форма причастия обозначает потенциальный признак субъекта или объекта действия, реализация которого возможна в неопределённом будущем. Одинокое причастие на **-ар** в функции подлежащего встречается очень редко и только в произведениях устного народного творчества: *Болур бёркюнден белгилиди (посл.)*.

Дело в том, что положительная (*жазар*) и отрицательная форма (*жазмаз*) этого причастия в современном языке употребляются не изолированно, а в словосочетаниях типа: «*жазар адам* — «человек, который обязан написать», «человек, который может написать», *жазмаз адам* — «человек, который не напишет». Подобные словосочетания широко употребляются в функции подлежащего: *Ишлер адамыбыз кёбдю.* — «У нас людей, которые могут (или: желают) работать, много» (*К. Ж.*).

Основной синтаксической функцией этих причастий в данном случае является употребление в роли определения.

Их характерная особенность заключается в том, что они не принимают аффиксов множественности и притяжательности. С прибавлением этих аффиксов изменяется их смысл. Например: *жазарла* — «напишут». Как видим из примера, с прибавлением аффикса множественности они переходят в глаголы. Аффиксы же притяжательности переводят их в имена. Ср.: существительные *ашар + ым* — *ашарым*, т. е. *ашарыгъым*, *киер + им* — *киерим*, т. е. *киеригим*. Слова *ашарыгъым*, *киеригим* являются существительными.

В функции подлежащего часто употребляются и причастия

⁷⁶ У. Б. Алиев. Указ. работа, стр. 298.

будущего времени, образующиеся при помощи аффиксов *-рыкъ, -рик, -рукъ, рюк, -лик, -лукъ, -люк, -лыкъ, -ныкъ, -ник, -нюк, -нукъ, -ырыкъ, -ирик, -ерик, -арыкъ, -урукъ, юрюк*. В семантике таких подлежащих имеется значение долженствования с оттенками желательности, безусловности, конкретности и уверенности: 1. *Келлик келсин*. — «Пусть придет тот, кто должен идти» или: «Тот, который желает, пусть идет». (М. Ж.); 2. *Кёраллыкъла кёрюрле*. — «Те, которые сумеют увидеть, увидят».

В отличие от причастия на *-ар (-ыр, -ир)* данные формы будущего времени в функции подлежащего могут выступать в единственном и множественном числе, с притяжательными аффиксами и без них. Некоторые из этих причастий перешли в имена существительные: 1. *Ашарыкъ, ичерик да барды*. — «Имеются пища и питье»; 2. *Киериклери да жетишимлиди*. — «У них одежды в достатке».

Выражение подлежащего именем прилагательным

Подлежащее в современном карачаево-балкарском языке выражается субстантивированными качественными и относительными прилагательными. Прилагательные, выполняющие роль подлежащего, могут быть в единственном и множественном числе, с аффиксами притяжательности и без них. В этом отношении они ничем не отличаются от имен существительных. Прилагательные в современном карачаево-балкарском языке обозначают разного рода признаки, цвет, протяженность, размер, физические свойства предмета, наличие или отсутствие какого-либо качества, признака и т. д. Все это отражается на семантике подлежащего. Иначе говоря, подлежащие, выраженные именами прилагательными, отличаются от подлежащих, выраженных существительными, по своим значениям. Такие подлежащие, как и всякое другое подлежащее, будучи объектом нашей речи, в первую очередь обладают объектным значением. Но семантическое значение прилагательных, выступающих в функции подлежащего, не утрачивается, поэтому эти подлежащие кроме объектного значения могут выражать разного рода признаки. А в тех случаях, когда они выражаются сравнительной степенью прилагательного, имеют еще и значение оттенка сравнения. Например: *Исциреги игиди*. — «Лучше то, что погорячее» (Э. О.).

Было отмечено, что в функции подлежащего могут выступать все виды прилагательных. Однако это не значит, что при-

лагательные в любых ситуациях выполняют роль подлежащего. Как известно, основной синтаксической функцией прилагательных является выражение определения. Употребление же в роли подлежащего является их неспециализированной функцией.

Например, качественные прилагательные типа *акъ* — «белый», *къара* — «черный», *къызыл* — «красный» и т. д. без аффиксов притяжательности и множественности в языке художественной литературы в функции субъекта почти не встречаются. Но в устной речи и в фольклоре часты случаи выражения подлежащего качественными прилагательными: 1. *Къызыл къарадан эсе игиди*. — «Красный лучше черного»; 2. *Аман тюбде къалыр*. — «Плохой всегда окажется на дне» (*посл.*); 3. *Ариу азар, къылыкъ озар* — «Лучше не тот, кто красив, а тот, у кого хороший характер» (*посл.*).

В этих примерах качественные прилагательные, выступая в функции подлежащего, обозначают предметы, а также качества и свойства, присущие этим предметам. Субстантивация прилагательных здесь устанавливается путем их выделения паузой. Как видно из примеров, они употреблены как именные основы без формальных показателей.

В другом случае к прилагательным прибавляются аффиксы множественности и притяжательности; и их субстантивация устанавливается при помощи этих аффиксов. При этом качественные прилагательные очень часто выполняют роль подлежащего: 1. *Сен багъалы оноучубузгъа мени элни игилери, ахшылары жибергендиле*. — «К тебе, к дорогому нашему советчику, меня послали хорошие люди села» (А. Х.); 2. *Солтан-Хамид болуучед таулуланы ахшысы*. — «Солтан-Хамид был лучшим (сыном) горцев» (К. М.).

В этих (и подобных) примерах подлежащими являются не отдельные прилагательные, а словосочетания *элни игилери, ахшылары, таулуланы ахшысы*.

Конечно, это не значит, что подлежащее не может быть выражено отдельным прилагательным с аффиксом принадлежности. В современном карачаево-балкарском языке нередко встречаются предложения, в которых отдельно взятые прилагательные с аффиксами принадлежности выступают в роли подлежащих. Например, в предложении *Чапракъланы сарылары акъдыла*. — «Жёлтые из листьев выпали» подлежащее выражено словосочетанием *чапракъланы сарылары*. Первый член такого словосочетания может быть опущен, но он все

равно будет подразумеваться благодаря присутствию аффикса принадлежности при втором члене и легко восстанавливается из контекста.

В современном карачаево-балкарском языке имеются прилагательные типа русских «портной», «столовая», которые в функции подлежащего приобрели значение существительного: 1. **Бай аны жаратмады**.— «Это богатому не понравилось» (М. Ж.); 2. **Аны сезиб жарлы бек кьоркьду**.— «Заметив это, бедняк очень испугался» (О. Э.); 3. **Батыр ёлмейди**.— «Герой не умирает» (посл.).

Такие прилагательные могут употребляться в данной функции и в форме сравнительной степени: **Байыракъ бир жанына, жарлыракъ бирси жанына болуб, даулаша эдиле**.— «Более богатый клонил в одну, более бедный — в другую, и они спорили».

Прилагательные на **-ли (лы, -лу, -лю)** в единственном и во множественном числе (с притяжательными аффиксами и без них) наиболее часто употребляются в роли подлежащего. Покажем это на примерах: 1. **Ачыулу жаншар, ач ашар**.— «Злой будет болтать, голодный — есть» (посл.); 2. **Кючлю кючлюге жолукъса, кючлю бузоу болур**.— «Если сильный встретится с тем, кто сильнее его, почувствует себя слабым» (посл.); 3. **Къарыулу бугъуб жюрюмейди**.— Букв.: «Сильный прячась не ходит» (посл.); 4. **Арбазгъа бу зыкгылыла басынгандыла, доктор, жюрегими басар бир дарман ичир**.— «Эти оборванцы столпились во дворе, доктор, дай мне лекарство, которое бы успокоило моё сердце» (А. Х.); 5. **Ай-уулану ачыулулары сени жауунгу жетсинле**.— Букв.: «Те из медведей, которые раздражены, пусть догонят твоего врага» (М. Ж.).

Относительные прилагательные на **-сиз, -сыз, -сюз, -суз** в обоих числах, с аффиксами принадлежности и без них в функции подлежащего употребляются реже: 1. **Акъылсыз не да айтыр**.— «Безумец что угодно скажет»; 2. **Мында бир ушхуурсузла бардыла**.— «Здесь имеются люди, у которых нет на ужин» (А. Х.); 3. **Жерсизлери энди дунягъа кёз ачхандыла**.— «Их безземельные теперь стали жить вольготно» (К. Ж.).

Необходимо отметить, что в карачаево-балкарском языке в синтаксической функции подлежащего часто употребляются словосочетания типа **жез бичакълы, алтын къамалы**. Например: **Жез бичакълы эслетмей къартны артындан келиб, табаны бла уруб, таи къалаугъа къаблады**.— «Тот, у кого лату-

ный нож, незаметно подкрался к старику, ударил его ногой и свалил на кучу камней» (А. Х.); 2. *Алтын кѡамалы анга не эки шай, андан озса, бир апасы береди.* — «Тот, у кого золотой кинжал, ему дает десять, а если больше этого, то двадцать копеек» (А. Х.).

Как видно, подлежащие здесь выражены словосочетаниями *жез бичакѡлы* и *алтын кѡамалы*. Первые части их (*жез* — латунный, *алтын* — золотой) являются определениями, а вторые части — определяемыми, хотя они представляют собой относительные прилагательные, образованные при помощи аффикса *-лы* от имен существительных *бичакѡ* — «нож», *кѡама* — «кинжал». Поэтому первые их части могут быть опущены: *Бичакѡлы блѡ кѡамалы келедиле*.

Небезынтересно отметить, что некоторые из рассматриваемых здесь словосочетаний превратились в сложные слова, утратив при этом аффикс *-лы*. Например, в современном языке параллельно со словосочетанием *кѡызыл уууртлу* употребляется и сложное слово *кѡызылууурт*, что означает «краснощекий». Или: *кѡк башлы, кѡкбаш* — «голубоголовый» и т. д. Сравним предложения: 1. *Кѡкбаш эшек таудан ауур жюклениб келеди.* 2. *Кѡкбаш таудан ауур жюклениб келеди.*

В первом примере *кѡкбаш* является определением к подлежащему (*эшек*), во втором же оно выступает в функции подлежащего.

Употребление субстантивированных прилагательных в функции подлежащего, например, обусловлено в основном тем, что подлежащие, выраженные именами существительными, опускаются, а их роль выполняют прилагательные, сохраняя при этом качества, присущие этой части речи. Например, в предложении *Батыр бир ёледи, кѡоркѡакъ минг ёледи.* — «Герой умирает один раз, а трус — тысячу раз» (*посл.*) подлежащие, выраженные прилагательными *батыр* и *кѡоркѡакъ*, воспринимаются не иначе как *батыр адам* — «храбрый человек» и *кѡоркѡакъ адам* — «трусливый человек». Но слово *адам* опущено и в роли подлежащего выступают слова *батыр* и *кѡоркѡакъ*.

Выражение подлежащего наречиями

Этот вопрос не получил до сего времени более или менее удовлетворительного освещения. В тюркологической литературе совершенно не упоминается о случаях выражения подде-

- жасих⁷⁷ наречиями. Возможно, это объясняется тем, что исследователи считают, что подлежащее «может быть выражено любой склоняемой частью речи»⁷⁸, а наречие, как несклоняемая часть речи, не может употребляться в функции подлежащего. Но такое понимание вопроса является ошибочным. Факты карачаево-балкарского языка говорят о том, что многие наречия могут выступать в роли подлежащего. Безусловно, эту функцию могут выполнять только субстантивированные наречия. Подлежащие, выраженные ими, помимо своего объектного значения имеют:

а) Значение места: 1. *Андагъы, мындагъы да кетдиле*. — «Находящийся там и находящийся здесь ушли»; 2. *Хар къайдагъы да кесини борчун махтаулу тамалайды*. — «Каждый, где бы он ни работал, успешно выполняет свой долг»; 3. *Энишгедегиле аланы да хорлайдыла*. — «Те, которые находятся внизу, перегоняют и их».

Подлежащие этих предложений выражены наречиями места *анда* — «там», *мында* — «здесь», *хар къайда* — «езде», *энишгеде* — «внизу», к которым прибавляется относительный аффикс *-гъы (-ги)*. Такие подлежащие, как видно из примеров, могут стоять как в единственном, так и во множественном числе. Они могут иметь также и притяжательную форму: *Андагъыныкъы келди, миндагъыны жашы уа угъай*. — «(Сын) находящегося там приехал, а сын находящегося здесь — нет». Ср.: *Андагъылары къайытдыламы?* — «Вернулись ли (их) находящиеся там?»

б) Значение времени: 1. *Былыр маллагъа къыйын жыл болганды*. — «Прошлый год для скота был трудным годом» (К. Ж.); 2. *Тамблабыз бюгюнбюзден эсе жарыкъ болур*. — «Наше завтра станет светлее нашего сегодня» (из уст); 3. *Кюнледен эсе бюгюн бутхузду*. — «Чем другие дни сегодня пасмурней» (А. Х.). Или: 1. *Тюненеги не болду?* — «Вчерашний куда делся?»; 2. *Былыргъыла бизге быйыл да болушадыла*. — «Прошлогодние помогают нам и в этом году».

в) Значение образа действия: 1. *Акъырынны терк жетмез*. — Букв.: «Тихого быстрый не догонит» (*посл.*), что означает: «чем тише едешь, тем дальше доедешь»; 2. *Сени*

⁷⁷ См.; например: М. Б. Балакаев. Указ. работа, стр. 122—128; Н. П. Дырленкова. Грамматика ойротского языка, стр. 229; А. Н. Кононов. Грамматика совр. узбекского литературного языка, М.-Л., 1960, стр. 368 и др.

⁷⁸ Е. И. Убрятова. Указ. работа, стр. 92.

акъырынынг мени теркимден онглуду.— Букв.: «Твое тихо, лучше моего быстро» и т. д.

Как видно, некоторые наречия в карачаево-балкарском языке субстантивируются, принимая относительный аффикс *-гъы*, аффиксы множественности и притяжательности. А иногда наречия могут субстантивироваться и без этих показателей.

Выражение подлежащего именами действия.

Вопрос о выражении подлежащего именами действия также относится к числу малоизученных вопросов карачаево-балкарского языка. Как показывают факты, при его решении необходимо учесть, что многие имена действия в современном карачаево-балкарском языке сохранили лишь название действия, утратив другие глагольные признаки и окончательно перешли в разряд имен существительных, например: *жашау* — «жизнь», *атлам* — «шаг», *ёлюм* — «смерть», *басхыч* — «лестница», *ачхыч* — «ключ» и т. д. Другие имена действия представляют собой производные формы глагола, обладающие как глагольными признаками (управление, залог, возможность—невозможность), так и всеми формами словоизменения имени существительного (склонение, принадлежность и др.). Например: *Кетиу* — «уход», *кетиуде* — «в уходе», *кетиуге* «к уходу» и т. д. *Келиу* — «приход», *келиуюм* — «мой приход», *келиуюнг* — «твой приход», *келиую* — «его приход» и т. д.

Как отмечает И. Х. Урусбиев, по морфологической структуре имена действия можно разделить на два типа: а) с основой на *-у* (*-ыу*, *-уу*, *-иу*, *-юу*) и б) с основой на *-макълыкъ* (*-меклик*).⁹

Наиболее употребительными в функции подлежащего являются имена действия первого типа: 1. **Тинтиу** башланды.— «Обследование началось»; 2. **Агъачдан улуу** эштиледди.— «Из леса слышится вытьё».

Подобные случаи одиночного употребления имен действия без притяжательных аффиксов в качестве подлежащего исключительно редки. В функции подлежащего имена действия в основном употребляются в сочетании с другими словами: 1. **Бу сагъатда Москвагъа жетиу** къыйын туюлду.— «В настоящее время добраться до Москвы нетрудно»; 2. **Аны чалгъы тутууу** да бирсиледен башхады.— «Он и косит не так, как

⁹ И. Х. Урусбиев. Указ. работа, стр. 82.

другие» (Э. О.); 3. *Маллагъа багъыу жылны бу кезиунде башланады.*— «Кормление животных начинается в это время года» (К. Ж.); 4. *ТAUDAN эниу санга не къыйын иш болду.*— Букв.: «Как трудно стало для тебя спускаться с гор» (М. Ж.); 5. *Аны хапар билдириб турууу урушну къызыу кюнлеринде да тохтамай эди.*— «Он присылал вести даже в самые трудные дни войны».

Имена действия с отвлеченным значением на *-макъ, лыкъ, -меклик* образуются из ограниченного круга глагольных основ и в функциях подлежащего употребляются очень редко, причем лишь в сочетании с другими словами: 1. *Ары журюмеклик алай тынч туюлду.*— «Ходить туда не так уж легко»; 2. *Жарлыгъа болушмакълыкъ уллу адамлыкъны шартыды.*— «Оказание помощи бедному является признаком большой человечности» (М. Ж.).

Другие средства выражения подлежащего

Как уже отмечалось, подлежащее в современном карачаево-балкарском языке может быть выражено любой частью речи, употребленной в значении имени существительного. В значении существительного могут выступать междометия, звукоподражательные слова и другие неизменяемые части речи и даже глаголы. Например, в устной речи очень часто встречаются предложения типа: 1. *Сени кетеменинг бир бошаламайды.*— Букв.: «Твое «ухожу» никак не кончится»; 2. *Аны барамасы адамланы эрикдиргенди.*— «Его «уйду» надоело людям».

В этих примерах слова *кетеменинг, барамасы* являются подлежащими, выраженными глаголами изъявительного наклонения *кетемен* — «ухожу», *барама* — «иду», к которым присоединены притяжательные аффиксы *-инг, -сы*. Субстантивация глаголов здесь устанавливается при помощи этих аффиксов.

Приведем такой пример: *Сизни „биз барабызыгъыз“ балааны „биз къалабызлары“ бир заманда тохтамайдыла.*— «Ваше «мы пойдем» и их «мы остаемся» никогда не прекращаются». Здесь два подлежащих при сказуемом *тохтамайдыла*. Первое представляет собой субстантивно употребленное предложение *биз барабыз* — «мы идем», а второе — субстантивно употребленное предложение «мы остаемся».

В функции подлежащего могут выступать и субстантивно употребленные:

а) междометия: 1. *Къайдан эсе да бир „ой-ой“, эшитилди, биз къулакъ салдыкъ.* — «Откуда-то послышался какой-то «ой-ой», и мы прислушались». 2. *Муну ха-ха-хасы къачан тохтарыкъды?* — «Когда прекратится его хохот? б) звукоподражательные слова: *Будай сабанланы шуу-шуулары аны кёлюн кётюре эдиле.* — «Колыхание пшеничных полей поднимало его настроение» (К. Ж.) в) частицы: *Майна кёргюзтючю кесекчикди.* — «Майна» является указательной частицей»; г) отдельным звуком. 1. *Бу сёзню а-сы ачыкъ тауушду.* — «А» этого слова — гласный звук»; 2. *Б къаллай тауушду?* — «Каким звуком является «Б»? и т. д.

В нормативной грамматике карачаево-балкарского языка в предложениях типа *Бу дерсни этерге керекди.* — «Это задание нужно выполнить» слово *этерге* — «делать» рассматривается как подлежащее⁸⁰. На деле же данное предложение является безличным. Неопределенная форма глагола *этерге* является составной частью сказуемого *этерге керекди* — «нужно сделать». Это слово в приведенном предложении не может рассматриваться как подлежащее.

Итак, в современном карачаево-балкарском языке подлежащее выражается любыми частями речи, в том числе и служебными, а иногда и предложениями.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПОДЛЕЖАЩЕГО

Ни в одной из работ по синтаксису карачаево-балкарского языка вопрос о структуре подлежащего не затрагивается. Языковеды ограничиваются лишь указанием на то, что подлежащее может выражаться не только отдельными словами, но и словосочетаниями.

Кандидатская диссертация З. Х. Байрамуковой⁸¹ является единственной работой, посвященной методике преподавания синтаксиса карачаево-балкарского языка. В ней, как и в школьных учебниках и в нормативной грамматике карачаево-балкарского языка, не выделяются структурные типы подлежащего.

Этот пробел может быть восполнен только на основе учета

⁸⁰ Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Къабарты-малкъар илму-излем институт, Нальчик, 1966, стр. 275.

⁸¹ З. Х. Байрамукова. Методика изучения синтаксиса простого предложения карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.

достижений советской тюркологии. Почти во всех исследованиях по синтаксису тюркских языков признается тот факт, что в качестве подлежащего может функционировать не только отдельное слово, но и сочетание нескольких слов. Однако в вопросе о структуре подлежащего ученые придерживаются различных точек зрения. В их работах разногласия имеют место и в употреблении терминов.

Рассматривая вопрос о структурном составе подлежащего, проф. А. Н. Кононов в «Грамматике современного узбекского литературного языка» указывает только на то, что подлежащее выражается «словом, имеющим любое лексическое значение»⁸² и что оно делится на простые и развернутые. Простыми членами предложения автор называет такие, которые выражаются одним словом или определительной группой, состоящей из определяемого и определения, выраженного неглагольными формами... А развернутые члены предложения, по его мнению, «выражаются глагольными формами на *-ган, -ганлик, -мок,* и др.»⁸³. Заметим, что употребленный А. Н. Кононовым термин «развернутый» не охватывает понятия «сложный» или «составной». Этот термин нельзя употреблять применительно ко всем структурным типам сложного подлежащего, поскольку «развернутые» члены являются только одной из их разновидностей.

Проф. А. Н. Кононов в другой своей работе пишет, что составные подлежащие состоят из сочетания знаменательных слов со служебным словом *бир*, или же из неразложимого сочетания числительных со стержневыми словами⁸⁴. Конечно, указанием только на это ограничиваться нельзя.

Нельзя согласиться и с мыслью проф. А. Н. Кононова о том, что в предложениях с конструкцией типа «*Ол китабны биринчи окъугъан мен болгъанма*». — «Первым, кто прочел эту книгу, был я» имеются два подлежащих: первое — *окъугъан*, а второе — *мен* в словосочетании *мен болгъанма*. Такие словосочетания в другом месте А. Н. Кононов относит к развернутым сказуемым.

Отмеченные недочеты характерны и для работ, посвященных синтаксису карачаево-балкарского языка⁸⁵.

⁸² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 348.

⁸³ Там же, стр. 252.

⁸⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 285.

⁸⁵ Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, Нальчик, 1966, стр. 285.

В действительности, слова *мен, сен* являются составными частями развернутых сказуемых, выраженных словосочетаниями *мен болғанма, сен оқутханды*.

Именную часть таких сказуемых некоторые авторы иногда относят к дополнениям. Так, например, А. М. Байрамкулов в предложении *Алғын властха кёб хайыр этгенме деб, бююнлюкде законсузлукъ этерге жарамайды*. — «Ссылаясь на то, что раньше принес советской власти много пользы, в настоящее время нельзя противоречить закону» (Г. Б.) слово *хайыр* — «польза» называет прямым дополнением⁸⁶. Фактически это слово является именной частью сказуемого *хайыр этгенме* — букв. «пользу сделал».

Работы А. Джапарова⁸⁷ и М. Б. Балакаева⁸⁸ отличаются сравнительно глубоким анализом и детализацией структурных типов подлежащих.

Например, в работе М. Б. Балакаева «Современный казахский язык» подлежащие по составу делятся на простые, сложные (составные) и развернутые⁸⁹. Но и в ней имеются недостатки, в частности, неясно, из какого (структурного или грамматического) признака исходит автор при классификации сложных подлежащих. Подлежащие, выраженные словосочетаниями типа *коммунист партиясы* — «коммунистическая партия» и словами типа *танг аласы* — «утренняя заря», объединены им в один вид подлежащих, с чем трудно согласиться. Дело в том, что между *танг аласы*, являющимся сложным словом, и словосочетанием *коммунист партиясы* имеется лишь внешнее, формальное сходство.

Профессор М. Б. Балакаев считает, что термины «сложное подлежащее» и «составное подлежащее» эквивалентны. Эту точку зрения разделяет и доктор филологических наук И. Д. Джакубов, который также выделяет три вида подлежащих по составу: простые, сложные (составные) и развернутые. Оба автора развернутыми называют подлежащие, выраженные развернутыми словосочетаниями типа *билеги кючлю*.

Вместе с тем необходимо отметить, что не все тюркологи выделяют развернутые подлежащие в самостоятельный вид. Например, доктор филологических наук З. И. Будагова и А. Джапаров такие подлежащие включают в разряд составных подлежащих. «Составное подлежащее выражается опреде-

⁸⁶ Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, Нальчик, 1966, стр. 299.

⁸⁷ А. Джапаров. Указ. работа, стр. 109.

⁸⁸ М. Б. Балакаев. Указ. работа, стр. 23.

⁸⁹ Там же.

лительными словосочетаниями, причастными и масдарными конструкциями»⁹⁰, — пишет З. И. Будагова. Подлежащее по составу З. И. Будаговой и А. Джапаровым делится на простые и составные.

Итак, некоторые исследователи подлежащие по составу делят на два вида. Однако одни из них употребляют термины «простые именные» и «составные именные» подлежащие⁹¹, другие — «простые» и «составные»⁹², третьи — «простые» и «развернутые»⁹³. Причем часть ученых, употребляющих термины «простые» и «составные» подлежащие, к составным относит и подлежащие, выраженные причастными, а также масдарными оборотами, другая часть о таких подлежащих совсем не говорит, а третья часть включает их в состав сложного предложения⁹⁴. В работах второй группы исследователей подлежащее делится по своему составу на три вида: простые, сложные (составные) и развернутые. Мы также разделяем эту последнюю точку зрения.

Во всех языках тюркской системы подлежащее может быть выражено сложными словами. Каким же является подлежащее в этом случае — простым или сложным? Тюркологи по-разному отвечают и на этот вопрос. Некоторые из них считают, что подлежащие, выраженные сложными именами существительными, прилагательными и т. д., являются сложными подлежащими, а другие называют их простыми. Так, например, профессор М. Б. Балакаев пишет, что «сложные имена прилагательные, существительные, числительные и местоимения... могут выступать в качестве сложных подлежащих»⁹⁵.

Вслед за З. И. Будаговой⁹⁶, А. Джапаровым⁹⁷ и др. мы склонны считать, что подлежащие, выраженные сложными словами, являются простыми, поскольку образование и морфологический состав слов не имеют в данном случае большого зна-

---

⁹⁰ З. И. Будагова. Простое предложение в современном азербайджанском литературном языке (А. докт. дисс.). Баку, 1963, стр. 18.

⁹¹ Н. Дыренкова. Указ. работа, стр. 230.

⁹² К. З. Ахмеров. Исследования по синтаксису башкирского языка. Уфа, 1962, стр. 13—15; З. И. Будагова. Указ. работа, стр. 18 и др.

⁹³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 352.

⁹⁴ У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках. 1959, стр. 63—79.

⁹⁵ М. Б. Балакаев. Указ. работа, стр. 129; см. также: И. Д. Джакубов. Указ. работа, стр. 56.

⁹⁶ З. И. Будагова. Указ. работа, стр. 18.

⁹⁷ А. Джапаров. Указ. работа, стр. 107.

чения для синтаксиса. В функции простого подлежащего могут в одинаковой мере выступать как простые, так и сложные слова.

Простое подлежащее

Простыми называются подлежащие, выраженные как простыми, так и сложными словами, являющимися отдельными морфологическими единицами.

Такие подлежащие, как отмечалось выше, могут быть выражены именем существительным, местоимением, всеми видами субстантивированных слов и служебными частями речи:

1. *Ол кезиуде кюн тюз тѣпнебизге келиб тохтагъан эди.*— «В то время солнце остановилось прямо над нашей головой». (С. Х.); 2. *Айран бар, гыржын бар, ашагъыз, ичигиз, жолугъузгъа барыгъыз.*— «*Айран* (кислое молоко) имеется, хлеб имеется, ешьте, пейте, отправляйтесь в дорогу» (О. Э.); 3. *Мен аллай адамланы бек жаратама.*— «Такие люди мне очень нравятся»; 4. *Къызылла келедиле.*— «Красные идут» (из песни); 5. *Бу китабды.*— «Это книга»; 6. *«Былайы кимни жериди?»*— «Это чьё место?».

В этих примерах простые подлежащие состоят из простых слов.

Простые подлежащие, выраженные сложными словами, в современном карачаево-балкарском языке имеют несколько разновидностей:

а) подлежащие, выраженные сложными именами существительными, возникшими из словосочетаний на основе объединения двух существительных в единое лексическое целое способом примыкания: 1. *Жемтала уллу эди.*— «Жемтала — большое село»; 2. *Ол терекде бал аууз кѣбдю.*— «В этом дереве воску много»; 3. *Темирбаш, сенмисе бу?*— «Темирбаш, это ты?».

б) Подлежащие, выраженные сложными словами, возникшими из словосочетаний на основе второго типа изафета: 1. *Жаз-башы жылны алапат кезиуюдю.*— «Весна — чудесная пора года»; 2. *Танг-аласы жууукълашыб келеди.*— «Рассвет приближается».

в) Простые подлежащие, выраженные сложными словами, возникшими из соче-

тания имени прилагательного и имени существительного в единое лексическое целое путем примыкания: 1. *Жолну эки жаньында да бийик акътерекле сюелдиде.* — «С обеих сторон дороги стоят высокие тополя»; 2. *Акъсакъл'а къайры кетди?* — «А аксакал куда ушел?» (К. Ж.).

г) Простые подлежащие, выраженные сложными словами, возникшими из сочетания числительных с существительными путем примыкания: 1. *Жюзаякъ къабыргъагъа ёрлеб барады.* — «Стопожка лезет на стену»; 2. *Ол бешжыллыкъ да бизге бек къууанчлы эди.* — «И та пятилетка для нас была очень радостной» (К. Ж.).

Заметим, что словосочетания *бир зат, бир жук* — «нечто», *бир адам* — «некто» кандидат филологических наук А. Ю. Бозиев ошибочно относит в разряд сложных имен существительных⁹⁸. Эти словосочетания являются неопределенными местоимениями, часто выступающими в функции подлежащего. Если, например, в словах *ючаякъ* — «тренога», *ючмююш* — «треугольник» числительное *юч* — «три» выступает как количественный определитель, то по отношению к числительному *бир* — «один» в указанных словосочетаниях сказать этого нельзя.

д) Простое подлежащее, выраженное сложными словами, возникшими из сочетания имени существительного с глаголом приемом управления: 1. *Башкес балтасын стол юсюне салды.* — «Головорез положил свой топор на стол» (Хабиб); 2. *Элберле жыйылгъандыла.* — «Загадки собраны».

е) Простое подлежащее может быть выражено сложными прилагательными, наречиями, а также числительными: 1. *Къаратор чаришде атланы барысын да озады.* — «Каратор на скачках перепоняет всех коней»; 2. *Бюгюн бирси кюнлеге ушамайды.* — «Сегодня не похоже на другие дни»; 3. *Быыйл къууанчлы жылды.* — «Этот год является радостным годом»; 4. *Экижюз ючге юлешинмейди.* — «Двести на три не делится».

ж) В функции простого подлежащего употребляются и сложные слова, образованные сочетанием прилагательного с существительным или существительного с существительным: 1. *Къарачач бла къаракъаш тубеш-*

⁹⁸ А. Ю. Бозиев. Указ. работа, стр. 63.

диле. — «Черноволосый и чернобровый встретились»; 2. *Малкёз капегин жерге тюшюрмез, ташжюрекни кишиге жаны аурумаз.* — «Жадный и копейку не уронит свою, а жестокосердный никого не пожалеет».

з) В роли простого подлежащего употребляются и сложные имена людей: *Хажибекир бла Хажимуса къарындашладыла.* — «Хажибекир и Хажимуса — братья».

Сложное подлежащее

Подлежащие, состоящие из функционально неразложимых сочетаний двух или более слов, называются сложными.

В отличие от простых и сложных слов, являющихся средством выражения простых подлежащих, группы слов, выражающих сложные подлежащие, хотя и связаны между собой по смыслу, все же не являются лексикализованными единицами.

В решении рассматриваемого вопроса серьезные трудности создаются тем, что словосочетания, выступающие в роли сложных подлежащих, очень многообразны. С этим нельзя не считаться. Анализ фактов языка показывает, что сложные подлежащие могут состоять из сочетания знаменательных слов, из сочетания знаменательного слова с незнаменательным и из фразеологических сочетаний.

1. Знаменательные слова в современном карачаево-балкарском языке очень часто образуют сочетания, представляющие собой функционально неразложимые комплексы. Слова, входящие в эти комплексы, связываются различными синтаксическими способами.

Основные типы таких сложных подлежащих следующие:

а) Сложные подлежащие могут выражаться словосочетаниями, состоящими из слов, связанных между собой при помощи изафетной связи: 1. *Кавказ таулары ёхтем сюледиле.* — «Гордо стоят кавказские горы» (О. Э.); 2. *Эл къыйыры кёрюндю.* — «Показался конец села»; 3. *Отжагъа оту жананды* — «Горит огонь очага» (К. К.); 4. *Жаз жылыуу келди.* — «Наступила весенняя оттепель» (К. Ж.); 5. *Жантемир кызы келди.* — «Идет дочь Жантемира».

б) Сложные подлежащие, выраженные местоимениями, существительными, причастиями с относящимися к ним приложения-

ми-числительными: 1. *Биз экибиз институтну сиз экигиз'а техникумну бошагъанбыз* — «Мы вдвоем окончили институт, а вы вдвоем — техникум»; 2. *Ала ючюсю да кёз туурадан ташайдыла.* — «Они все трое исчезли из виду» (М. Ж.); 3. *Келгенлени бири менме.* — «Одним из тех, кто пришел, являюсь я».

в) Сложные подлежащие, выраженные существительными, местоимениями, причастиями и т. д. в сочетании с местоимениями *бары, к'айсы, бири, хар бир* и т. д.: *Биз барыбыз да коммунистбиз.* — «Все мы коммунисты»; 2. *Бизни хар бирибиз кече сменде ишлейди.* — «Каждый из нас работает в ночную смену».

г) Сложные подлежащие, выраженные сочетанием имени существительного или местоимения со словоформами типа *андагъысы, ёргедегиси* и т. д. 1. *Бизни ёргедегибиз к'ачан энерикди?* — «Наш (сын), находящийся в горах, когда спустится?»; 2. *Ахматны институтдагъысы окъууну бошай болурму?* — «Заканчивает ли учебу (сын) Ахмата, который учится в институте?».

д) Сложные подлежащие, выраженные именами существительными и местоимениями в сочетании с местоимениями *кесим, кесинг, кеси*: 1. *К'анамат туруб кеса ашырыгъа да бир тебреди.* — «Канамат встал и начал было провожать сам» (А. Х.); 2. *Алмала кеслери акъгъандыла.* — «Яблоки выпали сами»; 3. *Сиз кесигиз к'ергенми эдигиз?* — «Вы сами видели?»

е) Примыкающими словами, входящими в состав словосочетаний, употребляющихся в функции сложного подлежащего, могут быть и количественные числительные или наречия меры, выступающие препозитивным компонентом: 1. *Юч батыр жолгъа чыкъдыла.* — «Три героя отправились в путь» (М. Ж.); 2. *Эки жыйырма адам манга чабхан заманда, мен аны к'алай урдум?* — «Когда на меня напали сорок человек, как я его мог бить?» (А. Х.); 3. *Бир талай адам, эл клубдан чыгъыб, орамны ёрге атландыла.* — «Несколько человек вышли из сельского клуба и отправились вверх по улице» (К. Ж.).

ж) Роль примыкающих слов в составе сложных подлежащих иногда бывает очень огромна, поэтому опущение их приводит к

снижению стилистического качества предложения. Например, в предложениях: 1. *Бу адам бизни институтда ишлейди.*— «Этот человек работает в нашем институте»; 2. *Къызыл кёлекли жаш биз Бакуда тубеген аспирантды.*— «Парень в красной рубашке является тем аспирантом, с которым мы встречались в Баку» примыкающие компоненты словосочетаний, выступающих в роли подлежащего (*бу, къызыл кёлекли*), нельзя опустить без ущерба для стиля.

з) Знаменательное слово «*бир*», утрачивая свою семантическую и функциональную самостоятельность, вместе с существительными в именительном падеже может образовывать словосочетания, выступающие в роли подлежащего. *Бир адамла аллыбызгъа чыкъдыла.*— «Какие-то люди вышли к нам навстречу» (О. Э.).

и) Имена, фамилии и отчества людей с относящимися к ним приложениями представляют собой неразложимые по функции словосочетания, употребляющиеся в роли сложного подлежащего: 1. *Ха-ха-ха, аз бек кууанмаз Апанас шуёхум.* — «Ха-ха-ха, как обрадуется мой друг Апанас» (А. Х.); 2. *Ахмат, Мажид, Аслан шуёхларым келедиле.*— «Идут и мои друзья Ахмат, Мажид, Аслан»; 3. *Мухтар жууугъум'а къайдады?* — «А мой друг Мухтар где?»; 4. *Иван Петрович къоншум да келсин.*— «Пусть придет и мой сосед Иван Петрович».

к) Имена людей, сочетаясь со словом *улу*, также образуют неразложимые словосочетания, употребляющиеся в роли сложного подлежащего. Заметим, что в подобных сочетаниях основной компонент может быть или именем отца, или именем, от которого произошла фамилия. Поэтому конкретное значение подлежащих, выраженных данными словосочетаниями, устанавливается из контекста. Например, подлежащее предложения *Ибрагим улу келеди* может быть переведено на русский язык двояко: 1. «Сын Ибрагима идет» и 2. «Ибрагимов идет».

2. В современном карачаево-балкарском языке подлежащее, хотя и редко, но может быть выражено функционально неразложимыми словосочетаниями, состоящими из знаменательного и служебного слова.

а) Средством выражения таких сложных

подлежащих могут быть словосочетания, состоящие из существительного (или местоимения) и послелога *дери* 1. *Тауну этегине дери бизни жерибизди*. 2. *Былайгза дериси сизни будай сабанларыгъыздыла*.

б) Сложное подлежащее может быть выражено сочетанием знаменательного слова с частицами *тамам, тюз, битеу, жалан да, ассыры*: 1. *Тюз кеси келген керёме*. — «Оказывается, он пришел (как раз) сам»; 2. *Тамам экеулен керекдиле*. — «Нужны только двое»; 3. *Ассыры кёбю иги туююлду*. — «Слишком много нехорошо».

в) В некоторых тюркских языках подлежащее выражается сочетанием имени в именительном падеже со служебным словом *экен*, принимающим при этом аффиксы причастельности. Например, в киргизском языке подлежащим предложения *Алар балдар экени алыстан эле таанылды*⁹⁹ является словосочетание *балдар экени*. Второй компонент этого словосочетания представляет собой причастие на *-гъан* производное от служебного глагола *э*. В современном карачаево-балкарском языке эта причастная форма не употребляется в таком сочетании. Однако это не значит, что вспомогательные (вообще) глаголы не могут вступать в такое сочетание. Так, например, вышеприведенное предложение можно перевести на карачаево-балкарский язык так: *Ала сабийл болгъанлары узакъдан окъуна танылды*; вторым компонентом здесь является причастие на *-гъан* от вспомогательного глагола *бол*.

3. В функции сложных подлежащих могут выступать и слова, составляющие неразложимое фразеологическое целое. Такие подлежащие от других видов сложных подлежащих отличаются тем, что фразеологические единства, выступающие в их роли, неразложимы на отдельные слова и вне предложений. Тем не менее они ещё не лексикализированы: 1. *Сууукъ къол жете болур дейме*. — «Наверное, кто-то ворует».

В произведениях устного народного творчества часто встречаются фразеологизмы типа *аузу бла оракъ оргъан; къой аузундан чёб юзмеген; туугъанлы чибин эзмеген*. Они настолько тесно спаяны, что нет никакой возможности заменить другими словами хотя бы один из их компонентов. Такие единства так-

⁹⁹ См. А. Джaparов. Указ. работа, стр. 113.

же могут функционировать в роли сложного подлежащего: *Ёмюрюнде чибин эзмеген кимге не хата этерикди.*— «Тот, кто за всю свою жизнь не раздавил и муху, никому ничего плохого не сделает».

В роли сложных подлежащих выступают и сложные наименования, которые по сути дела также являются фразеологическими сочетаниями: 1. *Баш Совет закон чыгъарычуу органды.*— «Верховный Совет является законодательным органом»; 2. *КъМАССР эки орденли республикады.*— «КБАССР является дважды орденосной республикой»; 3. *Бизни районда энгда да жангы орта школла ачылгъандыла.*— «В нашем районе открылось много средних школ».

4. В функции подлежащих выступают и парные слова. По вопросу о том, каким по составу являются подлежащие, выраженные ими, является спорным.

Парные слова рассматриваются иной раз в морфологическом плане и о них говорится в разделе морфологии¹⁰⁰, другой раз они разбираются в плане синтаксиса и исследуются соответственно в синтаксических работах¹⁰¹. Анализ языковых фактов показывает, что парные слова отличаются как от сложных слов, так и от словосочетаний. Доктор филологических наук Ю. М. Сеидов показывает особенности, отличающие их от сложных слов и сближающие со словосочетаниями, а также особенности, отличающие эти слова от словосочетаний и сближающие их со сложными словами, и приходит к выводу, что «специфические особенности, присущие парным словам, отличают их от других категорий, в том числе от сложных слов и словосочетаний, и делают их объектом самостоятельного исследования. Как справедливо отмечают некоторые языковеды, эти формы не стали еще полностью сложными словами»¹⁰². Придерживаясь данной точки зрения, подлежащие, выраженные парными словами, мы рассматриваем как особую разновидность сложных подлежащих, что обусловлено семантическим значением парных имен, выступающих в их функции.

а) В роли сложного подлежащего наи-

---

¹⁰⁰ «Современный казахский язык». Алма-Ата, изд. АН Каз. ССР, 1962, стр. 150; А. Ю. Бозиев. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965, стр. 60.

¹⁰¹ Ю. М. Сеидов. Словосочетания в азербайджанском языке. (А. докт. дисс.), Баку, 1965, стр. 18.

¹⁰² Там же, стр. 20.

более часто употребляются парные имена существительные: 1. *Аланы ашлары-суулары элпекди*. — «У них кормов много» (К. Ж.); 2. *Ата-анала клуб-ха жыйылдыла*. — «Родители собрались в клуб».

б) Такие подлежащие могут состоять также и из двух имен действия: 1. *Сатыу-алыу башланды*. — «Купля-продажа началась»; 2. *Аллыу беруу тохтамайды*. — «Взаимообмен не прекращается».

в) В рассмотренных нами двух случаях как первые, так и вторые компоненты подлежащих являются словами, которые сохраняют самостоятельное лексическое значение и могут быть употреблены самостоятельно. Как и в других тюркских языках, в современном карачаево-балкарском языке много и таких парных слов, первый компонент которых сохраняет и вне сочетания самостоятельное значение, а второй компонент вне сочетания не обладает никаким самостоятельным значением и является не словом, а лишь звукоподражательным синонимом (фонетическим видоизменением первого компонента, т. е. начального гласного или согласного звука). Они являются также очень частоупотребительными в функции подлежащего: 1. *Анда сабий-сюбюй кёрюнмейди*. — «Там детей не видно»; 2. *Алайда энди арба-марба жокъду*. — «Там теперь нет ни арб, ни прочего гужевого транспорта».

г) Сложное подлежащее может быть выражено и парными собирательными числительными: 1. *Былайда биреулен-экеулен къалса, боллукъду*. — «Достаточно, если здесь останутся один-два человека». Ср.: *Экеу-мекеу не эталлык дыла?* — «Что смогут сделать двое?»

д) Здесь же необходимо рассматривать как средства выражения сложного подлежащего такие сочетания, как *ким-ким, не-не, къайсы-къайсы* и т. д.: 1. *Ким-ким келедиле?* — «Кто идут?»; 2. *Къайсы-къайсы кетдиле?* — «Которые ушли?»

✓ 5. Как известно, вопрос о роли причастных, деепричастных и инфинитивных оборотов в составе предложения относится к числу малоразработанных и проблематичных вопросов синтаксиса тюркских языков^{102а}. Одни исследователи данные оборо-

^{102а} См. об этом А. З. Абдуллаев. Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке. (А. докт. дисс.). Баку, 1963, стр. 6—39.

ты рассматривают как придаточные предложения¹⁰³, другие считают, что указанные обороты относятся к разделу простых предложений¹⁰⁴. Совершенно иная точка зрения на природу тюркских сложноподчиненных предложений, существенно отличающаяся от указанных мнений, высказана Н. К. Дмитриевым, который подходит к решению данного вопроса дифференцированно, учитывая разносторонние факторы тюркских языков¹⁰⁵.

На наш взгляд, обороты типа *мен кёрген, къатыны жокъ* в составе таких предложений, как *Мен керген сенсе.*— «Тем, кого видел я, являешься ты»; *Къатыны жокъ келеди.*— «Идет тот, у которого нет жены», должны быть рассмотрены как развернутые подлежащие. Другими словами, приведенные предложения являются простыми.

Для того чтобы быть предложением, обороты указанного типа должны характеризоваться предикативностью, модальностью, особой интонацией сообщения. Обратимся к примерам: 1. *Сен— кёргюзтген, мен— кёрген.*— «Ты тот, кто показал, я тот, кто видел»; 2. *Къатыны — жокъ, кызы — жокъ, киймлерин ким жууарыкды?*— «Жены нет, дочери нет, его белье кто постирает?» Интересующие нас конструкции здесь являются предложениями. В первом примере подлежащими

¹⁰³ У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках. Черкесск, 1959, стр. 63—80; А. Демирчицаде. Мураккаб чумлелэр. Азэрбайчан мэктеби, № 5—6, Баки, 1941; № 1, 1948; А. К. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 135—140; С. Жиенбаев. Вопросы синтаксиса. 1941, стр. 16—17; В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 113—132; Э. В. Севортян. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. «Исследования по сравн. грамматике тюркских языков», ч. III, М., 1961 и др.

¹⁰⁴ А. З. Абдуллаев. Указ. работа, стр. 38—39; М. Ш. Ширалиев. Проблема сложноподчиненного предложения. «Вопросы грамматики тюркских языков», Алма-Ата, 1958; З. И. Будагова. Указ. работа, стр. 15; В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка, М.-Л., 1940, стр. 128—129; Н. А. Баскаков. Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке. «Иссл. по сравн. грамматике тюркских языков», ч. III, М., 1961; М. Г. Хусейнзаде. См. выступление в сб. «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958; К. Шаукенов. Развернутые члены предложения в современном казахском языке и методика их преподавания (А. к. д.), Алма-Ата, 1955.

¹⁰⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., стр. 193; Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, стр. 247; см. также; К. К. Сартбаев. Основные вопросы синтаксиса сложного предложения в современном киргизском языке (А. докт. дисс.), М., 1953, стр. 10; Г. А. Абдурахманов. Основы синтаксиса сложного предложения совр. узбекского литературного языка (А. докт. дисс.), 1960; Н. Т. Сауранбаев. Семантика и функции деепричастий в казахском языке. Алма-Ата, 1944, стр. 61.

выступают местоимения *сен, мен*, а сказуемыми — причастия *кёргюстген, кёрген*. Грамматическая функция последних обусловлена их постпозитивным положением по отношению к подлежащим. Каждому из этих предложений (*мен — кёрген* и *сен — кёргюстген*) присуща особая интонация сообщения и предикативность. И оборот *мен кёрген* в составе выражения *мен кёрген сенсе* отличается от *Мен—кёрген* как словосочетание от предложения.

Развернутое подлежащее в современном карачаево-балкарском языке выражается:

а) Сочетанием существительного в форме именительного падежа (с притяжательным аффиксом) и слов *бар, жокъ, кёб*; 1. **Акбылы жокъ не да айтыр.**— «Тот, у кого нет ума, все может сказать»; 2. **Кючю кёб насыблыды.**— «Тот, у кого много сил, счастлив».

б) Сочетанием существительного в именительном падеже с аффиксом притяжательности и прилагательного: **Балеги кючлю бирни жыгъар, билими кючлю мингни жыгъар.**— «Сильный рукой одного победит, сильный умом — многих» (*посл.*).

в) Сочетанием существительного в именительном и косвенных падежах и причастия. 1. **Ахмат окъутхан энди профессорду.**— «Тот, кого обучал Ахмат, теперь является профессором»; 2. **Москвадан келген'а?**— «А тот, который приехал из Москвы?»

г) Сочетанием именительного падежа местоимений (*ким? не? биреу? бу?* и др.) с причастием: 1. **Мен Жиберген бусагъатда къайдады.**— «Тот, кого посылаю я, в настоящее время где находится?»; 2. **Биреу айтхан керти болса, ол айтхан керти болмай къалмаз.**— Букв.: «Если сказанное кем-то может быть правдой, сказанное им обязательно должно быть правдой».

д) Сочетанием косвенного падежа этих местоимений (и др. субстантивированных частей речи) с причастием: **Менден алгъанынг жарамдымы?**— «То, что ты взял у меня, не пригодилось?»; 2. **Сенден кетген бизге келгенди.**— «Тот, который ушел от тебя, пришел к нам».

е) Сочетанием деепричастия и причастия. 1. **Окъуй билген зауукъду.**— «Уметь читать — наслаждение»; 2. **Окъуб келгенле агрономла эм зоотехникле**

диле.— Букв.: «Обучившись приехавшие — агрономы и зоотехники» (К. Ж.).

ж) Сочетанием наречий с причастием: 1. *Бюгюн орнатылгъанла быладыла*.— «Посаженные сегодня вот эти», 2. *Тамбла орнатыллыкъла уа бюгюн келтирилликдиле*.— «А те, которые будут посажены завтра, сегодня будут привезены» и т. д.

Развернутое подлежащее может состоять не только из двух, но и из трех и более слов; 1. *Жангы хапарла айтырыгъы келиб тургъан бизни бетибизге къарайды*.— «Тот, которому хочется сообщить новые вести, смотрел на наши лица» (А. Т.).

Таким образом, в современном карачаево-балкарском языке развернутое подлежащее характеризуется разнообразием состава, своеобразием грамматической структуры. Поэтому их нельзя отождествлять с простыми подлежащими. Необходимо выделять их и от разных типов сложных подлежащих.

Однородные подлежащие

Однородные члены предложения рассматриваются в синтаксисе как особая категория. В существующих грамматиках, карачаево-балкарского языка они определяются как члены, «отвечающие на один и тот же вопрос»¹⁰⁶. Но в карачаево-балкарском языке очень много случаев, когда два и больше определений, хотя и отвечают на один и тот же вопрос, не являются однородными членами предложения. Обратимся к примерам: 1. *Мен ёрлеген бийик таула былайдан да кёрюнедиле*.— «Высокие горы, на которые поднимался я, видны и отсюда»; 2. *Къара кёзлю жаш ктойчу бизге къараб, жарыкъ ышарды*.— «Черноглазый молодой чабан, посмотрев на нас, приветливо улыбнулся» (К. Ж.). В первом предложении определения *мен ёрлеген* и *бийик*, а во втором — *къарл кёзлю* и *жаш* отвечают на один и тот же вопрос, но не являются однородными.

При определении однородных членов предложения их значение и морфологическое выражение не принимаются во внимание, так как они не играют определяющей роли. Поэтому указание на то, что «однородные члены предложения отве-

¹⁰⁶ Къарача-малкъар тилни грамматикасы. Къабарты-малкъар илму-излем институт, Нальчик, 1966, стр. 310; см. также У. Б. Алиев, М. Т. Жабоев, Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, синтаксис, 1965, стр. 53.

чают на один и тот же вопрос» должно быть исключено из определения однородных членов предложения. При их определении нужно иметь в виду только одинаковые семантико-синтаксические взаимоотношения между определяемым и определяющими членами предложения. Это относится ко всем видам однородных членов предложений, в том числе к определениям, обстоятельствам и дополнениям»¹⁰⁷.

Таким образом, члены предложения, которые либо одинаково определяют один из членов предложения, либо определяются им, выполняя одну и ту же семантико-синтаксическую функцию, называются однородными. Что касается однородных подлежащих, то они не могут быть грамматически зависимыми от других членов предложения и всегда подчиняют себе сказуемое. Поэтому однородные подлежащие — это сочетание не зависящих друг от друга слов, одинаково определяемых сказуемым и выполняющих в предложении одну и ту же синтаксическую функцию подлежащего.

В предложении с однородными подлежащими признаки, выраженные сказуемым, одновременно и в одинаковой степени относятся ко всем подлежащим. Поэтому сказуемое в этом случае зависит от всех имеющихся в предложении подлежащих.

Связь однородных подлежащих между собой может быть бессоюзной — при помощи соединительной паузы и интонации перечисления, или союзной — при помощи соединительных или разделительных союзов.

Приведем примеры на бессоюзную связь однородных подлежащих: 1. *Ахмат, Баттал, Токзал, Къасым, Бийнёгер* Къанаматны аллына чыкъдыла.—«Ахмат, Баттал, Токал, Касым, Бийнёгер вышли навстречу Канамату» (А. Х.); 2. *Бир бёрю, эки айыу, бир тюлкю* келдиле.—«Пришли один волк, два медведя, одна лисица» (М. Ж.).

В современном карачаево-балкарском языке имеются союзы, связывающие только компоненты сложных предложений, и союзы, употребляемые только для связи членов простого предложения. В целом союзов, соединяющих однородные члены предложения, гораздо меньше союзов, соединяющих компоненты сложных предложений.

Наиболее употребительными при однородных подлежащих союзами являются соединительные союзы *бла, эм, да*.

---

¹⁰⁷ А. Г. Руднев. Синтаксис осложненного предложения. Учпедгиз, М., 1959, стр. 153.

Карачаево-балкарский *бла* соответствует узбекскому *бян*, казахскому *мен* (*менен, пен, бен*), киргизскому *менен*. Этот союз выражает значение «совместности» и связывает только однородные члены, выраженные существительными или субстантивированными качественными именами. Однородные подлежащие, соединяемые союзом *бла*, в основном однотипны:

1. *Арба бла машина кёрюнедиле*.— «Видны телега и машина»; 2. *Москва бла Ленинград бек уллу шахарладан бирлеридиле*.— «Москва и Ленинград являются одними из больших городов».

Этот союз «в словосочетаниях, в которых происходит перечисление однородных и именных членов больше двух, не употребляется»¹⁰⁸. Им соединяются (как и в приведенных примерах) только два однородных подлежащих. Союз *бла* часто попарно соединяет однородные подлежащие, создавая при этом несколько однородных парных групп: *Ол кезиуде сен бла мен бир классда, Мухтар бла Раузат бир классда, Фатима бла эгечи* *ча бизни бла окъуй эдик*.— «В то время я и ты учились в одном классе, Мухтар и Раузат—в другом, а Фатима и её сестра учились с нами».

Союзу *эм*, употребляемому в основном в письменной речи, также характерно попарное соединение однородных подлежащих: *Ишчиле эм элли урунганла, эм мюлк устала эм интеллигенция* *бу уллу байрамга ахшы жетишимле болдурб тубейдиде*.— «Рабочие и крестьяне, специалисты сельского хозяйства и интеллигенция встречают этот большой праздник большими трудовыми подарками» (К. Ж.).

Союз *эм (эм да)* в большинстве случаев употребляется между двумя однородными подлежащими: *Анда малчылык эм жерчилик* *арт жыллада бек иги айныйдыла*.— «Животноводство и растениеводство в последние годы развиваются там особенно хорошо» (К. Ж.). Хотя и редко, но встречаются и такие предложения: *Сен эм мен эм да ол мындан ары бютюн да ахшы ишлерге борчлубуз*.— «Ты и я, и он обязаны в дальнейшем работать еще лучше». Здесь союз употреблен между первым и вторым, вторым и третьим однородными подлежащими. Однако в тех случаях, когда в предложении имеется более двух однородных членов, союз *эм* в основном употребляется только между последним и предпо-

¹⁰⁸ У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках. Черкесск, 1959, стр. 81.

следним однородными подлежащими. Например: **Пушкин, Лермонтов, Маршак, Кулиев, Михалков эм Гамзатов** мени бек суйген поэтлеримдиле.— «Пушкин, Лермонтов, Маршак, Кулиев, Михалков и Гамзатов являются моими самыми любимыми поэтами».

Нетрудно заметить, что союзы **бла, эм и да** имеют специфическое употребление. Проф. М. Б. Балакаев отмечает, что союз **да** в казахском языке «в соединительной функции однородных членов стоит совершенно особняком между остальными союзами. Он не только связывает однородные члены, но и выражает целый ряд дополнительных значений»¹⁰⁹. Союз **да** таким же образом ведет себя и в карачаево-балкарском языке. Он соединяет два и более однородных подлежащих. Если в предложении имеются только два однородных подлежащих, то он всегда ставится после второго подлежащего. Например: **Насыб, кзууанч да бизни болсунла**.— «Пусть счастье и радость будут нашими». Совершенно невозможно сказать: **Насыб да, кзууанч бизни болсунла**. Если союз **да** стоит после первого однородного, то он обязательно должен ставиться и после второго: **Насыб да, кзууанч да бизни болсунла**.

В тех случаях, когда в предложении имеются два, три и более однородных подлежащих, **да** может ставиться после последнего или после каждого однородного члена: 1. **Палата, коридор, больница да тар кёрюнуб башладыла**.— «Палата, коридор и больница начали казаться тесными» (Б. Г.); 2. **Мында уа алма да, кертме да, бал эрик да, балли да бек учуздула**.— «А здесь и яблоки, и груши, и сливы, и вишня очень дешевы» (К. Ж.).

Как видно из примеров, союз **да**, употребляясь после каждого однородного подлежащего, подчеркивает их самостоятельность, придает перечислению оттенок усиления.

Однородные подлежащие соединяются и при помощи союза **не...не**, указывающего на взаимное исключение: **Не жауун, не кзар жаумайды**.— «Не идет ни дождь, ни снег» (А. Т.); 2. **Билмейме, кеси не да жашы келир**.— «Не знаю, наверное, придет он сам или его сын» (О. Э.).

---

¹⁰⁹ М. Б. Балакаев. Указ. работа, стр. 127.

СКАЗУЕМОЕ

Природа сказуемого в карачаево-балкарском языке исследована еще далеко не полно. Вопрос о формах, составе и средствах выражения сказуемого до сих пор не получил детального анализа. Наконец, нет четкой классификации структурных типов сказуемого.

Обычно грамматическое сказуемое отождествляется с логическим предикатом. Так, например, даже в нормативной грамматике карачаево-балкарского языка (изданной Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом) сказуемое определяется так: «То слово, которое что-то говорит о подлежащем, называется сказуемым. Сказуемое отвечает на вопросы: что делает? что делается? каков он? кто он? что он?»¹¹⁰. Почти такое же определение дается сказуемому в школьном учебнике по синтаксису карачаево-балкарского языка: «Сказуемым называется то слово, которое указывает на действие, состояние, цвет предмета и отвечает на вопросы: что делает? что сделал? что сделает? каков?»¹¹¹. Подобные определения не охватывают грамматические свойства сказуемого.

В тюркологической литературе сказуемому уделялось больше внимания, чем подлежащему. Это связано с тем, что без учета свойств сказуемого невозможно решать вопросы типологии простого, а также сложного предложения.

Исследование синтаксиса простого предложения карачаево-балкарского языка, как одного из малоизученных тюркских языков, имеет большое теоретическое и практическое значение. Подчеркивая это, профессор А. К. Боровков писал: «Все более становится ясным то обстоятельство, что карачаево-балкарский язык — «мал Золотник, да дорог» — с точки зрения методологии изучения, в первую очередь языков турецкой системы»¹¹².

Определение сказуемого, как и других членов предложения, должно вытекать из учета грамматических, а не логических категорий.

1. Наиболее существенным свойством сказуемого является то, что оно выступает основным выразителем предикации.

¹¹⁰ Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Къабарты-малкъар илму-излем институт. Нальчик, 1966, стр. 272.

¹¹¹ У. Б. Алиев, М. Т. Жабоев. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, синтаксис. Нальчик, 1965, стр. 19.

¹¹² А. К. Боровков. Карачаево-балкарский язык. Яфетический сборник, т VII, Л., 1932, стр. 39

Известно, что предложение является основной синтаксической единицей языка, основным средством формирования, выражения и сообщения мысли. Любому предложению присуща предикативность, выражающаяся в синтаксических категориях лица, времени и модальности. Однако предикативность в разных типах предложения проявляется по-разному, т. е. формы ее выражения бывают различные. Для карачаево-балкарского языка наиболее типичным является двусоставное предложение. Из двусоставных предложений наиболее употребительны простые предложения, сказуемые которых имеют так называемую предикативную форму. В принципе встречаются предложения без сказуемого и без его предикативной формы. Однако в подавляющем большинстве случаев сказуемое имеет предикативную форму. Важность этой формы сказуемого обусловлена тем, что она точно и ясно выражает отнесение к действительности содержания высказывания в целом. Это объясняется тем, что структура такого сказуемого включает в себя формально-грамматические элементы и аффиксы, выражающие предикативные категории модальности, времени и лица. Благодаря этим категориям сказуемое выражает различные виды отношений содержания высказываний с действительностью.

а) В предикативной форме содержится указание на реальность, нереальность, желание или необходимость и т. д.: 1. *Кёк кюкюрейди*. — «Гром гремит»; 2. *Бусагъатда кюн тийиб къалса эди!* — «Вот если бы сейчас взошло солнце!»; 3. *Мен ишге эртеракъ барыгъа керекме*. — «Я должен идти на работу пораньше»; 4. *Сен'а бюгюн баралмазса*. — «А ты, наверное, сегодня не сумеешь пойти?»; 5. *Нёгеринг кетген болурму?* — «Твой товарищшел ли?» и т. д.

б) Предикативная форма сказуемого может относить содержание высказываемого к определенному времени действительности — настоящему, будущему, прошедшему. 1. *Поезд келеди*. — «Поезд идет»; 2. *Мен эртден бла санга къайытырма*. — «Я утром вернусь к тебе» (З. Зока); 3. *Аны заманы озгъанды*. — «Его время прошло» (А. Х).

в) В данной форме сказуемого может содержаться также указание на то, к кому из участвующих в акте речи лиц относится высказывание. Форма первого лица указывает на

говорящее лицо (*келеме* — я иду), форма второго лица — на обращение к собеседнику (*келесе* — ты идешь), а форма третьего лица — на то, что данное высказывание не относится непосредственно ни к говорящему, ни к слушающему, а к третьему лицу (*келеди* — он идет).

Все эти отношения не могут быть выражены так полно никакой синтаксической категорией, как это делается предикативной формой сказуемого. Например, сфера интонации, хотя она и является универсальным средством образования предложений, ограничена. Она может быть средством выражения модальности, средством выражения целенаправленности высказывания. Однако интонация не способна выразить категорию времени. Она не может различать лица и указать на автора речи.

Говоря о предикативной форме сказуемого, мы прежде всего имеем в виду глагольные сказуемые, которые не только в карачаево-балкарском, но и в других тюркских языках являются наиболее употребительными. Так, например, исходя из фактов татарского языка, М. З. Закиев пишет: «Глагольное сказуемое — это самый распространенный вид сказуемого в любом стиле татарского литературного языка. По подсчетам В. Н. Хангильдина, в татарской речи именные сказуемые составляют примерно 15%, тогда как глагольные — 85%. В глагольном сказуемом выражаются самые различные грамматические значения, которые отражают познавательную работу человеческого сознания»¹¹³. Сфера употребления именных сказуемых ограничена определенными рамками.

2. Одним из отличительных свойств сказуемого простых предложений является то, что оно, вступая в предикативную связь с подлежащим, грамматически подчиняется ему, а само подчиняет себе слова своего состава. Грамматическое подчинение сказуемого подлежащему проявляется главным образом в его согласовании с подлежащим. Если подлежащее выражено словом в первом или втором лице, то сказуемое, как правило, принимает личное окончание первого или второго лица. Такое подлежащее может согласовываться со сказуемым и в числе. Приведем примеры полного согласования, когда сказуемое принимает формы лица и формы числа подлежащего: 1. *Биз хорлай келгенбиз, мындан ары да хорларбыз.* — «Мы всегда побеждали, и впредь победим» (К. Ж.); 2. *Мен жырлайма.* — «Я пою»; 3. *Сен кел.* —

¹¹³ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Изд-во Казанского университета, 1963, стр. 31.

«Приходи ты» (О. Э.); 4. *Сиз сюргенсиз да* — «Вы же вспахали» (К. Ж.).

Если подлежащее выражено словом, стоящим в третьем лице, то возможно согласование сказуемого с подлежащим в обоих числах. Например: 1. *Къуш узакъда эки къуу терек кёрдю.* — «Орёл вдаль заметил два сухих дерева» (М. Ж.); 2. *Кёб жюз жылла озадыла.* — «Проходит много столетий» (М. Ж.) и т. д.

Как известно, во многих языках тюркской системы некоторые аффиксы предикативности опускаются. Например, «в современном татарском языке аффиксы сказуемости третьего лица (*-дыр, -дер, -тыр, -тер*) не употребляются, а остальные сохранились только в составе глагольных сказуемых, в составе именных сказуемых, как правило, они не употребляются, опускаются»¹¹⁴. Что же касается современного карачаево-балкарского литературного языка, то глагольные и именные сказуемые в подавляющем большинстве случаев принимают предикативные аффиксы. Это является основной нормой и спецификой карачаево-балкарского литературного языка, структурной особенностью сказуемого простого предложения в нем. Аффикс предикативности отсутствует в сказуемых, выраженных утвердительной (или отрицательной) формой повелительного наклонения глагола второго лица единственного числа. Особенностью данной формы является то, что она по своему звуковому составу совпадает с первичной основой глагола, но не равна ей.

В карачаево-балкарском языке имеются и другие случаи отсутствия аффиксов предикативности. Например, в предложениях, где грамматическая функция сказуемого обусловливается его постпозитивным положением по отношению к подлежащему, сказуемое может не принимать аффикса предикативности. Такие предложения широко представлены в фольклоре: 1. *Окзугъан — жарыкълыкъ, окзумагъан — къарангылыкъ.* — «Ученье — свет, неученье — тьма» (посл.); 2. *Умутсуз жашау — отсуз кесеу.* — «Жизнь без надежд — потухшая головешка» (посл.)

Сказуемые таких предложений являются именными. Их грамматическая функция всегда обусловлена постпозитивным положением по отношению к подлежащему. Это положение одновременно является формой сказуемости. В функции таких сказуемых в современном карачаево-балкарском языке вы-

¹¹⁴ М. З. Закиев. Сказуемое в современном татарском литературном языке (А. к. д.), Казань, 1954, стр. 8.

ступают не только имена существительные в именительном и косвенных падежах, но и другие именные части речи, а также слова *бар* и *жокъ*. Например: *Окзуусуз билим жокъ, билимсиз кюнюнг жокъ*. — «Без учебы нет знания, без знания нет счастья» (*посл.*).

По наблюдениям А. Джапарова, в киргизском языке «формами сказуемости у сказуемых, выраженных именными частями речи, является их постпозитивное положение по отношению к подлежащему в том случае, если последнее стоит в III лице»¹¹⁵. В современном карачаево-балкарском языке это явление наблюдается в любом предложении независимо от того, в каком лице стоит подлежащее: *Сен — ишчи, мен — къойчу*. — «Ты рабочий, я чабан».

В таких предложениях именные сказуемые не оформляются лично-предикативными аффиксами и поэтому не могут меняться местами со своими подлежащими. При перестановке обязательно меняются их синтаксические функции. Например, ср.: *Мухадин — тракторчу, сен — комбайначы*. — «Мухадин — тракторист, ты — комбайнер»; 2. *Тракторчу — Мухадин, комбайначы — сен*. «Тракторист — Мухадин, комбайнер — ты».

В карачаево-балкарском языке формой сказуемости может служить и постпозитивная частица *а*. Имеются в виду лишь те случаи, когда эта частица употребляется после деепричастий на *-ыб (-уб, -иб, -юб, -б)* или после формы отрицания на *-май (-мей)*. Предложения с этой формой сказуемого обычно употребляются в диалоге:

— *Бек жууукъ окъунады, — деди Мажитни къатыны.*

— *У-у, отум, жууукъ болмай'а (З. Зока).*

Во втором предложении сказуемое выражено словосочетанием *жууукъ болмай'а*. Если опустить частицу *а*, то это словосочетание не будет сказуемым. В данном случае сказуемое состоит из двух слов: имени существительного *жууукъ* — «родственник» и деепричастия на *-май* от вспомогательного глагола *бол* — «будь» и постпозитивной частицы *а*. Иными словами, сказуемое представляет собой аналитическую конструкцию, в которой частица *а* выступает как бы средством выражения сказуемости.

Сказуемые отмеченного типа не всегда выражаются аналитической конструкцией. Они очень часто состоят из деепричастия с постпозитивной частицей *-а* и имеют следующую форму: деепричастие на *-ыб (-иб, -уб, -юб)* + частица

¹¹⁵ А. Джапаров. Указ. работа, стр. 129.

-а или деепричастие на **-май (-мей)** + частица **-а**. Например: 1. *Китабланы окзумай'а* — «Как же не читать книги?» или «Конечно, прочитал книги»; 2. *Келиб'а*. — «Как это так? Приходить нельзя» и т. д.

Интересно отметить, что в случаях, когда в роли сказуемого выступает отрицательная форма деепричастия с постпозитивной частицей **-а** (*окзумай'а*), предложение является утвердительным. Когда же в функции сказуемого выступает утвердительная форма деепричастия на **-ыб** с постпозитивной частицей **-а**, то в зависимости от интонации оно, наоборот, выражает отрицание, недопустимость действия, о котором идет речь.

Формой сказуемых могут быть и вспомогательные слова. Например: 1. *Сабан сюрюле кёреме*. — «Оказывается, земля пашется» (*К. Ж.*); 2. *Ол'а кетиб баралды*. — «А он уже уходит» (*С. Хоч.*).

Специфика таких сказуемых заключается в том, что (в отличие от ряда других языков тюркской системы) в современном карачаево-балкарском языке вспомогательные глаголы в их составе не употребляются без предикативных аффиксов. Правда, как показывают наблюдения, в редких случаях в устной речи, поэзии и фольклоре предикативное слово *керек* употребляется без указанных аффиксов. Подобное наблюдается в случаях, когда оно выступает не как компонент аналитического сказуемого, а как самостоятельное сказуемое. Например, в современном языке не говорят: *Иш, кезиуянде тамамланыргъа керек*. Правильно только так: *Иш кезиуянде тамамланыргъа керекди*. Во втором случае слово *керек* употреблено как компонент аналитического сказуемого. Но в предложении *Сафаргъа кёл керек, Сафарда къарыу аз*. — «Сафар нуждается в поднятии настроения, у Сафара мало сил» (*Байчор*); слово *керек* выступает в роли самостоятельного сказуемого, поэтому употребляется без аффикса предикативности.

Вопрос о формах выражения сказуемого в современном карачаево-балкарском языке не получил до сих пор своего освещения. Эта проблема не получила детального анализа в целом в тюркологии. Е. И. Убрятова пишет: «В отличие от подлежащего сказуемое всегда оформлено аффиксами сказуемости (и аффиксами принадлежности, выполняющими функции аффиксов сказуемости)»¹¹⁶. По мнению автора, един-

¹¹⁶ Е. И. Убрятова, Исследования по синтаксису якутского языка. М.-Л., 1950, стр. 94.

ственной формой выражения сказуемости является синтетическая форма. А. Н. Кононов¹¹⁷ и Э. В. Севортян¹¹⁸ делят формы сказуемости на два вида: морфологические и синтаксические. К морфологическим формам они относят словоизменяемые формы выражения сказуемости, а к синтаксическим — порядок расположения слов, когда им обуславливается синтаксическая функция сказуемого. Другие же тюркологи (М. Б. Балакаев¹¹⁹ и А. С. Сафаев¹²⁰) считают, что имеется три формы выражения сказуемости.

Профессор М. Б. Балакаев пишет: «К основным синтаксическим формам, посредством которых слова выступают сказуемыми, относятся: аффиксы сказуемости, порядок расположения сказуемого в предложении и интонация»¹²¹. А. С. Сафаев в узбекском языке находит те же формы выражения сказуемости. При этом к ним он относит порядок слов, называя его синтаксическим способом выражения предикативности, словоизменяемые аффиксы и предикативные слова, которые называет морфологическим способом, и интонацию сообщения, называя её интонационным способом.

Нетрудно заметить, что автор под синтаксическим и интонационным по сути даёт один и тот же способ — порядок слов. При синтаксическом способе, отмечает он, «определённый порядок слов создает предикативное отношение». Им приводятся такие примеры: *Эшик ачыкъ*. — «Дверь открыта»; *Бахор яхши*. — «Весна хороша». Рассматривая же интонацию как отдельный, самостоятельный способ выражения предикативности, А. С. Сафаев приводит такой пример: *Бу — китаб*. — «Это книга», где функция сказуемого обусловлена, как и при «синтаксическом» способе выражения предикативности, порядком слов¹²².

Совершенно прав А. Джапаров, считающий, что постпозитивное положение сказуемого по отношению к подлежащему нельзя толковать как синтаксический или интонационный способ выражения сказуемости. Это «приводит, во-первых, к

¹¹⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 386.

¹¹⁸ Э. В. Севортян. Категория сказуемости. Сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II., Морфология, 1956, стр. 16—21.

¹¹⁹ М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Алма-Ата, 1959, стр. 131.

¹²⁰ А. С. Сафаев. Главные члены простого предложения в совр. узбекском языке (А. к. д.). Ташкент, 1958, стр. 3.

¹²¹ М. Б. Балакаев. Указ. работа.

¹²² См. А. С. Сафаев. Указ. работа, стр. 3.

запутыванию понятия формы сказуемости путем употребления разношерстной терминологии. Во-вторых, употребление термина «синтаксический» явно не соответствует содержанию вопроса... В-третьих, при таком толковании сужаются свойства интонации, может быть неправильно понята её природа»¹²³.

Авторы, которые форму выражения сказуемости в предложениях типа *Мурадин — тракторчу*. — «Мурадин — тракторист» называют интонационной, интонацию рассматривают как дополнительный грамматический признак лишь сказуемого, а не всего предложения. Если согласиться с таким мнением, то возникает необходимость закрепить интонацию как грамматическое явление только за предложением, в котором обязательно наличествуют оба главных члена — подлежащее и сказуемое. А отсюда в свою очередь возникает необходимость отрицания наличия в языке односоставных предложений, в которых отсутствуют сказуемые, с чем никак нельзя согласиться. Интонация является одним из основных признаков предложения в целом, а не какого-либо отдельного его члена. Интонация независимо от форм выражения сказуемости, от наличия или отсутствия сказуемого или подлежащего является свойством всего предложения.

Что касается предложений типа *Мурадин — ишчи*, то видно, что формой сказуемого в них является постпозитивное положение сказуемого по отношению к подлежащему. Грамматическая функция сказуемых таких предложений обусловлена именно данным порядком расположения главных членов предложения, где название признака следует за названием предмета. Это подтверждается тем, что подлежащее и сказуемое таких предложений не могут меняться местами. При их перестановке непременно меняются и их функции. Следовательно, форму выражения сказуемости в данном случае можно называть постпозитивной формой.

Как показывают факты, в современном карачаево-балкарском языке многообразии форм сказуемого зависит, во-первых, от формы лица и числа подлежащего, во-вторых, от частей речи, которыми выражено сказуемое, и от положения последнего, которое оно занимает по отношению к подлежащему. В-третьих, форма сказуемости зависит от состава сказуемого. Отсюда ясно, что следует выделять четыре вида форм сказуемости:

---

¹²³ А. Джaparов. Указ. работа, стр. 137.

а) Если функция слов, выступающих в роли сказуемого, обусловлена аффиксами лица, времени, наклонения, то такие сказуемые называются синтетическими, а их грамматическая форма синтетической. Сюда же можно отнести сказуемые, имеющие форму деепричастия на *-ыб* и на *-май* с постпозитивной частицей *-а* (*Келиб'а, келмей'а*).

б) Если грамматические значения сказуемого выражаются вспомогательными словами, то такие сказуемые называются аналитическими, а их формы — аналитическими формами сказуемости.

Общим для синтетических и аналитических сказуемых в карачаево-балкарском языке является то, что наличие предикативных аффиксов обязательно как для первых, так и для вторых.

К предикативным аффиксам относятся аффиксы лица и времени, иначе говоря, все аффиксы, являющиеся синтетическими показателями сказуемости.

в) Если же в роли сказуемого выступают именные части речи и их синтаксическая функция обусловлена их постпозитивным расположением по отношению к подлежащему, то такие сказуемые называются постпозитивными, а их форма — постпозитивной.

г) Особую разновидность форм сказуемости образует форма сказуемых, выраженных глаголами повелительного наклонения второго лица единственного числа. Форма таких сказуемых совпадает с формой первичной основы глагола. Поэтому целесообразно называть их сказуемыми-основами. К сказуемым-основам может присоединяться безударная частица *-чы* (*-чи, -чу, -чю*), и тогда эти сказуемые как бы принимают синтетическую форму, потому что данная частица является замыкающим формантом¹²⁴: 1. *Барчы*. — «Иди-ка»; 2. *Ол китабны манга берчи*. —

¹²⁴ Но в тех случаях, когда такие сказуемые стоят «во множественном» числе, наблюдается иная картина: «Барчыгъыз», «Берчигиз». «Окчучугъуз». В этих примерах личные аффиксы *-гъыз, -гъуз* присоединены к концу данной частицы.

«Ту книгу подай-ка мне»; 3. *Сен'а алда окъучу*. — «А ты бери и почитай-ка» и т. д.

Однако необходимо подчеркнуть, что функцию частицы *чы (-чи, -чу, -чю)* в подобных предложениях нельзя отождествлять с функцией предикативных аффиксов. Дело в том, что она в сказуемых *барчы, берчи, окъучу* может быть опущена и от этого слова *бар, бер, окъу* не перестают быть сказуемыми. Эта частица содержит в себе лишь значение повеления, просьбы или усиления. Она также показывает обращение говорящего ко второму лицу.

В лингвистической литературе термины «предикативность» и «сказуемость» нередко употребляются как эквивалентные понятия. Рассматривая вопрос о формах сказуемости, тюркологи анализируют только двусоставные предложения или же предложения, в которых обязательно наличествуют сказуемые. При этом ими упускаются из виду назывные и вокативные предложения, в которых нет сказуемых. Это ведет к тому, что количество форм выражения сказуемости приравнивается к количеству способов выражения предикации. Так, например, в работах проф. М. Б. Балакаева¹²⁵, доктора филологических наук А. Джапарова¹²⁶, кандидата филологических наук А. С. Сафаева¹²⁷ приводится столько форм выражения сказуемости, сколько и способов выражения предикативности.

Логическим следствием этого может быть отрицание не только назывных и вокативных предложений, но и предложений, в которых по той или иной причине предикация выражена без сказуемого.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СКАЗУЕМОГО

Общие сведения

Успешное решение вопроса о средствах выражения сказуемого позволяет:

а) установить многообразие свойств подлежащего, раскрываемых сказуемым.

б) Установить не только то, какие части речи могут функционировать в роли сказуемого, но показать степень специализа-

¹²⁵ М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Алма-Ата, 1959, стр. 131.

¹²⁶ А. Джапаров. Указ. работа, стр. 139.

¹²⁷ А. С. Сафаев. Указ. работа, стр. 4.

ции отдельных слов и их различных форм для морфологического выражения предикативного члена предложения.

в) Разрешение вопроса о средствах выражения сказуемого помогает установить также и состав сказуемого и т. д.

Таким образом, вопрос о средствах выражения сказуемого является одной из важнейших проблем синтаксиса карачаево-балкарского языка. В решении этой проблемы, как и всех других важных проблем карачаево-балкарской грамматики, большое значение имеют работы проф. У. Б. Алиева. Его статья, посвященная главным членам предложения карачаево-балкарского языка, является единственной работой в этом роде. Не задаваясь целью классифицировать сказуемое по составу, автор в ней дает описание основных средств его выражения¹²⁸.

В современном карачаево-балкарском языке, как и в других языках тюркской системы, в качестве средств выражения сказуемого выступают глаголы, имена существительные, все разряды местоимений, числительных, прилагательные в прямых и косвенных формах с послелогоми и без них, а также наречия и различные словосочетания.

Функцию сказуемого могут выполнять и причастия. Средства выражения сказуемого, как и средства выражения подлежащего, можно условно разделить на две группы: **специализированные и неспециализированные**. К первой относятся глаголы в формах всех наклонений. Сюда же примыкают слова *бар, жокъ, керек*, которые в современном карачаево-балкарском языке в подавляющем большинстве случаев употребляются с предикативными аффиксами. Во вторую группу средств выражения сказуемого входят остальные части речи, которые имеют другие функции, но в порядке удовлетворения потребностей выражения мысли употребляются в качестве средств выражения и сказуемого¹²⁹. Анализ фактов языка показывает, что не все слова, входящие в тот или другой лексико-грамматический разряд слов, одинаково близки к специализированным средствам выражения сказуемого. Проф. У. Б. Алиев объясняет это тем, что специализация средств продолжается, что нарушения единства формы и содержания, связанные с новым употреблением этих средств,

---

¹²⁸ У. Б. Алиев. Указ. работа, стр. 32.

¹²⁹ Там же, стр. 33.

не проходят даром для них, что частота употребления их в новых функциях постепенно шлифует их формы для несения этих новых функций, и слова популяризируются и располагаются в определенном порядке. Это утверждение у нас не вызывает возражений.

Сказуемые в зависимости от того, какие части речи выступают в их функции, делятся на две большие группы: глагольные и именные. К первой группе относятся сказуемые, выраженные всеми наклонениями, залогами и временами глагола, а ко второй — сказуемые, выраженные существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, наречиями. Обычно сюда же относят сказуемые, выраженные словами *бар* и *жокъ*¹³⁰. Такое деление представляется бесспорным. Однако в работах по синтаксису карачаево-балкарского языка разграничение сказуемых по указанному признаку еще не проводилось.

Как отмечено, наиболее распространенным видом сказуемого в различных стилях карачаево-балкарского языка является глагольное сказуемое. Синтетическое глагольное сказуемое может быть выражено всеми формами глагола, употребляющимися в функции сказуемого в предикативной форме единственного и множественного числа, в формах залога, в форме повелительной основы и т. д. В отличие от этих глагольных сказуемых, в современном карачаево-балкарском языке очень часто встречаются и такие глагольные сказуемые, которые образуются путем наслоения одного глагола на другой. Такие аналитические сказуемые могут состоять из двух, трех, четырех и более самостоятельных и вспомогательных глаголов.

Выражение сказуемых формами глаголов изъявительного наклонения

Глаголы изъявительного наклонения являются специализированными средствами выражения сказуемых. Они характеризуют действия или состояния подлежащих во всех лицах с различными временными значениями.

---

¹³⁰ См.: И. Д. Джакубов. Основы синтаксиса простого предложения в совр. киргизском литературном языке (А. докт. дисс.). Фрунзе, 1966, стр. 63; М. Б. Балакаев. Указ. работа, стр. 147 и др.

Выражение сказуемых глаголами настоящего времени

Приведем примеры: 1. *Мен Токбалны кесими балаларымдан айырмайма.* — «Я Токала люблю так же, как и своих детей» (А. Х.); 2. *Шуёхлукъну бек тутабыз; душманланы уутабыз.* — «Крепко дружим, побеждаем врагов». (К. М.); 3. *Сен бийикге учаса.* «Ты летаешь высоко»; 4. *Сюеди.* — «Любит»; 5. *Ала да сюедиле.* — «Любят и они».

В этих предложениях сказуемые выражены отдельными односоставными глаголами настоящего времени во всех трех лицах единственного и множественного числа. Как видно из примеров, в каждом отдельном случае глаголы, функционирующие в роли сказуемых, образованы по схеме: спрягаемая основа + формант времени **-а (-е, -й)** + показатель лица и числа. Данная форма настоящего времени в современном карачаево-балкарском языке не соприкасается с моментом речи. Она без уточнения обозначает настоящее общее время. Необходимо учесть, что значение соотнесенности действия с моментом речи при этом во многом зависит от наличия в предложении второстепенных членов, выраженных словами *тамбла, ингирде* и т. д. Ср., например: 1. *Мен тамбла барама* — «Я иду завтра»; 2. *Мен барама* — «Я иду». Сказуемое второго предложения указывает на общее настоящее время: *барама* — «иду» (вообще). А сказуемое первого предложения, хотя и выражено той же формой, указывает на то, что действие будет совершено завтра.

Рассмотренная форма является обычной формой настоящего времени в том случае, когда в роли сказуемого выступает односоставное сказуемое. А другой формой сказуемых настоящего времени является форма на **-а (-е, -й) + тур(а)** + аффикс лица, обозначающая нерезультативное действие, которое началось в прошлом и продолжается в момент сообщения о нём: 1. *Ол келе турады.* — «Он идет»; 2. *Сен келе тураса.* — «Ты идешь»; 3. *Мен келе турама.* «Я иду».

В зависимости от контекста или определенной ситуации эта форма может обозначать и постоянное или регулярно повторяющееся динамическое или статическое действие: *Ёбкелемейме, кёзуруда келе-келе турады.* — «Не обижаюсь, он всё время приходит» (К. Ж.).

Если сказуемое выражается аналитической формой глагола, первым компонентом которого является деепричастие на

-ыб (-б), а вторым тот же вспомогательный глагол *турады*, то оно обозначает длительное, многократное действие, например: 1. *Былырдан бери ишлеб турады*, — «Работает с прошлого года»; 2. *Тохтамай жырлаб турады*. — «Все время поёт».

Эта форма сказуемого может обозначать и результитивное действие. Ср.: 1. *Ол, мен кбайытхынчы, юйню ишлеб турады*. — «До моего возвращения он построил дом»; 2. *Ол ишлеб турады*. — «Он работает».

В первом предложении сказуемое *ишлеб турады* обозначает результитивное действие, а во втором предложении то же самое сказуемое обозначает постоянное, регулярно повторяющееся действие. Нетрудно заметить, что это опять-таки объясняется тем, что в первом предложении имеются второстепенные члены (*мен кбайытхынчы* — «до моего возвращения» и *юйню* — «дом»), отсутствующие во втором предложении.

Как видно, взаимосвязь сказуемых с зависимыми от них второстепенными членами имеет большое значение. Факты свидетельствуют о том, что в зависимости от структуры предложения, контекста и т. д., формы настоящего времени часто употребляются в значении не только прошедшего, но и будущего времени. Например, если в составе предложения имеется повелительный компонент, то форма настоящего времени может быть употреблена в значении будущего времени. Ср.: 1. *Дерслерибизни этебиз*. — «Делаем уроки»; 2. *Кел, дерслерибизни этебиз*. — «Пошли, будем делать уроки». Данная форма может употребляться в этом значении и в том случае, когда в предложении имеются второстепенные члены, которые указывают на время завершения одного действия, вслед за которым начинается другое действие, передаваемое говорящим формой настоящего времени. Часто встречаются и такие предложения, в которых наличествует сказуемое, выраженное формой глагола на **-са (-се)**, служащее условием для начала другого действия, выражаемого говорящим формой настоящего времени. Например: *Ишден келсем, ингир сайын школгъа барама*. — «Когда возвращаюсь с работы, по вечерам хожу в школу». Ср.: *Ишден келгенлей, ингир сайын школгъа барама*. — «Как только возвращаюсь с работы, по вечерам хожу в школу». Здесь деепричастный оборот *ишден келгенлей* обозначает действие, только после завершения которого начинается другое действие, передаваемое формой настоящего времени *барама* — «иду» и т. д.

Большое значение имеет и учет характера сочетающихся компонентов аналитического сказуемого. Как и в других языках тюркской группы, в карачаево-балкарском языке первый компонент сказуемого, выраженного глаголами типа «неличная форма глагола + вспом. глагол», обычно не изменяется, а второй, служебный компонент представляет собой часть, которой выражаются все грамматические значения.

Но в отличие от сказуемых, выраженных односоставными глаголами, в данных сказуемых часто бывает так, что вспомогательный глагол, входящий в их состав, теряет способность выражать основные категории глагола — залог, время, и тогда последний становится связкой, изменяемой только по лицам и числам.

Отмечая это, И. Х. Урусбиев пишет, что в некоторых случаях оба компонента сказуемых, выраженных сложносоставными глаголами типа **именной компонент + служебный компонент**, не изменяются, «т. е. именной компонент совершенно не изменяется, глагольный имеет форму только 3 л. ед. ч.»¹³¹. Для подтверждения своей мысли автор приводит следующий пример: *кеч болады* — «вечереет», «настает вечер». Автор прав только в одном: действительно, первый компонент сказуемого в данном случае не изменяется. Однако его второй компонент не всегда «имеет только форму 3 л. ед. числа». В данном случае глагольный компонент сказуемого имеет форму 3 лица единственного числа, поскольку опущенное подлежащее этого предложения является словом 3 лица единственного числа. Ср.: 1. *Кеч болады.* — «Вечереет»; 2. *Кюн кеч болады.* — «Вечереет»; 3. *Ахмат кеч болады.* — «Ахмат опаздывает»; 4. *Ала кеч боладыла.* — «Они опаздывают» и т. д. Но: 1. *Мен кеч болама.* 2. *Сен кеч боласа.* 3. *Биз кеч болабыз.*

По мнению И. Х. Урусбиева, не изменяется и всегда имеет форму 3 лица единственного числа и служебный компонент сказуемого, выраженного словосочетанием *эсиме тюшеди* — «вспоминаю»¹³². Это утверждение также является ошибочным. При данном сказуемом подлежащие могут стоять также в единственном и множественном числе: например: 1. *Сен эсиме тюшесе.* — «Вспоминаю тебя»; 2. *Ол эсиме тюшеди.* — «Вспоминаю его»; 3. *Сиз эсиме тюшесиз.* — «Вспоминаю вас»; 4. *Ала эсиме тюшедиле.* — «Вспоминаю

¹³¹ И. Х. Урусбиев. Указ. работа, стр. 119.

¹³² Там же, стр. 120.

их». Однако, конечно, нельзя говорить: «*Мен эсиме тюшеме* — «Вспоминаю себя».

Другими словами, необходимо иметь в виду, что данный тип сказуемых представляет собой по составу нерасторжимый комплекс равнозначных лексических единиц, возникших: а) как результат второй синтаксической перегруппировки второстепенных членов со сказуемыми или б) как результат слияния главных членов предложения и т. д. Например, сказуемое, выраженное аналитической формой глагола *кеч болады* — «вечереет», возникло как результат взаимодействия второстепенного члена — *кече* — «ночь» со сказуемым (*болады* — становится). Ср.: *Кюн кече болады*. «День становится ночью» и *Кюн кеч болады* — «Вечереет».

А сказуемые, выраженные конструкциями типа *ауруу тий* — «заболеть», *жётел тий* — «кашлять», *кёз тий* — «сглазить» и т. д., исторически базируются на отношениях субъект — предикат. Иначе говоря, подлежащее *кёз* предложения *кёз тиеди* стало именным, а сказуемое *тиеди* — служебным компонентом аналитического сказуемого *кёз тиеди*. В современном языке оно употребляется в предложениях типа: *Манга кёз тиеди*. — «Меня сглазят»; *Санга кёз тиеди*. — «Тебя сглазят» и т. д., в которых нет грамматического подлежащего, что, на наш взгляд, является следствием того, что подлежащее *кёз* превратилось в именную часть данного сказуемого. Однако это не говорит о том, что при данном сказуемом ни в каких случаях не может наличествовать грамматическое подлежащее. Так, например, в предложении *Сен манга кёз тийди-ресе*. — «Ты меня сглазишь» слово *сен* является грамматическим подлежащим.

При таком подходе к рассмотрению аналитических сказуемых становится ясным, какая из их частей в каких случаях изменяется, а в каких не изменяется.

Настоящее время в современном карачаево-балкарском языке имеет несколько значений. Оттенки их уточняются контекстом, иногда семантикой (самой основой)¹³³. Сказуемые, выраженные простыми глаголами, подобно сказуемым, выраженным аналитическими формами глагола, в настоящем времени всегда оформляются предикативными аффиксами.

¹³³ А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 125; его же. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., изд. «Наука», 1965, стр. 114.

Выражение сказуемого формой глагола будущего времени

Сказуемые, выраженные глаголами будущего времени, в основном обозначают действие, которое в момент речи еще не начато, но есть намерение совершить его в будущем.

Глаголы в будущем времени в функции сказуемого выступают также в нескольких формах:

а) Сказуемые, выраженные глаголами предположительного будущего времени с аффиксами **-ар (-ыр, -ур, -юр, -ер, -ир)**.

Сказуемые, выраженные глаголами будущего времени на **-ар**, имеют несколько значений. Во-первых, они обозначают, что действие еще не начато в момент речи. Такие сказуемые выражают действие с оттенком сомнения в его совершении в будущем. Данная форма будущего времени показывает, что время совершения действия откладывается на неопределенное будущее. Оно может совершиться и не совершиться. Например: 1. *Мен да болушурма.* — «Я тоже помогу» (*Хабиб*); 2. *Биз келтирибиз.* — «Мы принесем»; 3. *Ол хорлар.* — «Наверное, он победит»; 4. *Ала да келирле.* — «Возможно, приедут и они».

В приведенных предложениях сказуемые выражены глаголами на **-ар**, стоящими в формах первого и третьего лица единственного и множественного числа.

В тех случаях, когда такие глаголы выступают в роли сказуемого в форме второго лица, они передают совет-приказ, предостережение, опасение, угрозу:

1. *Сора председателъге айтырса.* — «Потом скажешь председателю» (*К. Ж.*); 2. *Мен сени къалай этсем да кёрюрсе.* — «Посмотришь, как я тебя накажу»; 3. *Сакъ бол, жыгъылырса.* — «Будь осторожен, упадешь»; 4. *Дерсден сора бизге келирсиз.* — «После уроков придете к нам».

Характерной особенностью прошедшего времени на **-ар** является то, что оно не сочетается с модальными глаголами *ушайды, кёреме, болур* и т. д. Это объясняется тем, что само предположительное будущее время имеет такие оттенки модальности, как сомнения, предположение. Перечисленные оттенки модальности особенно чётко проявляются в тех случаях, когда в состав сказуемого входит форма на **-ар** от вспомогательного глагола *бол*. Например: 1. *Сагъат беш болгъан болур.* — «Наверное, уже пять часов»; 2. *Ол да бюгюн келлик болур.* — «Возможно, и он приедет сегодня».

Действие, еще не начатое в момент речи, может передаваться коренными глагольными основами, производными, односоставными и двусоставными глаголами будущего времени.

б) Сказуемое очень часто выражается глаголами будущего времени с аффиксами **-маз (-мез) < (-ма, -ме)**: 1. *Совет властны алалмазла, байрагъын малтаялмазла.* — «Советскую власть не сумеют они победить, не сумеют они её знамя растоптать» (К. М.); 2. *Энди ала бизни къолубуздан ычхынмазла.* — «Теперь они из наших рук не вырвутся» (О. Э.).

Как видно из примеров, сказуемые, выраженные глаголами будущего времени на **-маз (-мез)**, отличаются от сказуемых, выраженных глаголами того же времени с аффиксами на **-ар (ыр, -ир, -ур, -юр, -ер)**, только тем, что первые обозначают действие, противоположное семантике глаголов, выступающих в роли сказуемых. Известно, что форма на **-маз (-мез)** является отрицательной формой будущего времени. Несмотря на это, в зависимости от контекста и взаимосвязи с другими членами предложения она может выражать и утверждение: *Ха-ха-ха, Апанас шуёхум аз бек къууанмаз!* «Ха-ха-ха, как порадуется мой друг Апанас!» (А. Х.).

Глаголы на **-ар** и **-маз** функционируют в роли сказуемого как в форме возможности — невозможности, так и в форме вопроса: 1. *Шуёхубуз врачха кёрюналырмы?* — «Наш друг сумеет ли показаться врачу?»; 2. *Ёгюзле бу жюкню тарталмазламы?* — «Волы не потянут ли этот груз?».

в) В качестве специализированных средств выражения сказуемого выступает и форма будущего категорического времени глагола, образованная по схеме: основа + **-лыкъ (-лик, -рыкъ, рик, -рукъ, -рюкъ, -нюкъ)** + полные аффиксы. Сказуемое, выраженное данной формой, обозначает действие, которое в момент речи еще не начато, но осуществление его не вызывает у говорящего никакого сомнения. Специфической особенностью данной формы является то, что, обозначая обязательное будущее действие, она не употребляется в значении других временных форм. Невозможно заменить её и другими временными формами.

Форма на **-лыкъ**, как и форма на **-ар**, сама по себе не может указывать на то, в какое время должно совершаться действие. Например: 1. *Андан къачан келликсе?* — «Оттуда когда вернешься?»; 2. *Манга бир жыйырма къой, эки ийнек*

жетерикди. — «Мне достанется около двадцати овец и две коровы» (А. Х.).

Это обстоятельство, по мысли профессора У. Б. Алиева, объясняется тем, что в сказуемых данных предложений значение будущего времени выражено грамматически. По этой причине трудно о нём судить конкретно, потому что понятие «будущее время» растяжимо. А если мы в данных предложениях используем, например, слово *тамбла* — «завтра», то понятие будущего времени будет ограничено пределами завтрашнего дня. Ср., например: *Андан къачан келликсе?* «Оттуда когда вернешься?»; *Андан тамбла келликсе.* — «Оттуда вернешься завтра».

В отличие от формы на **-ар**, форма на **-лыкъ** легко сочетается с модальными глаголами: 1. *Ала сизге да барлыкъ кёреме.* — «Оказывается, они пойдут и к вам»; 2. *Алагъа сиз да баргъан ушайсыз да.* — «Ведь, кажется, и вы были у них».

Одной из особенностей формы на **-лыкъ** является то, что ее отрицательный вариант, как и отрицательная форма именных сказуемых, образуется с помощью предикативно-отрицательной частицы *туйюл* (карачаевский вариант *тюл*). Например: 1. *Окъурукъ туйюлме.* — «Не буду читать»; 2. *Келлик туйюлсе.* — «Не придешь»; 3. *Берлик туйюлсе.* «Не дашь» и т. д. Ср.: *Бу алма терек туйюлдю.* — «Это яблоня. Но: *Бу алма терек туйюлдю.* — «Это не яблоня».

Глаголы на **-ар** и на **лыкъ** в сочетании с *эди* очень часто выступают в функции сказуемого.

г) Первая форма (*къарар эди*) образуется от основы будущего предположительного времени на **-ар + эди** в спрягаемой форме. Проф. У. Б. Алиев эту форму называет формой будущего времени в прошлом¹³⁴. А И. Х. Урусбиев именует ее формой прошедшего регулярного времени. На наш взгляд, это объясняется тем, что данная форма может обозначать как будущее, так и прошедшее несовершенное время. Например, в предложении *Кюн жылтыса, къар эрир эди.* — «Если бы солнце грело, снег растаял бы», «эта форма выражает не факт, реально случившийся в прошлом, а предположение о факте, который мог бы совершиться, но фактически, очевидно, так и

---

¹³⁴ У. Б. Алиев. Наклонение и время глагола карагачо-балкарского языка. В сб. «Родной язык и литература в кабардинской и балкарской школе». Нальчик, 1967.

не произошел»¹³⁵, потому что, наверное, «солнце не грело». Этот случай характерен для сложного предложения.

Обратимся к другому примеру: *Келир эди да, сейирлик жомакъла айтыб олтурур эди*. Здесь формой на *-ар* в сочетании с вспомогательным глаголом *эди* передается повествование о прошедших событиях¹³⁶. В данном случае форма на *-ар+эди* указывает на регулярное прошедшее время.

д) Форма на *лыкъ + эди*. Она выражает обязательное действие с оттенком желания, которое при определенных условиях могло бы произойти в любое время или в то время, на которое указывается наличествующими в предложении второстепенными членами. Ср.: 1. *Биз бюгюн барлыкъ эдик.* — «Мы сегодня пошли бы»; 2. *Сиз тюнене барлыкъ эдигиз.* — «Вы вчера пошли бы»; 3. *Ол'а былтыр окъуна барлыкъ эди.* — «А он пошел бы еще в прошлом году» и т. д. Это говорит о том, что действие, выраженное данной формой, «не связано с определенным временем и является по сути дела ирреальным (неосуществимым), причинно-обусловленным. Наличие условия или причины (обуславливающих возможную реализацию действия) в прошлом предрешили реализацию действия, ибо условие или причина не были предварительно устранены; в будущем действие снова сопряжено с условием или причиной, но неизвестно, какой будет исход действия»¹³⁷.

Выражение сказуемого формой глагола прошедшего времени

Прошедшее время в современном карачаево-балкарском языке имеет несколько форм, которые обозначают совершившееся действие.

а) Сказуемые, выраженные прошедшим категорическим временем на *-ды*.

Такие сказуемые в основном обозначают действие, только что завершённое подлежащим. Например: 1. *Хау, бер-*

¹³⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, стр. 151.

¹³⁶ См. о подобном явлении в казахском языке: Современный казахский язык. Алма-Ата, изд. АН Каз. ССР, 1962, стр. 339.

¹³⁷ И. Х. Урусбиев. Указ. работа, стр. 168.

дим. — «Да, отда»; 2. *Кёрдюк.* — «Увидели»; 3. *Кел-динг.* — «(Ты) пришел»; 4. *Кетдигиз.* — «(Вы) ушли»; 5. *Алды.* — «(Он) взял»; 6. *Окзудула.* — «(Они) прочли».

Как видно из примеров, данная форма выражает достоверное действие, являющееся несомненным фактом для говорящего. Значение недавности совершения действия в данных предложениях обуславливается свойством самого аффикса *-ды*. Оно может быть обусловлено и введенными в высказывание второстепенными членами предложения, которые выражены словами *бусагъатда* — «сейчас», *энтда да* — «еще», *буюн* — «сегодня» и т. д.

Однако в карачаево-балкарском языке в предложениях со сказуемым, выраженным формой на *-ды*, могут встречаться и такие второстепенные члены, как *бурунгу жыл* — «в позапрошлом году», *былтыр* — «в прошлом году», *тюнене* — «вчера» и т. д. Например: 1. *Мен андан былтыр кетдим* — «Я оттуда ушел в прошлом году» (К. Ж.); 2. *Сора, ол ишни ол заманда окзуна кзойдугъуз.* — «Значит, вы эту работу оставили еще тогда» (М. Ж.).

В этих предложениях сказуемые выступают во взаимодействии с второстепенными членами *былтыр* — «в прошлом году», *ол заманда окзуна* — «еще тогда», семантика которых выражает давно прошедший период времени. На второстепенные члены предложения падает логическое ударение. В результате действие, выражаемое сказуемыми, по значению относится к далекому прошлому.

На давность — недавность действия, выражаемого формой а *-ды*, оказывает влияние и семантика подлежащего. Так, например, действие, обозначаемое данной формой, в предложении *Мен кёрдюм.* — «Я увидел», понимается нами как действие, совершенное совсем недавно. Однако по отношению к действию, выраженному этой же формой в предложении *Кёб заман озду.* — «Прошло много времени», этого говорить нельзя. Итак, если подлежащее выражено словами с семантикой неопределенного или длительного периода времени, то сказуемое, выраженное прошедшим категорическим временем на *-ды*, зависящее от этого подлежащего, обозначает действие, которое совершилось уже давно.

Совершенно прав А. Джапаров, когда, касаясь подобных явлений киргизского языка, утверждает: «Влияние второстепенных членов предложения на значение сказуемого настолько многообразно, что оно, пожалуй, может являться объектом

самостоятельного исследования»¹³⁸. В карачаево-балкарском языке сказуемые, выраженные формой прошедшего категорического времени, в зависимости от контекста и взаимосвязи с другими членами предложения, а также в зависимости от формы выражения сказуемости могут показывать разнообразные оттенки во времени и характере протекания действия. Ими обозначается не только результативное действие, но и длительное; многократное действие, которое в русском языке выражается глаголами несовершенного вида.

Небезынтересно отметить, что форма прошедшего категорического времени на **-ды** может употребляться и в значении будущего времени. Например, когда человека очень торопят: *Чаб, машина кетеди!* — «Беги, машина уходит», он вместо того, чтобы сказать: *Барама.* — «Иду»; *Бусагъат жетейим.* — *Бусагъат жетерме* — «Сейчас приду», отвечает: *Бусагъат жетдим* — букв.: «Сейчас пришел». А вот другой пример, в котором более четко проявляется употребление данной формы в значении будущего времени: *Ол алай этсе, бардым да иесине айтдым да къойдум.* — «Если он поступит так, то я пойду и скажу его владельцу».

б) Сказуемые, выраженные глаголами прошедше-настоящего результативного времени.

Это время представлено в карачаево-балкарском языке формой: спрягаемая основа **+ыб (-иб, -уб, -юб, -б)** + полные аффиксы лица. Оно хотя и относится к специализированным средствам выражения сказуемых, все же встречается редко. Причина заключается в том, что указанная форма образуется от ограниченного количества глаголов и обозначает действие, которое совершилось и сохраняет достигнутый уровень, т. е. переход динамического действия в статику. Например: 1. *Ала институтха келибдиле.* — Букв.: «Они в институт приходившими находятся»; 2. *Сиз'а андан кетибсиз* — «А вы оттуда ушли» (уходившими находитесь); 3. *Ол жукълабды* — «Он спит» (находится в состоянии сна); 4. *Мен аурубма* — «Я болею» и т. д.

Как видно из примеров, сказуемые, выраженные глаголами действия, более четко передают значение прошедшего времени, а сказуемые, выраженные глаголами состояния, — значение настоящего времени.

¹³⁸ А. Джaparов. Указ. работа, стр. 173.

В современном карачаево-балкарском языке такие сказуемые в формах отрицания (*бармабды*), возможности — невозможности (*баралыбды*, *баралмабды*) не употребляются. Они встречаются только в положительной и вопросительной форме, образованной при помощи частицы *-мы* (*-му*, *-ми*, *-мю*): 1. *Ол кетибмиди?* — «Он ушел ли?»; 2. *Кетибдимиди?* — «Говоришь, что ушел?».

в) Сказуемые, выраженные глаголами прошедшего неопределенного времени на *-гъан*.

Сказуемые, выраженные этой временной формой, обозначают действия, которые уже завершены, но период их завершения неизвестен. Поэтому они могут быть отнесены как к недавнему моменту времени, так и к давнопрошедшему времени. В том и другом случае в семантике формы на *-гъан* на первый план выдвигается неопределенность протекания во времени прошлого действия. Примеры: 1. *Бетим да аны ючюн тюрленгенди.* — «И лицо моё изменилось поэтому». (*МКЪНТ*); 2. *Къандан толгъан кирпичлерин ачханды.* — «Поднял свои окровавленные веки» (*ЭКЪМДж*); 3. *Арбазгъа бу зыкгылла басыннгандыла.* — «Эти оборванцы наполнили двор» (*А. Х.*); 4. *Бу насыб сизге Коммунист партияны хайырындан келгенди.* — «Это счастье к вам пришло благодаря Коммунистической партии» (*О. Э.*).

Однако, если в предложении наличествуют второстепенные члены, которые указывают на конкретное время, то сказуемое получает определенное временное значение. Например: 1. *Ол иши тюнене болгъанды.* — «Это случилось вчера» (*С. Хоч.*); 2. *Тюкен бусагъатда жабылгъанды.* — «Магазин закрылся сейчас».

Все второстепенные члены, указывающие на время и зависящие от сказуемого, придают действию, обозначенному формой на *-гъан*, такие же оттенки значений, как сказуемым, выраженным другими временными формами.

Форма прошедшего неопределенного времени на *-гъан* выступает в роли сказуемого как в отрицательной и вопросительной формах, так и в формах возможности — невозможности. В современном карачаево-балкарском языке отрицательная форма прошедшего неопределенного времени образуется только с помощью аффикса *-ма* (*-ме*).

В некоторых языках тюркской системы, например в кир-

гизском¹³⁹, казахском¹⁴⁰, ойротском¹⁴¹, сказуемое может выражаться формой на *-гъан* без аффиксов сказуемости. А в карачаево-балкарском литературном языке наличие таких аффиксов почти всегда обязательно. Примеры: 1. *Кюн батханды*.— «Солнце село»; 2. *Поезд келгенди*.— «Поезд прибыл»; 3. *Магомет диплом алгъанды*.— «Магомет получил диплом».

Отрицательная и вопросительная формы, формы возможности — невозможности прошедшего неопределенного времени на *-гъан* в качестве сказуемого выступают только с аффиксом предикативности. Например: 1. *Андан кючлю кёрмегенме*. — «Я сильнее его не видел»; 2. *Жырлагъанма къланы тау туманда*.— «Пел я в густом горном тумане» (К. К.); 3. *Сен ол айтханнга эс бургъанмыса?* — «Ты обращал внимание на то, что он говорил?» (О. Э.); 4. *Эталмагъанмамы?* — «Говоришь, что не смог сделать?».

г) Сказуемые, выраженные глаголами давнопрошедшего времени на *-гъан + эди*.

Сказуемые, выраженные этой временной формой, обозначают такое объективное действие, совершившееся уже давно в ряду других действий, которые имели место до или после действия, передаваемого давнопрошедшим временем глагола¹⁴². Прошлые действия могут быть упомянуты говорящим, могут быть воссозданы им мысленно или же вытекают из контекста и в каждом случае служат фоном для развертывания действия давнопрошедшего времени.

Данные сказуемые, как и сказуемые, выраженные формой прошедшего неопределенного времени, обозначают действие, время протекания которого неизвестно, они используются для описания событий относительно далекого прошлого. Например: 1. *Колхозну терек бачхасына кетген эдим*. — «Я (тогда) ушел в колхозный сад»; 2. *Ёксюз болуб ёсген эдинг, Гапалау, кёб кыйынлыкъ кёрген эдинг, Гапалау*.— «Сиротой ты рос, Гапалау, много трудностей испытал ты, Гапалау» (из песни); 3. *Ахмат атасыны ызындан чыкъгъан эди*. — «Ахмат вышел (когда-то) вслед за своим отцом» (С. Хоч.).

¹³⁹ А. Джапаров. Указ. работа, стр. 180.

¹⁴⁰ У. С. Тулегенов. Указ. работа, стр. 6.

¹⁴¹ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротск. языка. М.-Л., 1940, стр. 174.

¹⁴² В караимском языке форма *-гъан+эди* предполагает наличие другого действия, которое совершается обычно вслед за действием формы на *-гъан+эди*. Поэтому данное время называется прошедшим предшествующим. (См.: К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка, стр. 276—277).

Отрицательная и вопросительная формы, формы возможности — невозможности давнопрошедшего времени функционируют в роли сказуемого в единственном и множественном числе всех трех лиц: 1. *Ол сени жеталгъанмы эди?* «Он сумел догнать тебя (тогда)?»; 2. *Ала сени жетгенми эдиле?* — «Они тебя догнали (тогда)?» и др.

Как и в других предложениях, в высказываниях со сказуемыми, выраженными давнопрошедшим временем глаголов, могут наличествовать обстоятельства времени, которые выступают лексическим выразителем грамматического значения давнопрошедшего времени глагола. Например, в предложениях: 1. *Мен тюнене окзугъан эдим.* — «Я прочитал вчера»; 2. *Мен'а бусагъатда окзугъан эдим.* — «А я прочитал сейчас» — здесь грамматическое значение давнопрошедшего времени глагола *окзугъан эдим* выражено лексически словами *тюнене* — «вчера» и *бусагъатда* — «сейчас».

д) Сказуемые, выраженные глаголами прошедшего незаконченного времени на *-а (-е, -й) + эди*.

Такие сказуемые обозначают объективное действие прошедшего времени, которое характеризуется незавершенностью, незаконченностью и сообщением о котором делается говорящим. 1. *Кече уа юйлеге айлана эдиле.* — «А ночью ходили по домам» (С. Хоч.); 2. *Арт кюнледе ол дорбундан жаландан он атламдагъы шауданнга дабармай эди.* — «В последние дни он не ходил даже к роднику, который находился в десяти шагах от пещеры» (О. Э.).

В зависимости от того, какова семантика обстоятельств времени, наличествующих в предложении, сказуемое, выраженное данной временной формой, приобретает разные оттенки значения длительности:

1) Выражает действие, которое многократно совершалось в прошлом: *Тюбегейим сайын айта эдим.* — «Говорил каждый раз, когда встречал».

2) Выражает действие, которое совершалось в прошлом в определенный отрезок времени: *Кючю тауусулгъунчу барра эди.* — «Пока не обессилел, шел» и т. д.

е) Сказуемые, выраженные глаголами прошедшего результативного времени на *-ыб + эди*.

Сказуемые, выраженные глаголами типа *барыб эди*, во многом сходны со сказуемыми, выраженными формой *барыбды*. Это сходство проявляется, во-первых, в том, что обе эти

формы употребляются очень редко. Во-вторых, показателем различных абстрактно-грамматических значений в первой из них всегда является полный личнопредикативный аффикс, а во второй — недостаточный глагол Э в форме прошедшего времени, к которому присоединяются соответствующие аффиксы лица. Однако между этими сказуемыми не следует ставить знак равенства. Если сказуемые, выраженные формой на **-ыб** + аффиксы лица, обозначают переход динамического прошлого действия в статический признак, который выносится в плоскость настоящего времени, то сказуемые, выраженные глаголами прошедшего результативного времени на **-ыб** + **эди**, обозначают точно такой же переход динамического прошлого действия в статический признак, который выносится не в плоскость настоящего, а в плоскость прошедшего времени. Например: 1. *Ол кезиуде сен ауруб эдинг.* — «В то время ты находился в больном состоянии»; 2. *Мен'а ишге кетиб эдим.* — «А я находился на работе».

Действие, обозначаемое такими сказуемыми, всегда связано с каким-то прошлым событием или временем, на фоне которых оно протекало.

д) Сказуемые, выраженные глаголами прошедшего многократного времени на **-ычу (-ичю)** + **эди**.

Временная форма, образованная от спрягаемой основы **-ычу (-ичю)** + **эди** в спрягаемой форме, в карачаево-балкарском языке в качестве средства выражения сказуемых выступает довольно часто¹⁴³. Она выражает в основном давнопрошедшее многократное или длительное действие, совершенное подлежащим в неопределенном прошлом. Например: 1. *Былыр жауун быйылдан эсе терк-терк жаууучу эди.* — «В прошлом году дожди шли чаще, чем в этом году» (К. Ж.); 2. *Мен эртден сайын ишге бара газетле алычу эдим.* — «Я каждый день утром, идя на работу, покупал газеты».

Таковыми сказуемыми могут быть и сложносоставные глаголы, которые как и односоставные, или простые, могут иметь не только утвердительную, но и отрицательную, вопросительную форму и формы возможности — невозможности: 1. *Сиз ол заманда арабча окъуялычуму эдигиз?* — «Вы в то время могли читать по-арабски?» 2. *Хоу, окъургъа кюрешиучу эдим.* — «Да, старался читать»; 3. *Алай бла аны эси*

¹⁴³ В языке карачаевцев наряду с данной формой употребляется и другая форма **-ычан (-ичен)** + **эди**.

аууучу эди. — «Таким образом, он терял сознание» (А. А.) и т. д.

Итак, глаголы изъявительного наклонения характеризуются многообразием временных форм. Почти все сказуемые, выраженные этими формами, выступают в простом предложении как в утвердительной, отрицательной, вопросительной формах, так и в формах возможности — невозможности и имеют самые различные временные оттенки.

Сказуемое, выраженное глаголом в форме повелительного наклонения

Такие сказуемые являются наиболее простыми и употребительными глагольными сказуемыми.

В языках тюркской группы, в том числе и в карачаево-балкарском языке, «повелительное наклонение охватывает почти все семантические нюансы и оттенки между приказанием и просьбой (повеление, побуждение, призыв, настаивание, наставление, обращение и др.)»¹⁴⁴. Поэтому сказуемые, выраженные глаголами этого наклонения, обозначая в основном действие, отражающее волю говорящего, направленную на побуждение субъекта к действию, имеют ряд других оттенков. Эти оттенки обуславливаются интонацией, наличием особых частиц, обращений и т. д.

Примеры: 1. *Ана махтагъанны алма, эл махтагъандан къалма.* — «Не женись на девушке, которую хвалит мать, женись на той, которую хвалит народ» (посл.); 2. *Сен аланы сабийлери бла ойнай турма.* — «Ты не имей привычку играть с их детьми» (А. Х.); 3. *Кеси жашды, анасы къартды, алагъа иги къарай тур.* — «Сам он молод, мать его стара, ты им (всегда) помогай» (А. Х.); 4. *Барыгъа суйген кеси барсын.* — «Кто хочет идти, пусть идет сам» (А. Х.); 5. *Мынга тиймесинле.* — «Пусть это не тронут».

Здесь сказуемые, выраженные утвердительной и отрицательной формой повелительного наклонения глаголов второго и третьего лица единственного и множественного числа, обозначают неначатое действие, отнесенное к будущему, с оттенком повеления, приказания.

---

¹⁴⁴ М. Ш. Рагимов. История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке (А. докт. дисс.). Баку, изд-во АН Азербайджанской ССР, 1966, стр. 24.

Как видим, в таких предложениях подлежащее, обозначающее второе лицо ед. числа, может наличествовать или опускаться. Причем опущение такого подлежащего является нормой. Объясняется это тем, что в карачаево-балкарском языке грамматическое значение сказуемого, выраженного повелительной основой глагола, которая не оформляется личными окончаниями, является строго определенным. Такие сказуемые всегда выражают повеление, обращенное ко второму лицу.

Сказуемые в повелительном наклонении могут оформляться аффиксами **-чы (-чи, чу, -чую)**; в данном случае они употребляются в основном для повеления младшему по возрасту: 1. *Барчы, суу келтир.* — «Иди-ка, принеси воды»; 2. *Атангы чакъырчы.* — «Позови-ка своего отца».

Такие сказуемые могут оформляться и так: *кет + се + нг'а*, где *кет* — «уходи» — глагол в повелительной основе, *се* — аффикс наклонения, **-нг** — аффикс второго лица, за которым следует частица **а (уа)**. И в этом случае сказуемое в повелительном наклонении употребляется в том же значении, но с оттенком просьбы: 1. *Анга да айтсанг'а.* «Сказал бы и ему» (*С. Хоч.*); 2. *Бизге болушсагъыз'а.* — «Помогли бы нам»; 3. *Андан башха тюрлю айтсангъ'а.* — «Сказал бы иначе» (*МКЪНТ*).

В рассмотренных выше предложениях сказуемые выражены собственно повелительной разновидностью глаголов повелительного наклонения. Поэтому действие, обозначаемое ими, касается непосредственно второго или третьего лица. В карачаево-балкарском языке имеется и понудительная разновидность повелительного наклонения, действие которого не касается непосредственно лица, которое слушает повеление, а другого, которому это второе лицо должно передать (или заставить исполнить) данное повеление говорящего или само или через второе, третье лицо.

Сказуемые, выраженные глаголом данной, понудительной, разновидности повелительного наклонения, оформляются аффиксами принуждения **-т, -дыр (-дир, -дур, -дюр)**: 1. *Егюзлеринги солут* — «Дай отдохнуть своим волам»; 2. *Биреуден айтдыр не да къагъыт жаздыр.* — «Передай через кого-нибудь или заставь (попроси) кого-нибудь написать письмо»; 3. *Ол да хапар билдирсин.* — «Пусть и он через кого-нибудь сообщит вести».

Действие такого сказуемого может коснуться третьего человека. Это имеет место при наращении аффиксов принужде-

ния: *Муса кѳагъыт жаздыртдырсын.* — «Пусть Муса попросит (или заставит) кого-то, чтобы тот кого-то попросил (или заставил) написать письмо».

Сказуемое, выраженное формой глагола желательного наклонения

Глагольные сказуемые часто употребляются в формах желательного наклонения и выражают действие или состояние со значением желания, пожелания, просьбы и т. д. Такие сказуемые, употребляясь только в форме будущего времени в первом, втором и третьем лицах единственного и множественного числа, обозначают действие будущего времени.

Сказуемые в желательном наклонении выступают в трех формах:

1) Желательное наклонение первого лица, образованное от основы глагола (с отрицанием или без него) при помощи аффикса наклонения *-ай (-ей, -й)* и личного окончания *-ым (-им)* в единственном и *-ыкѳ (-ик)* во множественном числе: 1. *Угъай, атланайым, барайым.* — «Нет, подготовлюсь-ка, пойду-ка» (МПА); 2. *Келигиз, аланла, бирге жырлайыкѳ.* — «Давайте, вместе споем» (из песни); 3. *Ары бармайым.* — «Не пойду-ка я туда».

Как видим, сказуемые, выраженные данной формой, обозначают действие, осуществление которого желается или не желается говорящим.

Желательное наклонение первого лица в функции сказуемого выступает также с вопросительным аффиксом или же в отрицательной форме. Например: 1. *Кетейимми?* — «Ухожу-ка, а?» ; 2. *Жыйрлайыкѳмы?* — «Споемте-ка, а?» ; 3. *Жазмайыкѳ.* — «Давай, не будем писать». Форма же возможности — невозможности не употребительна.

2) Желательное наклонение второго лица также образуется от глагольной основы (с отрицанием и без него) при помощи аффиксов *-гъын (-гин, -гъун, -гюн), -хын (хун)* и выражает действие будущего времени со значением пожелания добра или зла: 1. *Берир болсанг, тыя, келгин аллыма, сындыртхын ауур санларын, бюркдюре чыгъартын ёбге кѳанларын.* — «Если дашь, чтобы навстречу мне ты его гнал, чтоб помог мне сломать его тяжелые члены, чтоб помог мне сделать так, чтобы ручьем била его кровь из легких» (ЭКѳМДЖ); 2. *Ай баргъан жерингден сау кѳайытхын.* «Да чтоб ты оттуда, куда едешь, вернулся здоровым»; 3. *Ёмю-*

рюнде кыйылыкъ **кёрмегин**. — «Да чтоб за всю свою жизнь ты не испытал горя».

Как видно из первого примера, эта форма может употребляться и с оттенком понудительности.

Параллельно с формой на **-гъын (-гъун, -гин, -гюн)** в современном карачаево-балкарском языке с тем же значением пожелания зла или добра может употребляться и форма повелительного наклонения третьего лица на **-сын (син)**:

1. *Атанг аскерден сау келсин*. — «Да чтоб твой отец из армии живым вернулся»; 2. *Къара чепгенинги тьюмеси сайын окъ тийсин*. — «Чтоб тебя поразило столько пуль, сколько пуговиц на твоей черной черкеске» (МПА); 3. *Тытырынг къурусун*. — «Да чтоб твой очаг исчез».

Глаголы на **-гъын** в роли сказуемого могут выступать и в отрицательной форме: *Умутунга жетмегин* — «Да чтоб не сбылась твоя мечта».

Встречаются и такие предложения, сказуемые которых выражаются данной формой глагола с вопросительным аффиксом. Такие предложения характерны только для диалогической речи. Это объясняется тем, что форма вопроса с глаголами на **-гъын** употребляется не для выражения прямого вопроса, требующего разрешения на совершение или несовершение действия, а для выражения вопроса, требующего повторения того, что недопонято или вызывает сомнение: 1. *Жарыкъ кёрмегинми?* — «Говоришь, чтоб я не видел света?»; 2. *Жаннетге бармагъынмы?* — «Говоришь, чтоб я не понал в рай?»

3) В карачаево-балкарском языке сказуемые выражаются также формой желательного наклонения, образованного по схеме: основа глагола (с отрицанием или без него) + аффикс **-гъай (-гей)** *эди* в спрягаемой форме: *баргъай эдим, бармагъай эдим, баргъай эдик* и т. д.

Такие сказуемые называют действие, совершение которого сильно желается говорящим. В этом случае действие в зависимости от цели высказывания, контекста, ситуации и т. д. может выражать:

а) будущее время: 1. *Ол кызыб, башын да, элни да бир палахха кзоймагъа эди*. — «Как бы он вгорячах не вверх в какую-нибудь неприятность себя и народ» (Х. А.); 2. *Жаным чыкъгъа эди да, бусагъатда аны къалайди болгъанын билгей эдим*. — «Да хотя бы лишиться мне души, лишь бы узнать, где в настоящее время находится он» (А. Х.).

б) Сказуемое, выраженное формой **-гъай (-гей) + эди**, может обозначать действие, совершение которого сильно желается говорящим к моменту речи: 1. *Бусагъатда бир жауун жаугъа эди*. — «Пошел бы сейчас дождь»; 2. *Бусагъатди не да кюн къая артына батха эди*. — «Или сейчас скрылось бы солнце за скалою».

в) Данная форма может выражать и такое действие, совершение которого в плане желания обращено в прошлое: 1. *Ай, мен ол къыйын заманда туугъа эдим*. — «Эх, родился бы я в те тяжелые времена»; 2. *Ол иш былтыр болгъан болгъа эди*. — «Совершилось бы это в прошлом году».

Разумеется, как и в других случаях, здесь значение времени устанавливается благодаря контексту или другим дополнительным средствам.

В азербайджанском языке рассматриваемая форма, при употреблении без дополнительных уточняющих средств, выражает сильное желание, в одинаковой степени относящееся ко всем трем грамматическим временам¹⁴⁵. А в современном карачаево-балкарском языке она в данном случае выражает, в основном, действие, относящееся к будущему времени.

Это говорит о том, что наличие показателя давнопрошедшего времени в составе формы на **-гъай (-гей) эди** не делает последнюю формой давнопрошедшего времени.

В некоторых языках тюркской системы для выражения желания говорящего параллельно с **-гъай (-гей) эди** употребляется и форма **-гъай (-гей)** + личные аффиксы глаголов¹⁴⁶, отсутствующая в карачаево-балкарском языке. С семантикой желания, наряду с вышеуказанными формами, в карачаево-балкарском языке употребляются и неспециальные формы в сочетании с **эди**. К ним можно отнести модальную конструкцию на **-са (-се) + эди**. Сказуемые, выраженные этой формой, не имеют конкретного временного значения: *Космосха бир учсам эди*. — «Полететь бы мне в космос». Но ср.: 1. *Былтыр космосха бир учсам эди*. — «Полетел бы я в прошлом году в космос»; 2. *Келир жыл космосха бир учсам эди*. — «Полететь бы мне в будущем году в космос»; 3. *Бусагъатда космосха бир учсам эди*. — «Полететь бы мне сейчас в космос».

¹⁴⁵ См.: М. Ш. Рагимов. Указ. работа, стр. 63.

¹⁴⁶ Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, стр. 349—350. См. также: К. М. Мусаев. Указ. работа, стр. 286—289.

Для выражения желания говорящего может быть употреблена и модальная конструкция на **-ар (-ыр, -ур, -ир, -юр) + эди**, которая обычно встречается в третьем лице единственного числа: 1. *Игисагъан, бусагъатда аны бир кёрюр эди.* — «Увидеть бы сейчас его» (О. Э.); 2. *Аны аллына бир чыгъыб къалыр эди* — «Выйти бы вдруг ему навстречу» (К. Ж).

Как видно из примеров, в состав сказуемых, выраженных формами на **-са + эди, -ар + эди**, обычно входит частица *бир*. Если эта форма употребляется с аффиксами первого или второго лица множественности или с аффиксом вопроса, то она теряет желательное значение: 1. *Мен кёрюр эдим.* «Я увидел бы»; 2. *Сиз келир эдигиз.* — «Вы пришли бы»; 3. *Сен берирми эдинг?* — «Ты отдал бы?»; 4. *Олайтырмы эди?* — «Он сказал бы?» и т. д.

Сказуемые, выраженные словами *бар* и *жокъ*

Слова *бар* и *жокъ* в функции сказуемого выступают во всех языках тюркской системы. Сказуемые, выраженные ими, рассматриваются исследователями как именные сказуемые. Это объясняется тем, что слова *бар* и *жокъ* могут субстантивироваться.

Однако необходимо отметить, что сказуемые, выраженные словами *бар* и *жокъ*, в карачаево-балкарском языке имеют ряд особенностей. В казахском, киргизском языках указанные слова выступают в качестве сказуемого во всех трех лицах. При этом сказуемые, при подлежащих в первом и втором лицах принимают личные аффиксы. А в тех случаях, когда подлежащее предложения выражено словом в третьем лице, такие сказуемые не принимают никаких показателей предикативности¹⁴⁷.

В карачаево-балкарском языке указанные слова, хотя и редко, но могут выступать в качестве сказуемого без предикативных аффиксов не только в предложениях с подлежащими, являющимися словами третьего лица, но и в предложениях, подлежащие которых выражены словами первого или второго лица: 1. *Аны къарындашы да бар, сен да бар, мен да бар, кесибиз барайыкъ.* — «Его брат здесь, ты здесь, я здесь, пойдем сами»; 2. *Мен жокъ, сен жокъ, ким барлыкъ эди?* — «Меня не было, тебя не было, кто бы сходил?»

¹⁴⁷ М. Б. Балакаев. Указ. работа, стр. 148.

Приведенные предложения являются сложными. Сказуемые некоторых простых предложений, входящих в их состав, выражены словами *бар*, *жокъ* и независимо от выражения подлежащего, не имеют показателей сказуемости.

Факты показывают, что в тех случаях, когда предложение является простым и его сказуемое, выраженное словами *бар* и *жокъ*, не оформлено показателями сказуемости, подлежащее при нем всегда является словом третьего лица. Такие предложения характерны в основном для устной речи, фольклора, поговорок и пословиц: 1. *Чибини барны балы да бар.* — «У того, кто имеет пчел, имеется и мёд» (*посл.*); 2. *Агъы бар юйде берекет да бар.* «В том доме, где имеются молочные продукты, имеется изобилие» (*посл.*); 3. *Тюз сёзге даулаш жокъ.* — «О правильно сказанном слове не спорят» (*посл.*).

В литературном языке слова *бар*, *жокъ* в функции сказуемого употребляются с предикативным аффиксом какого-либо лица единственного и множественного числа или без него и показывают:

а) Наличие или отсутствие какого-либо предмета или лица в момент речи: 1. *Мени быллай китабларым бардыла.* — «У меня такие книги имеются»; 2. *Бусагъатда бизни колхозну отуз трактору барды.* — «В настоящее время в нашем колхозе имеется тридцать тракторов» (*К. Ж.*); 3. *Огъай, аллай муратым жокъду.* — «Нет, у меня такого намерения нет» (*А. Х.*); 4. *Бизни арабызда анга угъай дерик адамла жокъдула.* — «Среди нас нет таких людей, которые бы возражали против этого»; 5. *Биз бу къагъытда жокъбуз.* — «Нас в этой бумаге (списке) нет».

б) Наличие или отсутствие какого-либо предмета или лица в прошлом (в случаях, когда слова *бар*, *жокъ* употребляются с вспомогательным глаголом *эди*): 1. *Аны уллу байлыгъы бар эди.* — «У него было большое богатство» (*К. Ж.*); 2. *Анда биз излегенле жокъдула.* — «Тех, кого мы ищем, там нет».

Профессор М. Б. Балакаев пишет, что в казахском языке «слово *жокъ* часто употребляется в конце сложносоставных сказуемых с причастием на *-гъан*», и приводит примеры: *Ол келген жокъ.* — «Он не пришел»; *Ол кёрген жокъ.* — «Он не видел» и т. д. В караево-балкарском языке слово *жок* не выполняет такой функции. Оно может входить в состав сложного сказуемого в предложениях типа: *Сен аны къайда болгъанын билмей амалынг жокъду.* — «Ты обязательно

должен знать, где он» (М. Ж.), где сказуемым является целый комплекс слов. В таких сказуемых предикативный аффикс принимает слово *жокъ*. В этом отношении оно сходно с вспомогательными словами, выступающими в составе сложных сказуемых.

Наконец, слова *бар* и *жокъ* в функции сказуемого выступают чаще, чем в качестве средств выражения других членов предложения. Поэтому они очень близко стоят к специализированным средствам выражения сказуемого.

Сказуемое, выраженное причастием

Тюркологи давно указывают на то, что причастия могут функционировать в роли сказуемых. Тем не менее случаи выражения сказуемых причастиями изучены весьма поверхностно. Остается нерешенным и вопрос о том, к какому типу сказуемых отнести причастные сказуемые. М. Б. Балакаев считает, что такие «сказуемые должны рассматриваться в составе глагольных сказуемых»¹⁴⁸. У. Б. Алиев склонен причастные сказуемые рассматривать в кругу именных¹⁴⁹.

Вторая точка зрения представляется более предпочтительной. Причастное сказуемое в карачаево-балкарском языке встречается довольно редко, поскольку причастия специализированы не для функционирования в роли сказуемого, а для выражения других членов предложения — определения и подлежащего. Причастное сказуемое отличается от глагольных сказуемых и по значению, и по оформлению.

В современном карачаево-балкарском языке сказуемые могут выражаться причастиями на *-гъан*, *-ар* и *лыкъ*. Такие причастные сказуемые внешне ничем не отличаются от сказуемых, выраженных глаголами изъявительного наклонения прошедшего и будущего времени. Это объясняется тем, что основы указанных глаголов по своему составу являются причастиями (на *-гъан*, *-ар*, *-лыкъ*). Однако сказуемые, выраженные указанными глаголами и причастиями, существенно разнятся друг от друга.

Например, слово *окъугъанма* в предложении *Мен бу китабны окъугъанма* может считаться и сказуемым, выраженным глаголом изъявительного наклонения прошедшего времени, и сказуемым, выраженным причастием на *-гъан*. В

¹⁴⁸ М. Б. Балакаев. Указ. работа, стр. 193.

¹⁴⁹ У. Б. Алиев. Указ. работа, стр. 40.

первом случае оно может быть переведено на русский язык следующим образом; «Я эту книгу прочитал», а во втором случае — «Я являюсь тем, кто эту книгу прочитал».

Эти омонимичные формы сказуемого дифференцируются У. Б. Алиевым по произношению. Например, если сказуемое нашего примера *окъугъанма* будет произноситься с логическим ударением, а аффикс прошедшего времени этого сказуемого **-гъан** будет произнесен со словесным ударением, то мы будем иметь дело со сказуемым, выраженным глаголом изъявительного наклонения прошедшего времени, если же под логическим ударением будет дополнение *китабны* — «книгу», а словесное ударение не будет выделять **-гъан** так четко, как в первом случае, то мы имеем дело уже с причастным сказуемым¹⁵⁰. Таким образом, одни и те же предложения в современном карачаево-балкарском языке могут восприниматься и как предложения со сказуемыми, выраженными глаголами изъявительного наклонения прошедшего времени, и как предложения с причастными сказуемыми. Необходимо иметь в виду и то, что сказуемые, выраженные глаголами прошедшего времени, обозначают действие прошедшего времени, а причастные сказуемые — действие настоящего времени. Ср.: 1. *Мен космосха учханма* — «Я полетел в космос»; 2. *Мен космосха учханма*. «Я тот, который полетел в космос».

Сказуемые, выраженные причастиями будущего времени на *-ар*, *-лыкъ*, оформляются точно так же, как и сказуемые, выраженные глаголами изъявительного наклонения будущего времени. Поэтому эти два вида сказуемых также трудно отличить друг от друга. Например, предложение *Мен къойла кютерикме* в зависимости от интонации будет означать — «Я буду пасти овец» или: «Я являюсь тем, кто будет пасти овец».

Предложения с причастными сказуемыми в единственном числе в современном карачаево-балкарском языке малоупотребительны. Но причастия множественного числа в роли сказуемого используются чаще причастий единственного числа. Они, как и причастия единственного числа, могут быть сказуемыми не только в именительном, но и в косвенных падежах: 1. *Биз жырлагъанладанбыз*. — «Мы из тех, кто пел» (К. Ж.); 2. *Ала сизге келликлегедиле*. — «Они идут к тем, которые придут к вам»; 3. *Сиз'а тамбла экзамен берликле-*

---

¹⁵⁰ У. Б. Алиев. Указ. работа, стр. 41.

денмисиз? — «А вы из тех, кто завтра будет сдавать экзамены?»

Сказуемые, выраженные причастиями множественного числа в косвенном падеже, в зависимости от формы числа подлежащего, могут иметь форму не только множественного, но и единственного числа прошедшего и будущего времени: 1. *Ол жырлаганладанды.* — «Он из тех, кто пел»; 2. *Сен тебсегенледенсе.* — «Ты из тех, кто танцевал».

Нередко встречаются сказуемые, состоящие из предикативных словосочетаний, последним словом которых является причастие: 1. *Сиз Москвадан келгенледенмисиз?* — «Вы из тех, кто приехал из Москвы?»; 2. *Хау, сена анда бизге тубегенледенмисе?* — «Да, а ты из тех, которые там встретились с нами?» и др.

Сказуемое, выраженное именем прилагательным

В функции сказуемого выступают как качественные, так и относительные прилагательные. Правда, сказуемые, выраженные относительными прилагательными, встречаются реже сказуемых, в роли которых употребляются качественные прилагательные.

Предикативный член предложения, выраженный прилагательным, обычно идет после подлежащего. Однако могут быть и случаи препозиции (в позиции): *Къарадыла эш-мелеринг.* — «Черны твои косы» (М. М.). Сказуемые, функцию которых выполняют прилагательные, как правило, принимают соответствующие предикативные аффиксы, причем при подлежащих, выраженных личными местоимениями первого, второго лица единственного и множественного числа *мен, биз, сен, сиз,* употребляются сказуемые с предикативными аффиксами первого, второго лица единственного и множественного числа. В случаях же выражения подлежащего словами со значением третьего лица сказуемое в зависимости от числа подлежащего оформляется аффиксами — *-ды, -дыла*: 1. *Мени чачым къарады.* — «Мои волосы чёрные»; 2. *Сени чачынг къарады.* — «Твои волосы чёрные»; 3. *Аны чачы къарады.* — «Его волосы чёрные»; 4. *Тракторларыбыз кючлюдөле.* — «Наша тракторы сильные»; 5. *Тракторларыгъыз кючлюдөле.* — «Ваши тракторы сильные»; 6. *Аланы тракторлары да кючлюдөле.* — «И их тракторы сильные».

Сказуемые последних трех предложений образованы при-

соединением к слову *кючлю* — «сильный» аффикса предикативности — *дю*, за которым следует аффикс множественности *ле*. Сказуемые могут быть выражены и субстантивированными прилагательными, например: 1. *Тракторларыбыз кючлюледиле*. — «Наши тракторы сильные»; 2. *Кавказ таула бийикледиле*. — «Кавказские горы высокие».

Субстантивированные прилагательные выступают в функции сказуемых и в сочетании с другими словами. В этих словосочетаниях они употребляются как в форме именительного, так и в форме косвенных падежей. Сказуемые, выраженные прилагательными, иногда функционируют и без аффиксов предикативности. Грамматическая функция таких сказуемых обуславливается их постпозитивным положением по отношению к подлежащему. Такое употребление сказуемого представлено только в фольклоре и поэтической речи.

Сказуемые, выраженные прилагательными, в основном обозначают настоящее время.

Будущее время сказуемых, выраженных прилагательными, образуется не путем присоединения к прилагательным личных аффиксов, а при помощи вспомогательного глагола *бол* — «будь». Например: 1. *Бир ыйыкџдан кырдык улуу боллукџду*. — «Через неделю трава подрастет»; 2. *Кюз жууукџлашады, терек чапракџла сары боллукџдула*. — «Осень приближается, листья деревьев пожелтеют». Ср.: 1. *Даулетни ѓмюрю узун болсун*. — Букв.: «Пусть жизнь Даулета будет длинной»; 2. *Аны ѓмюрю узун болџа эди*. — «Его жизнь была бы долгой».

Сказуемое будущего времени может выражаться также конструкциями типа *кџара болуб башларыкџды* — «начнет чернеть».

Значение же прошедшего времени такие сказуемые передают при помощи вспомогательного глагола *э*, к которому присоединяются личные аффиксы: 1. *Поэт ол кезинде окџуна битеу кџралда белгили эди*. — «Поэт еще тогда был известным во всей стране»; 2. *Ол сенден кџачан да алаша эди*. — «Он всегда был ниже тебя».

Таким образом, сказуемые, выраженные прилагательными, могут указывать на состояние предмета в настоящем, будущем и прошедшем времени. Они имеют как отрицательную, так и вопросительную форму. Отрицательная форма рассматриваемых сказуемых образуется при помощи слова *туйюлдю*, соответствующего слову *эмес* в киргизском, казахском и некоторых других тюркских языках: 1. *Бу орам тар туй-*

юлдю. — «Эта улица не узкая»; 2. *Огъай, бу эски тью-юлдю.* — «Нет, это не старый»; 3. *Ханссыз'а сизни сабанла да тьююлдюле.* — «И в ваших полях имеется сорная трава».

Сказуемыми иногда являются прилагательные, за которыми следуют модальные глаголы *кёреме, ушайды* и т. д. Например: 1. *Бу уа андан базыкъ кёре эдим.* — «Оказывается, это был толще его»; 2. *Бу да бек кенг ушайды.* — «Оказывается, и это очень широкая»; 3. *Анда сатылгъанла да къарала болурла.* — «Наверное, и те, что продаются там, также являются чёрными».

Сказуемое, выраженное местоимением

Простое именное сказуемое часто выражается различными местоимениями. В художественной литературе широко распространены именные сказуемые, выраженные личными, вопросительными, указательными местоимениями.

Сказуемые — личные местоимения могут иметь значения всех трех времен.

Их временные формы образуются так же, как настоящее, будущее и прошедшее время сказуемых, выраженных прилагательными.

Личные местоимения выступают в роли именного сказуемого в именительном и в косвенных падежах. 1. *Бу мене.* — «Это я»; 2. *Редакциядан келгенле сизмисиз?* — «Теми, кто приехал из редакции, являетесь вы?» (К. Ж.); 3. *Угъай, аны айтхан сенсе.* — «Нет, тем, кто сказал это, являешься ты» (С. Ш.); 4. *Мени китабым сендеди.* — «Моя книга находится у тебя»; 5. *Мамырлыкъ ючюн кюрешгенле бизбиз.* — «Теми, кто борется за мир, являемся мы»; 6. *Хорлау къуру да биздеди.* — «Победа всегда за нами».

Интересно отметить, что в карачаево-балкарском языке сказуемые, выраженные личными местоимениями единственного и множественного числа, имеющими форму именительного падежа, всегда оформляются лично-предикативными аффиксами первого и второго лица соответствующего числа. Так, например, подлежащими предложений *Механизатор мене.* — «Механизатором являюсь я» и *Устазла бизбиз.* — «Учителями являемся мы» являются слова *механизатор* и *устазла*, при которых сказуемые по общему правилу должны были быть оформлены предикативными аффиксами *-ди, -диле*, однако они оформлены личными аффиксами первого

лица *-ме* и *-биз*. Если же сказуемыми данных предложений будут личные местоимения в именительном падеже второго лица единственного и множественного числа, то они обязательно примут лично-предикативные аффиксы второго лица соответствующего числа: 1. *Механизатор сенсе*. — «Механизатором являешься ты»; 2. *Устазла сизсиз*. — «Учителями являетесь вы».

Теперь обратимся к примерам, где подлежащие выражены существительными, а в функции сказуемых выступают местоимения в косвенных падежах: 1. *Ол китаб мендеди*. — «Та книга у меня»; 2. *Бу китаб сангады*. — «Эта книга тебе»; 3. *Аны атасы бизгеди*. — «Его отец идет к нам» и т. д.

Здесь сказуемые согласуются с подлежащими в лице и числе. То же самое наблюдается при употреблении в роли сказуемых притяжательной формы данных местоимений: 1. *Ол трактор меникиди (сеникиди, бизникиди, сизникиди)*; 2. *Бу устазла бизникиледиле (сизникиледиле)* и т. д.

В карачаево-балкарском языке сказуемые — личные местоимения не оформляются предикативно-личными аффиксами только в том случае, когда их грамматическая функция обусловлена их постпозитивным положением по отношению к подлежащему. В остальных случаях наличие аффиксов обязательно. Таким образом, в карачаево-балкарском языке личные местоимения могут функционировать в роли сказуемого не только в формах именительного и косвенных падежей, но и в притяжательной, вопросительной, относительной, сравнительной, уподобительной, а иногда и в отрицательной и уменьшительной формах. Поэтому такие сказуемые характеризуются большим многообразием значений.

2. В функции сказуемого весьма употребительны и вопросительно-относительные местоимения, которые, подобно личным местоимениям, в различных формах могут принимать лично-предикативные аффиксы: 1. *Кимди ол?* — «Кто это?» (*К. Ж.*); 2. *Бу таууш неди?* — «Что за шум?» (*Зали*); 3. *Абынырымы суйгенле кимледиле?* — «Кто эти, которые хотят, чтобы я споткнулся?» (*М. М.*); 4. *Суймекликни ауурлугу кимдеди?* — Букв.: «У кого тяжесть любви?» (*М. М.*); 5. *Кесим да неме, жырым да неди?* — «Что я сам, что моя песня?» (*К. К.*).

Местоимения *къайсы? къалай? къаллай?* как и слова *ким? не?*, во всех падежах ед. и мн. числа (кроме винительного падежа), могут принимать лично-предикативные

аффиксы единственного и множественного числа и выполнять в предложении функцию сказуемого. Например: 1. *Ала уа квайсыладыла?* — «А эти которые?» (М. М.); 2. *Келикинг'а квалайды, жаратамыса?* — «А сноха твоя какая, нравится тебе?» (Зали); 3. *Ишлеригиз квалайдыла?* — «Как ваши дела?»; 4. *Квайсыладансыз?* — «Вы из которых?»; 5. *Квалайгвасыз?* — «Куда вы?» и т. д.

В качестве средств выражения сказуемого используются и указательные местоимения и их формы с аффиксами и без аффиксов принадлежности (за исключением винительного падежа): 1. *Ахыр сёзюм буду.* — «Мое последнее слово это» (С. Ш.); 2. *Мен кёрген олду.* — «Тем, кого я видел, является тот»; 3. *Ол мынданды.* — «Он отсюда»; 3. *Бу аныккыды.* — «Это принадлежит ему» (М. Ж.); 4. *Мен мындаггыма.* — Букв.: «Я являюсь находящимся здесь»; 5. *Сиз да анычасыз.* — «И вы таковы, каков он» (О. Э.); 6. *Бу аныккымыды?* — «Это его?»; 7. *Огъай, мунукъуду.* — «Нет, принадлежит этому».

4. В предикативные сочетания могут входить и лично-возвратные местоимения. Основной из их особенностей является то, что лично-возвратные местоимения I, II и III лица ед. числа, находясь в именительном падеже, могут принимать только лично-предикативные аффиксы единственного числа: *Аны этген мен кесимме.* — «Совершившим это являюсь я сам»; 2. *Кесимми?* — «Говоришь, что сам?»; 3. *Тамбла ары барлыкъ кесингсе.* — «Тем, кто завтра поедет туда, являешься ты сам» (С. Ш.); 4. *Адам хар затха да бий кесиди.* — «Человек сам хозяин всему» (М. М.).

Однако в предложениях, предикативный член которых выражен формой косвенного падежа или притяжательной, относительной, сравнительной формам указанных местоимений, сказуемое может быть оформлено лично-предикативными аффиксами и единственного, и множественного числа: 1. *Ол кесимдеди.* — «Тот находится у меня самого»; 2. *Была кесимикиледендале.* — «Эти из тех, которые принадлежат мне самому»; 3. *Кесингдегиледенмиди?* — «Из тех, которые находятся у тебя самого?»; 4. *Кесингчады* — «Это такой, каков ты». (М. М.).

Интересно отметить также, что сказуемые, выраженные каждым из лично-возвратных местоимений единственного числа, способны оформляться лично-предикативными аффиксами единственного числа всех трёх лиц. Например, местоимение первого лица *кесим* — «я сам» может принимать аффикс

предикативности не только первого, но и второго, и третьего лица: 1. *Сен тюз кесимсе.* — «Ты точно я сам»; 2. *Жашым тюз кесимда.* — «Сын мой точно я сам».

Сказуемые же, выраженные формой именительного падежа лично-возвратных местоимений множественного числа, оформляются только лично-предикативными аффиксами множественного числа соответствующего лица: 1. *Нартюхню ёсдюрген, жыйгъан да кесибизбиз.* — «Выращивающими и собирающими кукурузу являемся сами» (К. Ж.); 2. *Терс кесигизсиз.* — «Виноваты вы сами»; 3. *Келе тургъанла ала кеслеридиле.* — «Теми, кто сейчас идут, являются они сами».

Необходимо отметить, что некоторые местоимения кара-чаево-балкарского языка в функции сказуемого употребляются редко. К ним относятся местоимения определительные (*хар ким, хар не, хар къайсы, битеу, бары* и т. д.), неопределенные (*ким эсе да, ким болса да, не эсе да, ненча эсе да, не зат эсе да* и т. д.).

Сказуемое, выраженное именем существительным

Имена существительные в основной и в аффиксальной формах широко используются в роли сказуемого. Подобно другим сказуемым, предикативный член предложений, выраженный основной или любой аффиксальной формой имени существительного, как правило, оформляется предикативными аффиксами. Исключение обычно составляют случаи, когда синтаксические функции сказуемых обусловлены их постпозитивным положением по отношению к подлежащему.

Значения, свойственные данным именным сказуемым, зависят, во-первых, от семантики существительных; во-вторых, от их форм (форма именительного или косвенного падежа, а также корневая или производная форма).

Корневые существительные, функционирующие в роли сказуемого, выражают значения подлежащих, которые отличны от значений, передаваемых производными существительными. Для наглядности возьмем следующие примеры: 1. *Бу темирди.* — «Это железо»; 2. *Асхат темирчиди.* — «Асхат — кузнец».

То же самое можно сказать и по отношению к существительным, выступающим в функции сказуемых в форме именительного и косвенных падежей. Ср.: *Бу темирди.* — «Это

железо»; 2. *Бу темирденди.* «Это из железа (сделано)». Или: 1. *Асхат темирчиди.* — «Асхат кузнец»; 2. *Асхат темирчиденди.* — «Асхат (идет) от кузнеца»; 3. *Асхат темирчигеди.* — «Асхат (идет) к кузнецу» и т. д.

В некоторых случаях на свойства подлежащих, выражаемые сказуемыми, в функции которых выступают имена существительные, значительно влияют слова, которые являются определениями к существительным. Например: 1. *Нальчик курорт шахарды.* — «Нальчик — курортный город»; 2. *Бизни таула бай тауладыла.* — «Наши горы — богатые горы»; 3. *Ара орамыбыз кенг орамды.* — «Наша центральная улица — широкая улица».

Нетрудно заметить, что в первом предложении сказуемым должно было бы быть слово *шахарды* — «является городом». Но говорящего здесь интересует не то, что Нальчик является городом, а тот факт, что Нальчик является курортным городом. Поэтому определение *курорт* — «курортный» произносится с логическим ударением. Стало быть сказуемым является не отдельно взятое существительное *шахарды*, а словосочетание *курорт шахарды*. При этом основная роль при выражении значения подлежащего «Нальчик» переходит на определение *курорт*.

Важность роли такого примыкающего определения в выражении сказуемого более ясно можно представить себе из второго и третьего предложений. В них сказуемые выражены словосочетаниями *бай тауладыла* — «являются богатыми горами» и *кенг орамды* — «является широкой улицей». Однако главную роль в обозначении качеств подлежащего играют определения, входящие в состав данных словосочетаний, а не существительные, определяемые ими. Это подтверждается тем, что определения не могут быть опущены. Иначе говоря, при опущении определений смысл таких предложений изменяется: *Бизни таула тауладыла.* — «Наши горы являются горами», *Ара орамыбыз орамды* — «Наша центральная улица является улицей». Однако опустив существительное, входящее в состав сказуемого, и оставив примыкающее к нему определение, можно сказать: «*Бизни таула байдыла.*» — «Наши горы богаты»; «*Ара орамыбыз кенгди.*» — «Наша центральная улица широка». При этом смысл, который говорящий хотел придать данным высказываниям, полностью сохраняется.

Анализируя такие факты, исследователь узбекского языка Дж. Амантурдыев пишет: «Например, в предложении *Бу къыз алим къызды.* — «Эта девушка — ученая девушка», слово *алим*

ученая) — ведущее, а слово *къыз* (девушка) в функции связки. В противном случае слово *къыз* (девушка) образовало бы сказуемое предложения»¹⁵¹.

Имена существительные в качестве сказуемого выражают различные предметные признаки подлежащего.

Так, например, сказуемые предложений: 1. *Бу жаны къыбылады*. — «Эта сторона — юг»; 2. *Уучуну жаны-тини тауду**. — Букв.: «Душа охотника — горы»; 3. *Жол нёгер — тёгерегим*. — «Моим спутником является все окружающее меня» выражены существительными с пространственным значением, поэтому они обладают значением пространства и места.

Если сказуемым будет существительное со значением меры, то такое сказуемое будет иметь значение меры: 1. *Аны ауурлугу тоннады*. — «Его вес равен одной тонне»; 2. *Ол эки элни арасы километрди*. — «Расстояние между теми двумя сёлами равно километру».

В этом случае сказуемое чаще всего выражается словосочетаниями типа *бир километр, бир километр чакълы*. Например: 1. *Нальчикден Тырнаузга бери жюз километр чакълыды*. — «От Нальчика до Тырнауза около ста километров»; 2. *Сегизжюз грамм бир килограмм чакълыды*. — «Восемьсот граммов почти равны одному килограмму».

А сказуемые, выраженные такими словосочетаниями, как *бир жыл, беш кюн* и т. д., обладают значением времени: 1. *Жети кюн бир ыйыкъды*. — «Семь дней составляют одну неделю»; 2. *Аны болжалы беш жылды*. — «Его срок — пять лет»; 3. *Бусагъатда къыш кезвудю*. — «Сейчас зимний период».

Сказуемые-существительные в именительном падеже могут объяснить значение подлежащего, его отношение к какому-либо предмету, его род, профессию или функцию: 1. *Къойла да малладыла*. — «И овцы являются скотом» (О. Э.); 2. *Тауукъла юй къанатлыладыла*. — «Куры — домашние птицы»; 3. *Сен тюкенчисе*. — «Ты продавец»; 4. *Эл мюлк машиналадан бири тракторду*. — «Одной из сельскохозяйственных машин является трактор»; 5. *Адамга акъыл сёз дерсди*. — «Поучительное слово для человека является уроком» (М. М.). 6. *Бирибизни къууанчы бирибизни да къууанчы*

---

¹⁵¹ Дж. Амантурдыев. Структурные типы сказуемого простого предложения в совр. узбекском языке. (А. к. д.), Ташкент, 1965, стр. 15.

ды. — «Радость одного из нас — радость и для другого» (С. Ш.).

Имена существительные в качестве сказуемого часто функционируют и в формах родительного, местного, исходного, дательного падежей.

Форма родительного падежа в роли сказуемого выражает принадлежность. Поэтому такие сказуемые, кроме падежного аффикса, обычно принимают и аффикс притяжательности; ср.: 1. *Ол Азретниди.* — «Тот принадлежит Азрету»; 2. *Бу да Азретникиди.* — «И это принадлежит Азрету».

Сказуемые же, выраженные именем существительным в форме местного падежа, могут указывать не только на место, но и на состояние: 1. *Байрагъы бизни къолдады.* — «(Его) знамя в наших руках» (И. Б.); 2. *Жерни кючю, Ленин, сени ишингдеди.* — «Сила земли, Ленин, в деле твоём» (И. Б.); 3. *Аланы башлары сагъышдады.* — Букв.: «Их головы в раздумьях»; 4. *Эл рахат жукъудады.* — «Село (находится) в спокойном сне» (О. Э.).

Сказуемое в форме исходного падежа имени существительного в основном показывает начало действия, совершаемого подлежащим, материал, из которого сделан предмет, выражаемый подлежащим, причину действия, которое совершается подлежащим: 1. *Биз тауданбыз.* — «Мы (идем) с гор» или: «Мы горцы»; 2. *Сизни юйню башы къанжалданды.* «Крыша вашего дома из жести»; 3. *Аны алай этгени ачыуданды.* — «Поступил он так со злости»; 4. *Аны алай болгъаны Ахматданды.* — «То, что это случилось так, зависит от Ахмата».

Основная функция формы дательного падежа в роли сказуемого заключается в том, что она выражает направление действия: 1. *Алай эсе, мен библиотекагъама, сен'а киногъа, алаймыды?* — «Значит, я (иду) в библиотеку, а ты — в кино, так что ли?»; 2. *Огъай, мен ишгеме.* — «Нет, я (иду) на работу».

Как видно из примеров, сказуемые, в функции которых выступают формы косвенных падежей имени существительного, показывают такое состояние предмета, которое имеет постоянный характер и указывает на настоящее время. Значение будущего и прошедшего времени они могут выражать, как и все другие именные сказуемые, только при помощи вспомогательных глаголов *бол* и *э*, употребляемых с предикативными аффиксами.

Их отрицательная форма образуется при помощи слова

гюйюл, следующего за существительным, выражающим сказуемое, и оформляется соответствующими аффиксами предикативности: 1. *Ол мени ишим тюйюлдю.* — «Это не мое дело» (С. Ш.). 2. *Абыныу манга жангылыкъ тюйюлдю.* — «Спотыкаться для меня не ново» (М. М.). 3. *Мен жазыучу тюйюлме.* — «Я не писатель». 4. *Сен корреспондент да тюйюлмюсе?* «Ты и не корреспондент?».

Сказуемое, выраженное именем числительным

В современном карачаево-балкарском языке числительные в предложении выступают, главным образом, в качестве определения. Вместе с тем, они могут функционировать и в роли сказуемого.

В зависимости от разряда числительных, употребляющихся в функции сказуемого, оно может указывать на количество, на порядок по счету и т. д. подлежащего. Так, например, количественные числительные, редко выполняющие функцию предикативного члена предложения, обозначают определенное количество: 1. *Ишлерге келгенле алтмышдыла.* — «Пришедших работать шестьдесят»; 2. *Быллай китабларыбыз экидиле.* — «Таких книг у нас две».

Следует отметить, что средствами выражения сказуемых в таких предложениях при подлежащих, выраженных словами, под которыми подразумеваются люди, являются собирательные числительные: *Бизни колхозда бийыл орденле, майдалла бла сауғьаланганла бешеулендиле.* — «Награжденных орденами и медалями в этом году в нашем колхозе пятеро» (К. Ж.).

В предложениях же, подлежащие которых обозначают другие одушевленные и неодушевленные предметы, собирательные числительные не употребляются в качестве сказуемого.

Приблизительные числительные, в отличие от количественных, широко употребляются как сказуемые: 1. *Биз мында он чакълыбыз.* — «Нас здесь около десяти»; 2. *Сиз'а жыйыр-мадан да асламсыз.* — «А вас больше даже двадцати».

Сказуемыми могут выступать и порядковые числительные: 1. *Мен бешинчиге, сена — алтынчы.* — «Я пятый, а ты шестой»; 2. *Бизни жерлерибиз бешинчи бла алтынчыдыла.* — «Нашими местами являются пятое и шестое».

Нередки сказуемые — дробные числительные. В этом случае они указывают на часть от целого: 1. *Ол аны айлыкъ жал-*

насыны **экиден бириди**. «Это составляет половину его месячной зарплаты (К. Ж.); 2. Он алмышны **алтыдан бириди**. — «Десять является одной шестой частью шестидесяти».

Количественные числительные могут входить в сочетание с другими именами, образуя неразложимые сочетания, которые могут выступать в функции сказуемого: 1. *Терсле сен бла мен экибизбиз*. — «Виноватыми являемся ты и я»; 2. *Анга болушаллыкъла жалан да биз экибизбиз*. — «Теми, кто может помочь ему, являемся только мы с тобой».

Сказуемое, выраженное наречием

В карачаево-балкарском языке в функции сказуемого, хотя и редко, но употребляются:

а) наречия времени: 1. *Сени кетерик кюнюнг бюгюндю*. — «День, когда ты должен уходить, сегодня»; 2. *Ишден кетерге алыкъа эртдеди*. — «Уходить с работы еще рано»;

б) наречия места: 1. *Къайсы завод алдады?* — «Какой завод впереди?»; 2. *Билмейме, бизники артдады*. — «Не знаю, наш отстает»; 3. *Ала эчишгедедиле*. — «Они находятся внизу»;

в) наречия причины: *Автобусну кеч къалгъаны ол себебденди*. — «Автобус опоздал по этой причине»;

г) наречия цели: *Мени кюрешгеним аны ючюндю*. — «Мое старание для этого».

В функции предикативного члена предложения могут выступать и определительные наречия образа (или способа) действия: *Сени жюрююнг да тюз алайды*. — «И твое хождение точно такое»; 2. *Ала экиси да биргедиле*. — «Они оба находятся вместе» и т. д.

Однако следует отметить, что не все наречия могут быть сказуемыми. Слова, которые ни при каких условиях не могут быть употреблены в качестве сказуемого, можно найти в каждой группе наречий.

В карачаево-балкарском языке сказуемые, выраженные некоторыми словами, обычно употребляются при подлежащих-причастиях с притяжательными аффиксами и без притяжательных аффиксов или же именах действиях. Здесь в первую очередь имеются в виду сказуемые, выраженные словами типа *ариу, аман, ахшы, иги* и т. д., которые в предложении выступают то в функции обстоятельств, то в функции опреде-

лений. Например, слово *иги* в предложении *Иги ишле.* — «Работай хорошо» является обстоятельством, а в предложении *Бизни устазыбыз иги адамды.* — «Наш учитель является хорошим человеком» — определением. Если же такие слова будут употреблены в роли сказуемого предложения, подлежащее которого выражено именем существительным, то они будут восприняты как сказуемые, выраженные прилагательными. Например: 1. *Фатимат ариуду.* — «Фатимат красива»; 2. *Саулуғъум игиди.* — «Мое здоровье хорошее»; 3. *Юйюнг ахшыды.* — «Дом твой хорош».

При выражении подлежащих этих предложений причастиями или именами действия, сказуемые их будут восприниматься как сказуемые, выраженные наречиями: 1. *Аны сёлешигени ариуду.* — «Говорение его красиво»; 2. *Сёлешиую игиди.* — «Он говорит хорошо»; 3. *Билген ахшыды.* — «Знать хорошо».

При подлежащих-причастиях такие сказуемые могут быть восприняты то как сказуемые, выраженные наречиями, то как сказуемые, выраженные прилагательными. Ср.: 1 *Билген ахшыды.* — «Знать хорошо» и 2. *Билген ахшыды.* — «Тот, который знает, хороший».

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СКАЗУЕМОГО

Общие сведения

О структуре сказуемого карачаево-балкарского языка отрывочные сведения содержат лишь школьные учебники. В них отмечается, что сказуемое, выраженное одним словом, является простым, а сказуемое, состоящее из сочетания знаменательного и служебного слова, — сложным¹⁵².

Вообще в тюркологии структурные типы сказуемых не получили должного освещения. Точки зрения по этому вопросу весьма противоречивы. В частности, некоторые тюркологи¹⁵³ сказуемое, выраженное сложным глаголом, определяют как

---

¹⁵² У. Б. Алиев. Малкъар тилни грамматикасы, II кесек, Синтаксис. Нальчик, 1958, стр. 37.

¹⁵³ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.-Л., 1950, стр. 96—97.

простое сказуемое, другие ¹⁵⁴ же считают его сложным (составным) членом предложения.

Так, К. З. Ахмеров пишет, что «сказуемое, выраженное несколькими глаголами, является составным, ибо с увеличением числа глаголов в составе сказуемого осложняется состав и значение последнего» ¹⁵⁵.

Прямо противоположную позицию занимает Е. И. Убрятова: «Как сложные глагольные формы, образованные с помощью вспомогательных глаголов, так и сложные глагольные формы, образованные с помощью служебных слов из других частей речи, являясь словосочетаниями, имеющими самые различные формы в соответствии с морфологической природой слов, их составляющих, выражают лишь те или иные грамматические категории глагола: виды, наклонения, отрицания и т. п. Поэтому они образуют сложную форму глагола, а не сложную форму члена предложения. Вот почему сказуемое, выраженное сложной глагольной формой, приходится считать таким же простым сказуемым, как и сказуемое, выраженное простой глагольной формой, состоящей из одного слова» ¹⁵⁶.

Попытаемся ответить на этот вопрос на основе фактов карачаево-балкарского языка. Возьмем примеры:

1. *Ала бир бири юслерине салыныб турадыла.* — «Они лежат друг на друге» (*Зали*); 2. *Жауун жауа кёреме.* — «Оказывается, идет дождь» (*К. Ж.*).

Сказуемые этих предложений выражены сложными формами глагола. Сказуемое первого предложения представляет собой сложный глагол, первым компонентом которого является деепричастная форма от основного глагола, а вторым — вспомогательный глагол. Основным компонентом сказуемого второго предложения также является деепричастие, а вторым, служебным, его компонентом выступает модальный глагол *кёреме*. Иначе говоря, предикативные члены приведенных предложений состоят из сложных глаголов.

Если сказуемое, выраженное первым из них, считать простым, то логически простыми следует признать также сказуе-

---

¹⁵⁴ Грамматика азербайджанского языка, II ч. (на азерб. яз). Баку, 1959, стр. 92—113; К. З. Ахмеров. Исследования по синтаксису башкирского языка. Уфа, 1962, стр. 16; М. Балакаев, Т. Кордабаев. Грамматика современного казахского языка. Синтаксис (на казах. яз.), Алма-Ата, 1961, стр. 35.

¹⁵⁵ К. З. Ахмеров. Указ. работа, стр. 16.

¹⁵⁶ Е. И. Убрятова. Указ. работа, стр. 96—97.

мые, выраженные словосочетаниями типа *аудурулуб салыныб турадыла, чабыб келиб тохтады, алыб чабдырыб берирге керекди* и т. д., являющимися аналитическими сложными глаголами. Члены предложения, выраженные сложными глаголами, состоящими из двух, трех, четырех, а иногда и пяти глаголов, нет смысла называть простыми. Если же считать простым сказуемое, выраженное сложной глагольной формой *жауа кереме*, то также необходимо будет признать за простые сказуемые, выраженные словосочетаниями *жауб башлай тура кёреме, жауб башламагъан ушайды* и т. д. Это совершенно недопустимо. «Сказуемые, состоящие из сочетаний самостоятельных и служебных слов, с синтаксической точки зрения ничем в сущности не отличаются от сказуемых, выраженных словосочетаниями»¹⁵⁷, поэтому их необходимо рассматривать в разделе составных сказуемых.

2. В качестве сказуемых нередко выступают и сложные слова, входящие в другие части речи. В данном случае они могут быть рассмотрены как простые члены предложения. Так, сказуемые предложений: 1. *Бизде бек бийик тау Минги тауду.* — «У нас самой высокой горой является Эльбрус»; 2. *Далхат жемталачыды.* — «Далхат жемталинец» выражены сложными именами существительными. Считать их составными сказуемыми нельзя, поскольку это привело бы к смешиванию лексических и синтаксических категорий. «Сложное слово является лексической единицей, тогда как сложный (составной) член предложения — это синтаксическая единица, образованная в результате сочетания двух и более слов (как простых, так и сложных)»¹⁵⁸ — подчеркивает З. И. Будагова. Тем не менее сказуемые, выраженные сложными глаголами типа: деепричастие на *-ыб (-б)* и на *-а (-е)* + вспомогательный глагол З. И. Будагова рассматривает в разделе сложных сказуемых¹⁵⁹. Так поступает большинство исследователей¹⁶⁰.

3. Проблематичным является и вопрос о том, следует ли считать именованным или глагольным сказуемое, выраженное сложным глаголом, состоящим из имени и вспомогательного

¹⁵⁷ З. И. Будагова. Указ. работа, стр. 24.

¹⁵⁸ Там же, стр. 23.

¹⁵⁹ Там же, стр. 27.

¹⁶⁰ М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Алма-Ата, 1959, стр. 139—143; А. Джaparов. Указ. работа, 221; М. З. Закиев. Сказуемое в современном татарском литературном языке (А. к. д.). Казань, 1954, стр. 14.

глагола (*кѣбыл эт, кѣуликъ сал* и т. д.). Некоторые ученые¹⁶¹ относят их к именным, другие¹⁶² — к глагольным. На наш взгляд, вторая точка зрения более приемлема, потому что сказуемые, состоящие из конструкции данного типа, как и глагольные сказуемые, выражают один цельный процесс.

4. Взгляды ученых расходятся и в вопросе о структурных типах сказуемых. Например, Г. Д. Санжеев¹⁶³, Н. П. Дыренкова¹⁶⁴, З. И. Будагова¹⁶⁵ выделяют простые и составные сказуемые. М. Б. Балакаев именные сказуемые делит на простые, сложные и составные, а глагольные — на простые и сложные¹⁶⁶. Третья группа ученых различает простые, сложные (составные) и **развернутые** сказуемые¹⁶⁷.

Думается, что нет необходимости делить именные сказуемые на три типа, как это делают М. Б. Балакаев, И. Д. Джакубов и другие¹⁶⁸. По их мнению, сказуемое, выраженное сочетанием нескольких имен, должно быть названо сложным. В подтверждение своей мысли они приводят предложения типа: «*Аны кѣадары кеси кѣолундады*. — «Его судьба — в его руках». Если данное сказуемое имеет в своем составе какое-либо служебное слово, то они его называют составным. Однако, как справедливо отмечает З. И. Будагова, при выделении сочетаний самостоятельных и вспомогательных слов в особый тип сказуемого возникают неясности и затруднения терминологического характера: одно и то же сказуемое, выраженное словосочетанием и вспомогательным словом (напр.: *анамы китабы эди*), одновременно должно быть отнесено в таком случае как к сложным, так и к составным сказуемым¹⁶⁹. Поэтому сказуемые, выраженные сочетанием имен и сочетанием имен и вспомогательного слова, целесообразно назвать составными сказуемыми.

¹⁶¹ М. Б. Балакаев. Указ. работа, стр. 152—153.

¹⁶² З. И. Будагова. Указ. работа, стр. 24; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Изд. Казанского университета, 1963, стр. 32.

¹⁶³ Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941 стр. 139—142.

¹⁶⁴ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940. стр. 230.

¹⁶⁵ З. И. Будагова. Указ. работа, стр. 22—26.

¹⁶⁶ З. И. Балакаев. Комбинированное управление в казахском языке. «Тюркологический сборник. С. Е. Молову». М.-Л., 1951, стр. 45.

¹⁶⁷ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 371; Н. А. Баскаков. Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков, III, синтаксис. «Развернутое сказуемое», стр. 114.

¹⁶⁸ И. Д. Джакубов. Основы синтаксиса простого предложения совр. киргизского литературного языка (А. докт. дисс.), Фрунзе, 1966, стр. 64.

¹⁶⁹ И. З. Будагова. Указ. работа, стр. 24.

В карачаево-балкарском языке термины «сложное» и «составное» употребляются З. Х. Байрамуковой. Она упрекает У. Б. Алиева в том, что тот «отождествляет составное и сложное глагольное сказуемое»¹⁷⁰. По ее мнению, сложное глагольное сказуемое карачаево-балкарского языка — это сказуемое, которое состоит из деепричастных форм основного и вспомогательных глаголов... Составное же глагольное сказуемое — это сказуемое, которое образуется от неопределенной формы глагола и вспомогательного глагола. На наш взгляд, эта точка зрения не выдерживает никакой критики. Сказуемые, основным компонентом которых являются глагольные формы, а вторым компонентом — вспомогательный глагол, по своему составу не отличаются друг от друга.

Критически используя все то, что имеется по данному вопросу в тюркологической литературе, мы пришли к выводу о том, что в современном карачаево-балкарском языке вопрос о структуре сказуемого целесообразней рассматривать следующим образом.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ГЛАГОЛЬНЫХ СКАЗУЕМЫХ

Простое глагольное сказуемое

В карачаево-балкарском языке, как и во всех тюркских языках, типичной формой сказуемого является сказуемое, выраженное спрягаемыми формами глагола. Такие сказуемые по своему составу бывают простыми и составными.

Простое глагольное сказуемое состоит из одного (основного, производного) глагола. Оно выражается формой синтетического глагола, обладающего самостоятельным лексическим значением. Следовательно, отличительной чертой такого сказуемого является то, что абстрактно-грамматические значения в нем, как правило, выражаются аффиксами. В составе простого глагольного сказуемого не должно быть вспомогательных глаголов, иначе оно превратится в составное глагольное сказуемое¹⁷¹. 1. *Нанашны, Хажини сора Абдулну бек уста таныгъанма, бирсилени таныялмадым.* — «Нанаша, Хажии. Абдула я узнал хорошо, а остальных не смог узнать» (О. Э.);

¹⁷⁰ З. Х. Байрамукова. Указ. работа, стр. 19—20.

¹⁷¹ М. Э. Закиев. Сказуемое в современном татарском литературном языке. (А. канд. дисс.), Казань, 1954, стр. 13.

2. *Жашчыкъ тыягъын алды.* — «Мальчик взял (свою) палку». (А. Х.); 3. *Жулдуз да, Алий да мени аш юйге чакъырдыла.* — «Жулдуз и Алий позвали меня в столовую» (С. Хоч.).

Составное глагольное сказуемое

Сказуемые, состоящие из двух или более (самостоятельных и вспомогательных) глаголов, называются составными глагольными сказуемыми. В отличие от простых глагольных сказуемых, грамматические значения в них выражаются вспомогательными глаголами (связками).

Они имеют несколько разновидностей.

Составное сказуемое, выражающее различные этапы действия

Глаголы путем наложения образуют связанные группы, состоящие из двух, трех, четырех, а иногда из пяти самостоятельных и вспомогательных слов. Такие сложные глагольные группы очень часто употребляются в функции сказуемых.

В сказуемых данного типа глагольные признаки (залог, управление, значение действия) обычно выражаются препозитивным компонентом. Постпозитивный, служебный, компонент является выразителем грамматических значений. Например, сказуемые предложений: 1. *Ала бир бири юслерине салыныб турадыла.* — «Они лежат друг на друге» (Зали); 2. *Къонакълагъа ушхууур бериб башладыла.* — «Гостям начали подавать ужин» (С. Ш.) выражены сложными глаголами, основные компоненты которых являются деепричастиями. Вещественное значение этих сказуемых выражено деепричастиями, грамматические значения — изменяемыми частями, т. е. вспомогательными глаголами.

Обратимся к следующим примерам: 1. *Биз жыгъылыб къала эдик.* — «Мы чуть не упали»; 2. *Терек аууб бара тура эди.* — «Дерево сваливалось»; 3. *Терек аууб бара тура кёре эдим.* — «Оказывается, дерево сваливалось».

В этих примерах сказуемые — сложные глаголы, состоят из трех, четырех и из пяти глаголов, связанных между собой деепричастными аффиксами. Наличие аффикса предикативности в последнем из них обязательно. Носителем вещественного значения у такого сложного глагольного сказуемого всегда является первый из глаголов, обычно имеющий деепри-

частную (и реже причастную) форму. Остальные вспомогательные глаголы выполняют различные грамматические функции, причем каждый вспомогательный глагол при одном основном глаголе придает предыдущим глаголам (и глагольным группам) какой-нибудь оттенок.

В карачаево-балкарском языке изменяемая часть сказуемых, выраженных сложными глагольными формами, выражает не только различные грамматические значения, но и содержит в себе характеристику действия в различных аспектах: в отношении этапов (начало, конец) действия, в отношении характера его протекания (непрерывность, длительность и т. д.).

Поэтому основные значения таких сказуемых сводятся к выражению степени совершения действия с указанием различных этапов и темпов движения во времени.

Составные глагольные сказуемые могут выражать различные этапы действия. Для этого они должны состоять из сочетания неличных форм основного глагола и вспомогательного глагола. В зависимости от того, с какой из неличных форм основного глагола употребляется вспомогательный глагол, может меняться смысловая сторона сказуемого. Например, вспомогательный глагол *тур* в сочетании с глагольной формой на **-ыб** может выражать законченность действия (*кетиб турады* — ушел), а в сочетании с формой на **-а** — начало действия (*кете турады*). Контекст и значение паличествующих в предложении второстепенных членов (обстоятельств времени), лексическое значение препозитивного компонента могут придавать сказуемым различные оттенки.

Такие составные сказуемые способны указывать следующие этапы совершаемых действий:

1. Глагольные сказуемые с вспомогательными глаголами *башла*, *тебре*, *айлан* обозначают начальный этап длительного и многократного действия, состояния. Они могут сочетаться с деепричастиями основного глагола на **-ыб (-б)**, **-а (-е, -и)**, а также с инфинитивом на **-ргъа (-рге)**: 1. *Къанатлыла арбазгъа къона башладыла*. — «Птицы начали садиться во двор» (С. Ш.); 2. *Тепсеу барыб башлады*. — «Танцы начались» (С. Ш.); 3. *Биз аны юсюнден айтханлай, ол кетерге тебреди*. — «Как только мы сказали об этом, он начал уходить»; 4. *Ол да ары кете айланады*. — «И он собирается уезжать туда», «Он вот-вот уедет туда» (К. Ж.); 5. *Ашаб, ичиб тебреди*. — «(Они) начали есть и пить» (Зали).

Сказуемые, выраженные сочетанием деепричастия на

-ыб (-б) с вспомогательным глаголом, стилистически отличаются от сказуемого, в роли которого выступает деепричастие на **-а (-е, -й)** с таким же глаголом. Например, если мы говорим: *Сабий атлаб башлагъанды*, то имеем в виду, что ребенок начал шагать, совершать действие, а если употребляем: *Сабий атлай башлагъанды*, то имеем в виду, что ребенок, который до этого совершенно не мог ходить, теперь начал делать самостоятельные шаги.

2. После сказуемых таких предложений нередко употребляется постпозитивная частица. При этом в зависимости от интонации данные высказывания могут иметь различные значения. Ср.: 1. *Сабий атлаб башламагъанды да* — «Ведь ребенок же начал шагать (ходить)»; 2. *Сабий атлаб башлагъанды да.* — «Оказывается, ребенок начал ходить»; 3. *Сабий атлаб башлагъанды да?* — «Ребенок начал же ходить?».

3. Глагольные сказуемые с вспомогательными глаголами *къой, жибер, ий, ал, къал* и т. д. обозначают результативное действие, совершившееся произвольно или неожиданно: 1. *Жашчыкъ тобну къолундан тюшюрюб къойду.* — «Мальчик неожиданно уронил мяч из рук»; 2. *Ибрахим кёзлерин ачыб къюйду.* — «Ибрагим вдруг открыл глаза» (Б. Г.); 3. *Ол анга жолда тюбев къалды.* — «Вдруг он на дороге встретился с ним» (Б. Г.).

Интересно отметить, что в современном карачаево-балкарском языке оба компонента этих сказуемых могут употребляться в личной форме (соединяясь при помощи союза *да*), при этом значения, выражаемые ими, совсем не изменяются: 1. *Тыякъ сынды да кетди.* — «Палка (неожиданно) сломалась»; 2. *Мен тыякъны сындырдым да ийдим.* — «Я (нечаянно) сломал палку».

4. Сказуемые, выраженные сочетанием глагольной формы на **-ыб (-б)** с вспомогательным глаголом *боша*, а иногда *тохта, бит, жет*, указывают на конец или результат действия: 1. *Сора аны да ашав бошадыла.* — «Потом съели и его» (М. Ж.); 2. *Китабны окзуб бошадым.* — «Я прочел книгу»; 3. *Барысы да чабыб жетдиле.* — «Все прибежали».

5. Сказуемое, состоящее из сочетания инфинитива с вспомогательным глаголом *жет*, выражает начало действия. В форме инфинитива в данном случае могут выступать несколько глаголов: 1. *Асыры арыгъандан ёлурге жетдим.* — «От сильной усталости я дошел до изнеможения»; 2. *Алма терек-*

ни бутагъы асыры бюгюлгенден **сынаргъа жетди**. — «Ветка яблони согнулась до такой степени, что вот-вот сломается».

6. Сказуемое, выраженное сочетанием глагольной формы на **-лай (-лей)** с вспомогательными глаголами *тур, айла!* выражает продолжение действия или состояния: 1. *Ол жаныуар къыш узуну **жукълагъанлай турады***. — «Это животное в течение зимы находится в спячке»; 2. *Сен къуру да **къууанганлай айланаса***. — «Ты все время радуешься».

7. *Къал, къой* и др. вспомогательные глаголы в составе отрицательных сказуемых указывают на несовершенство действия: 1. *Ол къауумгъа къатышхан мен да этдим, алай Минги Таугъа **чыгъалмай къалдым***. — «В той группе был и я, но на Эльбрус не смог подняться»; 2. *Алай китабланы тюкенде кёрген эдим, алай **алалмай къойгъан эдим***. — «Такие книги я видел в магазине, но не сумел купить».

8. Сказуемые с вспомогательными глаголами *башла, тебре* могут выражать не только начальный этап действия, но и указывать на то, что действие начинает приближаться к завершению: 1. *Къыш **тауусула башлагъанды***. — Букв.: «Зима начала кончаться»; 2. *Аланы мал ашлары **тауусулуб тебрегенди***. — Букв.: «У них корма начали кончаться».

9. Сказуемые, выраженные сложными глаголами, могут указывать на непрерывное, постоянное протекание действия: 1. *Кеме **жюзюб барады***. — «Корабль плывет»; 2. *Мында жауун **жаугъанлай турады***. — «Здесь все время идет дождь».

10. Различными комбинациями основного и вспомогательного глаголов можно выразить частую повторяемость, многократность действия. Наиболее специализированным сказуемым с данным значением является сказуемое, выраженное конструкцией типа *бара-бара туруучуду*: 1. *Ол бизге **келекеле туруучуду***. — «Он приходит к нам часто (с перерывами)»; 2. *Кюн **ачыла-жабыла турады***. — «Погода то прояснится, то портится».

В отличие от многих языков тюркской системы, в карачаево-балкарском языке основным компонентом в данной разновидности таких глагольных сказуемых может выступать инфинитив на **-ргъа (-рге)**. Однако, как видно из вышеприведенных примеров, основной компонент их в основном выражается деепричастиями, которые являются носителями вещественного значения сказуемых, а вспомогательные глаголы служат только для выражения различных грамматических значений. Таким образом, рассмотренная разновидность со-

ставных глагольных сказуемых имеет два структурных вида: а) **деепричастие + вспомогательный глагол** и б) **инфинитив + вспомогательный глагол**.

Составное сказуемое, выражающее параллельные и последовательные действия

Особую разновидность составного глагольного сказуемого составляют сказуемые, изменяемая часть которых не теряет своего вещественного значения и выражает отдельный процесс, протекающий параллельно или последовательно с процессом, называемым неизменяемой частью сказуемого. Для ясности обратимся к примеру: *Базардан харбузла алыб келдим*. — «(Я) с базара принес арбузы». Здесь сказуемое выражено словосочетанием *алыб келдим*, представляющим собой сложную глагольную форму. Ее первый, неизменяемый, компонент выражает одно действие (взяв); второй, изменяемый, — другое действие (пришел). Сначала совершилось действие, обозначенное неизменяемой частью сказуемого, а потом — действие, названное его изменяемой частью. В данном случае трудно определить, какое из этих действий является основным, т. к. они тесно связаны друг с другом и воспринимаются как цельный процесс.

В большинстве случаев легко удается установить, какой процесс является основным — процесс, выраженный неизменяемой или изменяемой частью сказуемого. Например, ясно, что основной процесс содержится в изменяемой части сказуемого предложения *Биз бир сейирлик киногъа барыб къарадыкъ*. Неизменяемую часть этого сказуемого можно даже опустить; от этого смысл предложения не изменится: *Биз бир сейирлик киногъа къарадыкъ*. — «Мы посмотрели интересный кинофильм». Если же опустить неизменяемую часть сказуемого первого предложения, то получится бессмыслица. Нельзя говорить: *Базардан харбузла келдим*, но можно: *Базардан харбузла келтирдим*. При опущении неизменяемой части сказуемого предложения *Базаргъа барыб келдим*. — Букв.: «Я на базар сходяв пришел», высказывание не разрушается, изменяется лишь его смысл: *Базаргъа келдим*. — «Я пришел на базар».

Все это свидетельствует о том, что изменяемая и неизменяемая части таких сказуемых формально и по значению тесно связаны. Грамматически эта связь осуществляется форма-

ми деепричастия. В этом отношении сказуемые типа *алыб келди* напоминают составные глагольные сказуемые первой разновидности (*алыб башлады*).

Составные глагольные сказуемые, выражающие параллельные или последовательные процессы (или действия), обычно состоят из сочетания деепричастия на **-ыб (-б)** или на **-а (-е)** с каким-либо глаголом в лично-предикативной форме. При этом сказуемые, состоящие из сочетания деепричастия на **-ыб (-б)** с глаголом в личной форме, обычно выражают последовательные действия, а сказуемые состоящие из сочетания деепричастия на **-а (-е)** с глаголом в личной форме,— параллельные действия. Ср.: 1. *Биз китабла алыб келдик*. — Букв.: «Мы книги взяв пришли», т. е. «Мы принесли книги»; 2. *Биз китабла ала келдик*. — «Мы пришли, захватив с собой книги».

Во втором случае основным является действие, выраженное лично-предикативной формой глагола *келдик*, а действие, выраженное неизменяемой частью сказуемого *ала*, совершается как бы попутно, параллельно с основным.

Из сказанного не следует, что сказуемые, выражающие последовательные и параллельные действия, всегда состоят только из двух слов. Очень часты случаи, когда говорящий включает в их состав и второстепенные процессы. Например, когда необходимо сходить в аптеку, купить лекарство и принести, надо совершить несколько действий, которые можно передать в составе одного составного сказуемого: *Ол дарманны барыб алыб келгенди*. — «Он сходил, взял лекарство и пришел».

В этом предложении второстепенное действие, выраженное словом *барыб*, совершено раньше основного действия. Такое действие иногда может иметь обстоятельственное значение. Например, в предложении: *Ол чабыб алыб келди* такое значение выражено деепричастием *чабыб*. Об этом говорит, с одной стороны, лексическое значение данного слова, с другой— форма, в которой оно здесь употреблено, а также позиция, которую оно занимает. Несмотря на это, *чабыб* не может быть рассмотрено как отдельный член предложения, т. е. как обстоятельство, потому что оно находится в очень тесной связи с *алыб келди* и поэтому входит в его состав.

Сказуемые, выражающие параллельные или последовательные действия, когда их неизменяемая часть выражена деепричастиями на **-ыб (-б)**, **-а (-е)**, могут быть употреблены в формах всех трех лиц единственного и множественного

числа. То же самое можно сказать о них и в том случае, когда их неизменяемая часть выражена глагольной формой *ча-май (-мей)*: 1. *Алмай келди*; 2. *Биз алмай келдик*.

Инфинитивное составное сказуемое

В карачаево-балкарском языке имеются специфические сложные сказуемые, состоящие из сочетания неопределенной формы глагола на *-ргъа (-рге)* с вспомогательными глаголами. Носителем вещественного значения в таких составных сказуемых является инфинитив. Поэтому такие составные сказуемые можно условно называть инфинитивными.

Инфинитивные сказуемые по своему строению могут быть простыми и составными. Простое инфинитивное сказуемое образуется путем присоединения к неопределенной форме глагола лично-предикативных аффиксов. В составном инфинитивном сказуемом, как и в любом составном глагольном предикативном члене предложения, выразителем грамматических значений являются вспомогательные глаголы. Как отмечено выше, с инфинитивом могут сочетаться вспомогательные глаголы *тебре, башла*, показывающие начало действия.

1. Чаще всего встречаются сказуемые, состоящие из сочетания инфинитива с предикативным словом *керекди*. Предложения с такими сказуемыми бывают личными и безличными: 1. *Сен окъургъа керексе*. — «Ты должен учиться», «тебе необходимо учиться»; 2. *Къышха бичен хазырларгъа керекди*. — «На зиму нужно заготовить сено».

2. Составное сказуемое может состоять также из сочетания формы на *-ргъа (-рге)* с вспомогательным глаголом *бол* в форме будущего времени. Предложения с такими сказуемыми показывают разрешение, дозволение и опасение: 1. *Энди кирирге боллукъду*. — «Теперь можно войти»; 2. *Бюгече къар жауаргъа боллукъду*. — «Сегодня ночью может выпасть снег» (К. Ж.).

3. Сказуемые, состоящие из сочетания инфинитива с глаголом *суй*, выражают желание субъекта: *Ол мындан кетерге суюди*. — «Он хочет отсюда уйти»; 2. *Таш жалаб турсам да, журтумда турургъа сюеже*. — «Если даже придется жить, облизывая камень, хочу быть на родине» (А. Х.).

4. Составное инфинитивное сказуемое нередко выражается сочетанием инфинитива и вспомогательного глагола *айт*: В этом случае он обозначает обещание субъекта совершить

действие, выраженное инфинитивной формой глагола: 1. *Председатель машинала жиберирге айтады.* — «Председатель обещает посылать машины» (К. Ж.).

5. Составное инфинитивное сказуемое, в составе которого имеется вспомогательный глагол *кюреш*, выражает старание, стремление субъекта совершить действие: 1. *Ёрге кэобуб кэарагаһаньмда, тэгерегине кэуш балала басыныб кэабаргэа кюреше тура эдиле* (А. Х.); 2. *Жашынг ахшы жашды, хар нени да билирге кюрешеди.* — «Твой сын хороший, стремится все знать» (К. Ж.).

Составное сказуемое с инфинитивом в составе может осложняться различными способами. Структуру таких сказуемых схематически можно показать следующим образом: 1) деепричастие + инфинитив + вспомогательный глагол; 2) инфинитив + сложный глагол типа деепричастие + вспомогательный глагол; 3) инфинитив + сложный глагол типа имя + вспомогательный глагол.

Составное сказуемое, выраженное сложноголагольными основами аналитического типа

Составные сказуемые, выраженные сложноголагольными основами, неизменяемой частью которых обычно выступают имена, а изменяемой частью — глагол, имеют две разновидности.

Первая разновидность составных сказуемых, выраженных такими глаголами, представляет собой в основном идиоматические или фразеологические обороты типа *жаньмы алдын* — «ты меня сильно испугал», *кэулакэ салдын* — «приложил уши», «прислушался», *жаньмдан тойдум* — «мне надоело» и т. д.

Изменяемые части таких глаголов еще полностью не утратили своих вещественных значений. Несмотря на это, как и их неизменяемые части, эти глаголы не могут функционировать в роли самостоятельных членов предложения. В современном языке изменяемые и неизменяемые части таких выражений находятся в очень тесной связи между собой и в предложении выступают как один член — сказуемое со значением единого процесса.

Они исторически возникли главным образом путем слияния прямого дополнения или подлежащего и глагольного сказуе-

мого или путем слияния косвенного дополнения и глагольного сказуемого.

Приведем наиболее употребительные предложения с такими сказуемыми: 1. *Ол ишине кёл салады.* — «Он прилежно относится к своей работе»; 2. *Аны кёлю бокъланды.* «Его тошнит»; 3. *Аны менден кёлю квалады.* — «Он на меня обижается»; 4. *Анга кёз тийди.* — «Его сглазили»; 5. *Санга барыбызны да кёзюбюз къарайды.* — «Ты всем нам нравишься»; 6. *Сиз анга къуру да кёз жетдиресиз.* «Вы за ним всегда присматриваете»; 7. *Мен санга ичими ачдым.* — Букв.: «Я тебе открыл свое нутро»; 8. *Къулакъл салдым.* — «Я прислушался»; 9. *Жан алды.* — «Умер»; 10. *Жанымдан тойдум.* — «Мне надоело»; 11. *Къаялагъа боюн салды.* — «Он подчинился скалам» (Зали).

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, встречаются сложные глаголы, состоящие из сочетания именной основы с глаголом в личной форме. Здесь имеются в виду сложные глаголы типа *намаз эт, ыразы бол* и т. д. Сказуемые, выраженные ими, составляют вторую разновидность рассматриваемого типа составных глагольных сказуемых. Как и в составе сказуемых, состоящих из сложных глаголов, представляющих собой фразеологические обороты, в составе таких сказуемых неизменяемой частью всегда являются именны основы, а изменяемой — глаголы в личной форме. Последние, сочетаясь с именными основами, вносят новый оттенок в уже известное значение и образуют тем самым новое лексическое значение. Поэтому вспомогательные глаголы вместе с именными основами составляют основу сложного слова (глагола), т. е. имя переходит в глагол¹⁷². Эти глаголы в предложении образуют составные сказуемые, выступающие как неделимые сочетания. Объясняется это тем, что в процессе дальнейшей модификации компоненты таких сочетаний становятся все более зависимыми друг от друга. Поэтому они утрачивают способность функционировать в предложении как его самостоятельные члены.

Примеры: 1. *Хар заманда манга къуллукъл этдигиз.* — «Вы все время служили мне» (М. М.); 2. *Ала тауусум этдиле.* — «Они договорились» (С. Ш.); 3. *Жулдуз ыразы болду.* — «Жулдуз стала довольной» (С. Ш.); 4. *Кюз кюн этеди мени уппа.* — «Осеннее солнце целует меня»

¹⁷² Современный казахский язык. Алма-Ата, изд. АН Каз. ССР, 1962, стр. 272.

(М. М.); 5 *Дауурдан кзырмагъыз!* — «Не шумите»; 6. *Тёгерекни дауургъа алдырдыла.* — «Кругом создали шум»; 7. *Сабий кзычырыкъдан кзырады.* — «Ребенок плачет».

Процесс, в результате которого отдельные члены предложения потеряли свою былую синтаксическую самостоятельность, и будучи неспособны употребляться как самостоятельные члены предложения, превратились в составную часть сказуемого, показывает изменение синтаксического строя языка.

Составное сказуемое, выражающее модальное значение

Составные сказуемые, наряду с сообщением о каком-нибудь явлении, процессе и т. д., выражают отношение говорящего к высказыванию. В современном карачаево-балкарском языке такое отношение в составе глагольных сказуемых передается модально-вспомогательными глаголами *болур, ушайды, де, кёрюнеди* и т. д. Перечисленные вспомогательные глаголы могут быть употреблены в составе составных сказуемых, выражающих различные этапы действия, в составе составных сказуемых, состоящих из глаголов аналитического типа: «имя+глагол», а также в составе инфинитивных сказуемых: 1. *Сен манга керекли китабны алыб келе кёреме.* «Оказывается, ты несешь нужную мне книгу»; 2. *Сиз устазланы сёзлерин жерге тюшюре болмазсыз.* — Букв.: «Наверное, вы слова учителей не роняете на землю»; 3. *Ол да анда ишлерге айлана кёреме* — «Оказывается, и он хочет работать там».

Имеют место и случаи их употребления после деепричастных, причастных форм глагола, а также после его личной формы: 1. *Жаун жауа кёреме.* -- «Оказывается, идет дождь»; 2. *Ингирге тохтарыкъ болур.* — «Наверное, к вечеру перестанет»; 3. *Тохтады ушайды да.* — «Ведь, кажется, уже перестал» и т. д.

Глагольное сказуемое с *болур* выражает предположение или сомнение говорящего. Поэтому данный модальный глагол употребляется только после основных глаголов в причастных, деепричастных формах, а также после инфинитива на *-ргъа (-рге)*: 1. *Аслан кеси да анга алгъыш этерге келе болур эди.* — «Наверное, Аслан и сам шел, чтобы поздравить его» (Б. Г.); 2. *Нартюх ёсдюрген жерибизни хар гектарындан а жюзюшер центнер тирлик аллык болурбуз.* — «А с каждого гектара тех земель, на которых нами выращена

кукуруза, видимо, получим по сто центнеров» (К. Ж.); 3. *Бюгюн анда кесини назмуларын Къайсын да окъургъа болур.* — «Может быть, сегодня там прочтет свои стихи и Кайсын».

Сказуемые, выраженные модальными формами с *кёреме*, употребляются только в форме первого лица единственного числа. В силу этого содержат субъективную оценку говорящего: 1. *Къайын ананг артыкъ бек да сюймей кёре эдим.* — «Оказывается, твоя тёща тебя не очень-то уважает» (С. Ш.); 2. *Кюн бата кёреме.* — «Оказывается, солнце садится»; 3. *Аны уа сен да билген кёреме.* — «Оказывается, это знал и ты».

Наличие подлежащего в таких предложениях — умозаключениях всегда обязательно. При этом, несмотря на то, что сказуемые их имеют форму только первого лица единственного числа, подлежащим при них может быть любое слово, которое имеет форму единственного или множественного числа, с аффиксами притяжательности какого-либо лица или без них. Ср.: 1. *Поезд келе кёреме.* — «Оказывается, поезд идет»; 2. *Поездим келе кёреме.* — «Оказывается, мой поезд идет»; 3. *Поезди келе кёреме.* — «Оказывается, его поезд идет»; 4. *Поездле келе кёреме.* — «Оказывается, поезда идут».

Как видно из примеров, сказуемое с *кёреме* выражает заключение говорящего, его убеждение в том, что действие совершается, совершилось или будет совершаться.

В отличие от *кёреме*, модальный глагол *ушайды* может изменяться по лицам и числам. Их объединяет то, что они оба сочетаются со всеми временными основами.

Сказуемые, имеющие в своем составе модальный глагол *ушайды*, выражают сомнение, предположение говорящего: 1. *Бу китабны сен жазгъан ушайса да?* — «Ведь, кажется, эту книгу написал ты?»; 2. *Бусагъатда, сен университетге бара ушайса.* — «Ведь, кажется, ты сейчас идешь в университет».

Такие сказуемые могут быть использованы и для выражения неожиданности обнаружения совершившегося факта. В данном случае они напоминают сказуемые с модальным глаголом *кёреме*. Ср.: 1. *Сен окъуб бошадынг кёреме.* — «Оказывается, ты уже прочел». 2. *Сен окъуб бошадынг ушайды.* — «Оказывается, ты же уже прочел».

В отличие от других сказуемых, имеющих в своем составе модальные глаголы, сказуемые с *де* характеризуются мно-

гообразием выражаемых ими модальных значений. Сочетаясь с личными формами основного глагола, *де* в модальной функции встречается в форме всех трех лиц единственного и множественного числа. Сказуемые, состоящие из таких конструкций, выражают отношение говорящего к высказываемому, его предположение, сомнение, неуверенность, его отношение к достоверности совершаемого действия и т. д.: 1. *Кюн бузулады дейме.* — «Кажется, погода начинает портиться»; 2. *Биз да анда иги болур дейбиз.* — «И нам кажется, что там лучше» и т. д.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ИМЕННЫХ СКАЗУЕМЫХ

Простое именное сказуемое

Простое именное сказуемое образуется путем присоединения к простым, производным и сложным именам личных аффиксов.

В роли простых именных сказуемых выступают имена существительные, прилагательные, местоимения, числительные, а также другие слова, употребляемые в значении имен. К последним относятся имена действия и причастия. Простые именное сказуемые употребляются в единственном и множественном числе: 1. *Бу юйдю.* — «Это дом», 2. *Ол агъачдан-ды.* — «Это сделано из дерева» или «Он идет из лесу»; 3. *Аны жюреги кечеча къарады.* — «Его сердце черно, как ночь» (М. М.); 4. *Сен къашхатаучуса.* — «Ты из Кашхатау» и т. д.

Простые именное сказуемые, употребляясь только в предложениях, относящихся к настоящему времени, показывают качественные, количественные и другие признаки подлежащего. Они в карачаево-балкарском языке, как правило, употребляются с аффиксами лица. Поэтому подлежащие при них могут быть опущены. Правда, в тех случаях, когда грамматическая функция простых именных сказуемых обусловлена их постпозитивным положением по отношению к подлежащему, они могут и не иметь показателей предикативности. Однако это явление не характерно для письменной речи.

Составное именное сказуемое

Сказуемое, состоящее из неразложимого по функции сочетания двух или более слов, называется составным. Такое сочетание может состоять из сочетания двух или более знаме-

нательных слов, из сочетания одного знаменательного и служебного слова или из сочетания двух или более знаменательных слов со служебным словом.

Слова, входящие в состав такого именного сказуемого, всегда бывают тесно связанными между собой по смыслу и синтаксически. Поэтому составные именные сказуемые составляют неразложимые по функции сочетания двух или более слов. Эти сочетания могут быть именными (качественными, количественными и др.) Например: 1. *Ол сёз терен ма-гъаналы сёздю.* — «Это слово является словом, имеющим глубокий смысл» (С. Ш.); 2. *Жерни кючю, Ленин, сени ишингдеди.* — «Сила земли, Ленин, в твоём деле» (И. Б.); 3. *Тамбла ишлерикле алты адам боладыла.* — «Тех, которые должны работать завтра, шестеро» (К. Ж.); 4. *Ол кё-гюрчюн туюлдю.* — «Это не голубь».

Как показывают факты, составные именные сказуемые по способу сочетания их компонентов и по составу условно могут быть разделены на две большие группы:

1. Составные именные сказуемые, выраженные сочетанием двух или более знаменательных слов.

2. Составные именные сказуемые, выраженные сочетанием самостоятельного и служебного слова.

Составные именные сказуемые, выраженные сочетанием двух или более знаменательных слов

Состав таких сказуемых бывает различным. Они могут состоять из имен существительных, прилагательных, местоимений, числительных, сочетающихся с существительными или с другими именами. Слова, входящие в состав данных сказуемых, сочетаются друг с другом различными видами синтаксической связи.

В карачаево-балкарском языке имена, входящие в состав функционально-составных сказуемых, могут стоять, кроме основной, еще в притяжательных, падежных (пространственных) формах. Независимо от того, в какой из этих форм стоят они, составные именные сказуемые обычно имеют лично-предикативные аффиксы.

Неделимые по функции комплексы слов, функционирующие в качестве составного именного сказуемого, по своему составу очень разнообразны.

Остановимся на основных из них.

а) Составные именные сказуемые могут выражаться словосочетаниями, состоящими из слов, связанных между собой изафетной связью. При этом последние имена в составе таких сказуемых могут употребляться в падежных (пространственных) формах: 1. *Былайдан кёрюннгенле Кавказ тауларыдыла*; 2. *Мен нартох бахчаны жырындама* (М. М.); 3. *Келген Даулет кзатыныды*. 4. *Бу терекчи бутакгыды*. — «Это ветка дерева». 5. *Он жыйырмань жартысыды*.

В состав составных сказуемых, выраженных сочетаниями слов, связанных между собой изафетной связью, может входить слово *кибик*: *Ала уллу тереклени бутакълары кибикдиле*. — «Они как ветки большого дерева» (Зали).

В их составе могут быть также местоимения *кесим*, *кесинг*, *кеси*: *Тепсеген Жулдуз кызы кесиди*. — «Та, что танцует, является сама дочерью Жулдуз».

б) Составные именные сказуемые, выраженные словосочетаниями, состоящими из слов, связанных между собой путем примыкания: 1. *Сабийле бизни жарыкъ кзууанчыбыздыла*. — «Дети — наша светлая радость»; 2. *Ала бизни тамблаггы кюнубюздюле*. «Они — наше будущее»; 3. *Ала башха иштегиледиле*. — «Они являются теми, кто находится на другой работе».

в) Составные именные сказуемые, выраженные знаменательными словами, которые связаны между собой путем управления: *Бусагъатда бизни баи ишибиз маллагъа баггыуду*. — «Сейчас наша главная задача заключается в том, чтобы откармливать скот» (К. Ж.). Ср.: *Бизни борчубуз маллагъа ахшы баггыуду*. — «Наша задача заключается в том, чтобы хорошо откармливать скот».

К данному типу сложных именных сказуемых относятся и составные сказуемые, состоящие из сложных наименований и аббревиатур. Например: 1. *Ол оноуну этген республикабызны Баш Советини Президиумуду*. — «Принявшим это решение является Президиум Верховного Совета нашей республики»; 2. *Битеу дуняны урунганларыны бек суйген партиялары КПСС-ди*. — «Самой любимой партией трудящихся мира является КПСС».

В данной группе сложных именных сказуемых, как и в

именном простом сказуемом, показателями предикативности являются личные аффиксы. Следовательно, такие сказуемые, как и простые именные сказуемые, употребляются в предложениях, относящихся к настоящему времени.

СОСТАВНЫЕ ИМЕННЫЕ СКАЗУЕМЫЕ, ВЫРАЖЕННЫЕ СОЧЕТАНИЕМ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО И СЛУЖЕБНОГО СЛОВА

Составные именные сказуемые, выраженные сочетанием имени с вспомогательным глаголом

Составные именные сказуемые очень часто выражаются сочетанием имени с вспомогательным глаголом. Вещественное значение такого сказуемого всегда передается именем. Вспомогательные же глаголы, которые делают его составным, являются носителями формантов предикативности. Приведем пример: *Сен устазса* — «Ты учитель», здесь сообщение оформлено в настоящем времени, а с формой будущего времени вспомогательного глагола (*Сен устаз боллукъса*) тот же факт сообщается будущим временем. Если же составное именное сказуемое будет образовано при помощи *эди* (*Сен устаз эдинг*), то факт сообщается прошедшим временем. К такому сказуемому можно прибавить еще и модальный глагол. При этом наше сообщение обязательно приобретет другой оттенок: *Сен устаз эдинг дейме*. — «Кажется, ты был учителем». *Сен устаз эдинг ушайды*. — «Ведь ты же, кажется, был учителем». Ср.: *Сен устаз ушайса*. — «Кажется, ты учитель».

Такие факты показывают, что в карачаево-балкарском языке вспомогательные глаголы в составе именного сказуемого имеют временное и модальное значение.

В качестве вспомогательных и модально-вспомогательных глаголов чаще всего употребляются слова *эди*, *бол*, *эт*; *туйюлдю*, *болур* (*болур дейме*), *дейме*, *ушайды*, *кёреме* и т. д.

а) Вспомогательный глагол *эди* используется для образования прошедшего времени именного сказуемого: 1. *Анга аны айтхан да Сафар эдв*. — «И тем, кто сказал ему это, был Сафар» (С. Хоч.); 2. *Бизни колхоз ол кезиуде къарыусуз эди*. — «Наш колхоз в то время был слабым» (К. Ж.).

Эди в устной речи (принимая аффиксы **-м -нг, -к**) нередко употребляется в усеченных формах *эм, энг, эк*. Другой его особенностью является то, что он в составе именного (а также глагольного) сказуемого может быть употреблен после модального глагола. В этом случае особенно ярко проявляется основная синтаксическая функция слова *эди*, заключающаяся в образовании прошедшего времени сказуемого. Например: 1. *Ол ат болур эди*. — «Наверное, это был конь»; 2. *Ол ат ушай эди*. — «Оказывается, это был конь»; 3. *Ол ат кёре эдим*. — «Ведь, оказывается, это был конь».

б) Основным компонентом составных именных сказуемых с вспомогательным глаголом *бол*, имеющим формы *болады, бол-лукъду, болгъанды, болайыкъ*, могут служить имя существительное, местоимение, числительное и прилагательное: 1. *Энди ол да адам болду*. — «Теперь и он стал человеком»; 2. *Бюгюнден ары шуёхла болайыкъ*. — «Давайте, с сегодняшнего дня станем друзьями» (М. Ж.); 3. *Артада сени жашауунг жарыкъ болду*. — «После твоя жизнь стала светлой» (М. М.).

В именных сказуемых, выраженных именами на **-ча, бол** употребляется в значении уподобления, сравнения: 1. *Мен да сенича болдум*. — «Я тоже стал как ты», «Со мной случилось то же самое, что и с тобой»; 2. *Жер тебгенча болду*. — «Как будто бы случилось землетрясение». Именное сказуемое, выраженное конструкцией типа «имя на **-лай (-лей) + болгъун**, выражает проклятье, пожелание зла: *Атанглай болгъун*. — «Пусть тебя постигнет та же участь, что и твоего отца».

Вспомогательный глагол *бол* в форме *болур* в составе именного сказуемого выражает предположение говорящего. То же модальное значение выражается сочетанием *болургъа болур*.

в) Вспомогательный глагол *эт* в составе именного сказуемого обозначает действие или состояние. В большинстве случаев в качестве основного компонента именного сказуемого с вспомогательным глаголом *эт* выступают имена в винительном падеже.

Эт нередко образует составное сказуемое с числительными: 1. *Биз аны да эки этдик*. — «Мы и это поделили пополам»; 2. *Тыякъ юч этилди*. — «Палка сломана на три части».

Встречаются предложения и со сказуемыми, состоящими из сочетания прилагательного и вспомогательного глагола *эт*.

г) В образовании именного сказуемого особое место занимает служебное слово *тьююл*, которое служит для оформления отрицательных предложений. Слово «*тьююл*» либо отрицает положительные признаки подлежащего, выраженные в именной части сказуемого, либо превращает отрицательные качества в положительные: 1. *Ишчи кьолларынэ сыйдам тьююлдюле*. — «Твоя рабочие руки не нежны» (М. М.); 2. *Аллай адам аз тьююлдю*. — «Таких людей немало» (С. Хоч.).

Первый пример как по форме, так и по смыслу является положительным, а второй по форме является отрицательным, а по смыслу — положительными. Иначе говоря, если служебным словом *тьююл* отрицается положительное качество, то оно воспринимается как отрицательное, если же им отрицается отрицательное качество, то оно воспринимается как положительное.

Модально-составные именные сказуемые

Особую разновидность сложных именных сказуемых составляют сказуемые, в составе которых имеются модально-вспомогательные глаголы.

Имена, функционирующие в роли сказуемого, сочетаются со словами *болур*, *дейме*, *ушайды* и т. д., благодаря которым образуются аналитические формы сказуемости и выражаются дополнительные модальные оттенки: 1. *Сен студент болурса*. — «Наверное, ты студент»; 2. *Эгечинг да студент болур эди дейме*. — «Кажется, и твоя сестра была студенткой».

Как было отмечено, эти слова могут входить не только в состав сказуемого, состоящего из одного имени, но и в состав сказуемого, состоящего из нескольких имен, а иногда и в состав сказуемого, состоящего из сочетания имени с вспомогательным глаголом: 1. *Тамбла байрам кюн ушайды*. «Оказывается, завтра праздничный день»; 2. *Ол Аслан кьызындан туугьан болур эди*. — «Наверное, он был сыном дочери Аслана» (С. Ш.); 3. *Ол кезиуде сен бригадир кьере эдим*. — «В то время, оказывается, ты был бригадиром».

Послеложно-составные именные сказуемые

В карачаево-балкарском языке составное сказуемое может образоваться и при помощи послелогов. Слова, выступающие в роли именного сказуемого, сочетаются с послелогам. Такие сказуемые называются послеложно-составными именными сказуемыми. 1. *Мен аэрофлот табам.* «Я иду к аэрофлоту»; 2. *Сагъышым билет алыуну юсюнденди.* — Букв.: «Думы мои о покупке билета».

Как отмечает А. Джапаров, к этой же группе можно отнести сказуемые, выраженные сочетанием числительных со словами *чакъллы, кёб, аз* и т. д.¹⁷³. 1. *Биз ондан аслам-быз.* — «Нас более десяти человек»; 2. *Бизни колхозда къойланы саны он мингге жууукъду.* — «В нашем колхозе количество овец доходит до десяти тысяч».

Словообразовательные составные именные сказуемые

В карачаево-балкарском языке встречаются сказуемые, состоящие из препозитивного сочетания усилительных частиц с именами. Вещественное значение таких сказуемых выражается последними. Частицы находятся в таких сказуемых в препозиции и придают именам новое лексическое значение. Тем самым этот вид сочетаний приближается к словосложению. Так, например, превосходная степень прилагательных типа *бийик* (высокий), *алаша* (низкий), *батыр* (храбрый) и т. д. образуется только при помощи препозитивной частицы *бек* (очень): 1. *Мен бек бийикме.* — «Я очень высок»; 2. *Нартла бек батырла болгъандыла.* «Нарты были очень храбрыми».

Такие факты говорят о том, что данный вид словосочетаний можно рассматривать как одну из форм словообразования. Поэтому сказуемые, выраженные ими, целесообразно называть словообразовательными.

Словообразовательные составные сказуемые образуются путем препозитивного сочетания полностью грамматикализованных (и функциональных) частиц с именами. К ним относятся частицы *бек, эм, бираз, бир кесек, аман, асыры* и т. д.: 1. *Бюгюн кюн бек ассиди.* — «Сегодня день очень жаркий» (*К. Ж.*); 2. *Аны романы ол китабланы эм игиси-*

¹⁷³ А. Джапаров. Указ. работа, стр. 224.

ди. — «Его роман среди этих книг является самым лучшим»; 3. *Саусуз алыкъа бир кесек къарыусузду.* — «Большой пока немного слаб» (О. Э.); 4. *Ола аман огъурсузду.* — «Он-то очень злой».

О развернутом сказуемом

В карачаево-балкарском языке нередко встречаются предложения со сказуемыми, выраженными конструкциями типа *мен кёрген, мен кёрлюк*. В нормативной грамматике такие сказуемые рассматриваются вместе с другими именными сказуемыми, выраженными словосочетаниями¹⁷⁴. О них говорится и в указанной работе У. Б. Алиева, посвященной главным членам предложения. Однако У. Б. Алиев относит их к предложениям. В этой связи он пишет: «Для выражения сказуемого при помощи предложения у последнего отсекается предикативный аффикс и присоединяется предикативный аффикс нового подлежащего. *Бу китаб мен окъуганды.* — «Эта книга, которую я читал». Сказуемое в этом предложении выражено предложением *Мен окъуганма*. Для этого у этого предложения отсечено окончание *-ма*, являющееся предикативным аффиксом, соответствующим подлежащему *мен*, и вместо него присоединено окончание *-ды*, являющееся предикативным аффиксом третьего лица, соответствующим подлежащему *китаб*»¹⁷⁵.

На наш взгляд, это мнение является ошибочным, потому что в обороте *мен окъуган* нет никаких признаков предложения. Перед нами особое словосочетание, которое здесь выступает в роли одного члена предложения — развернутого сказуемого, подлежащим при котором выступает словосочетание *бу китаб*.

Как уже отмечалось в разделе о развернутом подлежащем, чтобы словосочетание *мен окъуган* стало предложением, оно должно произноситься с необходимой для этого интонацией. Тогда синтаксическая функция сказуемого *окъуган* будет обусловлена его постпозитивным положением по отношению к подлежащему. Например, предложение *Сен — окъутхан, мен — окъуган* — букв.: «Ты — обучавший, я — учивший-

¹⁷⁴ Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, КБНИИ, Нальчик, 1966, стр. 284.

¹⁷⁵ У. Б. Алиев. Главные члены... В сб. «В помощь учителю балкарской школы», Нальчик, 1962, стр. 53—54.

ся» является сложным. Словосочетание *мен окъугъан* в его составе выступает в роли простого предложения. Оно отличается от предложения *Мен къойчу* из состава сложного предложения *Сен — ишчи, мен — къойчу* только тем, что его сказуемое выражено причастием *окъугъан*, а сказуемое второго предложения — именем существительным *къойчу*.

Но *мен окъугъан* в состав высказывания *Бу китаб мен окъугъанды* включается не как предложение, а как сказуемое.

С изменением числа подлежащих предложения *Мен — окъутхан, сен — окъугъан* изменяется число и его сказуемых *биз — окъутханла, сиз — окугъанла*. А с изменением числа слова *мен* в обороте *мен окъугъанды* находящегося в составе предложения *Бу китаб мен окъугъанды*, число слова *окъугъанды* не изменяется: *Бу китаб биз окъугъанды*. Однако ср.: *Бу китабла мен окъугъанладыла*. Такие факты показывают, что слово *мен* здесь никак не может считаться грамматическим подлежащим, стало быть, оборот *мен окъугъан* выступает не в функции предложения, а в функции отдельного члена предложения.

Согласно утверждениям исследователей, рассматривающих указанные причастные обороты как предложения, высказывание *Сен окъугъан мен окъугъанды* является сложным. По их мнению, таким же является и предложение *Бу китаб мен окъугъанды*.

Они считают, что второе высказывание состоит из следующих двух предложений: 1. *Бу китаб мен окъугъанды* и *Мен окъугъан*. Если это верно, то можно допустить, что первый наш пример состоит из трех предложений: 1. *Сен окъугъан мен окъугъанды*. 2. *Сен окъугъан* и 3. *Мен окъугъанды*. С этим, конечно, невозможно согласиться. Нам кажется, что предложение *Мен окъугъан сен окъугъанды* также является простым, подлежащее и сказуемое которого являются развернутыми.

Однородные сказуемые

В одном и том же предложении могут иметь место несколько одинаковых сказуемых, выполняющих тождественные синтаксические функции. Такие сказуемые называются однородными. Однородные сказуемые подчиняются одному и тому же подлежащему или группе однородных подлежащих.

Как известно, внешними средствами выражения однородности являются интонации перечисления и соединительные

союзы. Наличие интонации перечисления всегда является обязательным. Союзы же не являются обязательным средством выражения однородности.

Обычно однородные сказуемые выражаются одинаковыми частями речи, имеющими одну и ту же грамматическую форму. Но они могут быть выражены и словами из различных частей речи в различных формах. Поэтому при определении однородных сказуемых нельзя руководствоваться тем, что они отвечают на один и тот же вопрос, как это делается в школьной грамматике¹⁷⁶. Однородные сказуемые, выраженные, например, разными частями речи или даже разными временными формами какого-либо глагола, отвечают на различные вопросы. Так, в предложениях: 1. *Сен бюгюн жарыкъса, теңсейсе.* — «Ты сегодня весел, танцуешь». 2. *Мен лётчик болгъанма, кёкде учханма.* — «Я стал летчиком, летал в небе» (М. М.) сказуемые *жарыкъса, теңсейсе* и *лётчик болгъанма, учханма* являются однородными, но отвечают на различные вопросы, потому что выражены разными частями речи. Однородными могут быть такие сказуемые, которым свойственна общность лица, числа и наклонения: *Сабан сюрөбиз, журтла къурайбыз, мал ёсдюрөбиз таулада.* «Нашем землю, строим дома, скот содержим в горах» (М. М.).

Во временном же отношении они могут различаться: 1. *Сен бизге келдинг, мындан ары да келе турлукъса.* — «Ты приехал к нам и в дальнейшем будешь приезжать» (О. Э.); 2. *Жаш кёб турмай келликди, вокзалгъа кетгенди.* — «Сын сейчас придет, ушел на вокзал».

Однородными могут быть:

1. Глагольные сказуемые. В зависимости от формы глагола и значения союзов они могут выражать одновременность действий, их временную последовательность и т. д. Например: 1. *Ол кезиуде мен терезеден къарайма не да, зшикге чыгъыб, бир зат бла жубанама.* — «В это время я смотрю в окно или выхожу во двор и занимаюсь чем-нибудь» (Б. Г.); 2. *Суукъ болсанг, терисин юсюнге къабла да, жукъла.* — «Если замерзнешь, накинь на себя его шкуру и спи» (Э. Г.); 3. *Арысагъа жатарбыз, солурбуз.* — «А если устанем, ляжем и отдохнем» (К. К.); 4. *Кюнню кёзю бир*

---

¹⁷⁶ У. Б. Алиев, М. Т. Жабоев. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, синтаксис, Нальчик, 1965, стр. 53. См. также: У. Б. Алиев. Малкъар тилни грамматикасы, II кесек, синтаксис. Нальчик, 1958, стр. 79.

ачылады, бир булутла артына бугъады— «Солнце то показывается, то скрывается за облака» (К. Ж.).

Однородные сказуемые со значением последовательно или параллельно совершающегося действия часто выражаются (за исключением последнего действия) деепричастием на **-ыб (-иб)** и отделяются запятыми. Например: 1. *Ол заманда биз шахаргъа жыяулай барыб, андан да жыяулай къайытыб тургъанбыз.* — «В те времена мы ходили в город и возвращались пешком»; 2. *Сен къуру да аны бла бир туюшуб, бир жарашыб тура кёреме.* — «Оказывается, ты все время с ним то ссоришься, то мирисься» (О. Э.).

Такие однородные сказуемые имеют общий вспомогательный глагол, как правило, следующий за последним сказуемым. Например: *Ол колхозда ахшы ишлеб ингир школда жетишимли окзуб турады.* — «Он хорошо работает в колхозе и успешно учится в вечерней школе» (К. Ж.). В этом примере вспомогательный глагол *тур* в личной форме одинаково относится и к сказуемому *ишлеб (ишлеб турады)* и к сказуемому *окзуб (окзуб турады)*. Если скажем: *Ол колхозда ахшы ишлеб, ингир школда жетишимли окзуб, общественноу ишге да къатышыб турады.* — «Он хорошо работает в колхозе, успешно учится в вечерней школе, участвует в общественной работе», то в этом предложении мы будем иметь три однородных сказуемых: два из них в деепричастной форме — *ишлеб, окзуб*, и одно составное — *къатышыб турады*. Но вспомогательный глагол одновременно относится и к сказуемым *ишлеб* и *окзуб*.

То же самое можно сказать и об однородных сказуемых, в функции которых выступают инфинитивные формы глагола на **-рга (-рге)**. Например: *Ол орта школну бошаргъа, институтха кирирге, аны да ахшы окзуб бошаргъа кюрешеди.* — «Он старается окончить среднюю школу, поступить в институт и успешно окончить его».

Общий вспомогательный глагол могут иметь также и однородные сказуемые, выраженные деепричастиями на **-а (-е, -й), лай (-лей)**: 1. *Бир жырлай, бир тепсей турадыла.* — «То поют, то танцуют»; 2. *Больницагъа кезиунде баралмай, ауругъанна кёралмай квалдым.* — «Я не сумел вовремя сходить в больницу и проведать больного».

Однородные глагольные сказуемые могут различаться как по аспекту (положительному и отрицательному), так и по залогам: 1. *Ол заманда узакъда квалдым, кишиге да болушалмадым.* — «Я в то время находился вдали и никому

не мог помочь»; 2. *Артдаракъда келдим*, алай биригизни да *табмадым*. — «Чуть позже приехал, но никого из вас не нашёл»; 3. *Бизни гёжефибиз эришуледе кёбле бла тутуш-ханды эм кёблени хорлагъанды*. — «Наш борец на соревнованиях боролся со многими и победил многих».

2. **Именные сказуемые.** Однородными могут быть также и именные сказуемые. Наиболее употребительными являются однородные именные сказуемые, выраженные существительными и прилагательными. Например: 1. *Мюлкюбюзню баш байлыгъы жерчиликди, малчылыкъды*. «Главными отраслями нашего хозяйства являются растениеводство и скотоводство»; 2. *Ол саулукълуду эм къварыулуду*. — «Он здоров и силен».

Небезынтересно отметить, что однородные именные сказуемые, как и однородные глагольные, могут иметь общий для всех вспомогательный глагол. Например, в предложении *Бизни таулада ёсген гюлле къызылла, акъла, сарыла болуучудула*. — «Цветы, растущие в наших горах, обычно бывают красные, белые и желтые» однородные сказуемые выражены словами *къызылла, акъла* и *сарыла*, для которых вспомогательный глагол *болуучудула* является общим. Возможен и такой вариант: *Бизни таулада ёсген гюлле къызылла, акъла, сарыладыла*. — «Цветы, растущие в наших горах, являются красными, белыми и жёлтыми». В отличие от первого случая, здесь указанные однородные именные сказуемые имеют общий показатель предикативности, которым оформлено лишь только последнее из них (*сарыладыла*).

Так же обстоит дело и с однородными сказуемыми, выраженными другими именными частями речи. Например, в предложении *Окъургъа суйгенле сизсиз эм бизбиз*. — «Желающими учиться являемся вы и мы» однородные сказуемые выражены местоимениями *сиз* — «вы» и *биз* — «мы». В данном случае они оба имеют аффикс предикативности. Однако данное предложение может употребляться и в таком виде: *Окъургъа суйгенле сиз эм бизбиз*. Или: *Окъургъа суйгенле сиз эм биз болгъанбыз*. — «Желающими учиться были мы и вы».

Отсюда видно, что в карачаево-балкарском языке аффиксом предикативности оформляются в одних случаях все однородные именные сказуемые, а в других случаях — только последнее из них. Это в основном относится к простым именным сказуемым. В том же случае, когда однородные именные сказуемые являются составными (имя+служебное слово), слу-

жебное слово может быть употреблено после каждого из них или только после последнего сказуемого: 1. *Ол кьарт болгъанды, кьарыусуз болгъанды.* — «Он постарел, ослаб»; 2. *Ол кьарт, кьарыусуз болгъанды.* — «Он постарел, ослаб».

Язык всегда стремится к выражению мысли в самой сжатой форме¹⁷⁷. На наш взгляд, такое употребление однородных членов предложения, т. е. однородных сказуемых, имеющих общий вспомогательный глагол, являющийся носителем форманта предикативности, или общий предикативный аффикс, является именно способом выражения мысли в сжатой форме. Это явление присуще не только карачаево-балкарскому языку, но и другим тюркским языкам¹⁷⁸. То же самое наблюдается, например, и в русском языке, в котором однородными могут быть «именные сказуемые или именные части составных сказуемых. Например: **Высок, строен, красив** бывает клен. В комнате **было тихо, темно** и очень душно (Чех.)»¹⁷⁹.

Однородные именные сказуемые в карачаево-балкарском языке соединяются между собой интонацией перечисления или при помощи союзов *эм, бир-бир, не-не* и др.

3. В карачаево-балкарском языке возможен и смешанный тип однородных сказуемых, когда в одном и том же предложении употребляется как глагольное, так и именное сказуемое. Например: 1. *Алыкъа кетмегенди, юйдеди.* «Еще не ушел, находится дома» (О. Э.); 2. *Ахшы окъугъуз, билимли болугъуз.* — «Учитесь хорошо, становитесь грамотными»; 3. *Сизни барыгъызгъа да окъургъа, хар нени да билирге, хилкъгъа хайырлы болургъа керекди.* «Вы все должны учиться, все знать и быть полезными народу».

Нередко встречаются предложения, в которых имеются однородные подлежащие и однородные сказуемые: *Салих бла ол шуёхладыла, школгъа да бирге жюрюйдюле, ахшы окъуйдула, ариу кьылыкьлыладыла.* — «Салих и он являются друзьями, в школу ходят вместе, учатся хорошо, являются дисциплинированными» (К. Ж.).

---

¹⁷⁷ А. Ж. Будаев. Система фонем современного карачаево-балкарского языка (канд. дисс.). Нальчик, 1967, стр. 117; А. Маргине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 63.

¹⁷⁸ Грамматика казахского языка, ч. II. Алма-Ата, изд-во «Наука» Казахской ССР (на казахск. яз.), стр. 98.

¹⁷⁹ Современный русский язык. Синтаксис. Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. Изд-во МГУ, 1957, стр. 245.

Таким образом, сказуемые, связанные между собой союзами или интонацией и относящиеся к одному подлежащему или группе подлежащих, называются однородными. Однородными могут быть простые и составные глагольные, и простые и составные именные сказуемые. Для однородных сказуемых обязательна общность лица, числа и склонения. Однако они могут различаться по аспекту (положительному, отрицательному), в залоговом и временном отношениях. Однородные сказуемые часто имеют общий для всех вспомогательный глагол, который стоит после последнего сказуемого, или общий предикативный аффикс, присоединяемый к последнему сказуемому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев А. З. Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке (автореферат докт. дисс.), Баку, 1963.
2. Абдуллаев А. З. К эволюции синтаксического строя тюркских языков. Ученые записки Азербайджанского госуниверситета им. С. М. Кирова, 1, 1967.
3. Абдуллаев А. З. Обособление в современном азербайджанском языке (автореферат канд. дисс.), Баку, 1953.
4. Аванесов Р. И. Второстепенные члены предложения как грамматическая категория. «Русский язык в школе», 1936, № 4.
5. Агазаде Н. Г. К вопросу о категории наклонения и модальности в современном азербайджанском языке. Изд. АН Азерб. ССР, Баку, 1965.
6. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.—Л., изд-во «Наука», 1964.
7. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955.
8. Алиев У. Д. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Крайнацидат, 1930.
9. Алиев У. Б. Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка. В сб. «Родной язык и литература в кабардинской и балкарской школе». Нальчик, 1967.
10. Алиев У. Б. Залог в глаголе русского и балкарского языков. Ученые записки КБГУ, вып. 9, Нальчик, 1960.
11. Алиев У. Б. Вопросы сложного предложения в русском и тюркском языках, ч. I, Черкесск, 1959.
12. Алиев У. Б. Вопросы сложного предложения в русском и тюркском языках, ч. II. Нальчик, 1959.
13. Алиев У. Б., Жабоев М. Т. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, синтаксис. Нальчик, 1965.
14. Алиев У. Б. Причастие карачаево-балкарского языка. «Ученые записки Кабардино-Балкарского госуниверситета», вып. 4, Нальчик, 1958.
15. Алиев У. Б. Главные члены предложения и средства их выражения... «В помощь учителю балкарской школы». Четвертый сборник методических статей. Нальчик, 1962.
16. Алиев У. Б. Слово и части речи. Уч. зап. КБГУ, вып. 7., Нальчик, 1960.

17. Алнев У. Б. Малкъар тилин грамматикасы, I кесек. Нальчик, 1958.
18. Алпаров Г. Сайланма хазметлар. Казань, 1945.
19. Ардентов Б. П. Мысль и язык. Кишинев, 1965.
20. Античные теории языка и стиля. М.—Л., Огиз, 1936.
21. Аппаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.
22. Ахманова О. С., Микаэлян П. Б. Современные синтаксические теории. Изд-во МГУ, 1963.
23. Ахманова О. С. Словосочетание. Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.
24. Ахмеров К. З. Исследования по синтаксису башкирского языка. Уфа, 1962.
25. Баскаков Н. А. Предложение и словосочетание в тюркских языках. «Вопросы составления относительных грамматик». М., 1961.
26. Баскаков Н. А. Простое предложение в каракалпакском языке. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III, синтаксис. М., изд-во АН СССР, 1961.
27. Баскаков Н. А. Система спряжения и изменения слов по лицам в языках тюркской группы. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., изд-во АН СССР, 1956.
28. Баскаков Н. А. Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. М., 1961.
29. Баскаков Н. А. Составные глаголы в каракалпакском языке. Сб. «Вопросы изучения языков Средней Азии и Казахстана...». Ташкент, 1952.
30. Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., изд-во АН СССР, 1940.
31. Балакаев М. Б. Современный казахский язык, синтаксис. Алма-Ата, 1959.
32. Балакаев М., Кордобаев Т. Грамматика современного казахского языка, синтаксис. Алма-Ата, 1961. (На казах. яз.).
33. Балакаев М. Б. Комбинированное управление в казахском языке. Тюркологический сборник С. Е. Молову. М.—Л., 1951.
34. Балакаев М. Б. Типы именных словосочетаний в казахском языке. ВЯ, 1956, № 2.
35. Батманов И. А. Части речи в киргизском языке. ВЯ, 1955, № 2.
36. Бауэр Я. К развитию относительных придаточных предложений в славянских языках. ВЯ, 1967, № 5.
37. Байрамжова З. Х. Методика изучения синтаксиса простого предложения карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.
38. Байрамкулов А. М. Къарачай тилде къош айтым. Труды КЧГПИ, вып. 3. Нальчик, 1960.

39. Бертагаев Т. А. Субъект и подлежащее. ВЯ, 1958, № 5.
40. Боровков А. К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.
41. Боровков А. К. Карачаево-балкарский язык. Яфетический сборник, 7, Л., 1932.
42. Боровков А. К. Очерки карачаево-балкарской грамматики. Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. 1, М.—Л., 1935.
43. Будагова З. И. Простое предложение в современном азербайджанском языке (автореферат докт. дисс.). Баку, 1963.
44. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965.
45. Бозиев А. Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965.
46. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952.
47. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка М., 1959.
48. Вейхман Г. А. О двусоставных безглагольных предложениях. ВЯ, 1967, № 3.
49. Виноградов В. В. Русский язык, грамматическое учение о слове. М., 1947.
50. Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка). ВЯ, 1954, № 1.
51. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). «Вопросы грамматического строя», М., изд.-во АН СССР, 1955.
52. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды института русского языка», т. 2, М.—Л., 1950.
53. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». Под редакцией В. В. Виноградова, М., Учпедгиз, 1950.
54. «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР». Уфа, 1958.
55. Гаджиева Н. З. Типы придаточных предложений в современном азербайджанском языке (автореферат канд. дисс.). М., 1951.
56. Гаджиева Н. З. Придаточные предложения в азербайджанском языке. «Исследования по сравн. грамматике тюркских языков», ч. III, М., 1961.
57. Галкина-Федорук Е. М. и др. Современный русский язык. М., 1958.
58. Галкина-Федорук Е. М. Суждение и предложение. Изд. МГУ, 1956.
59. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
60. Грамматика русского языка, т. 1. Изд. АН СССР, 1952.
61. Грамматика современного русского языка, ч. II. АН СССР, М. 1960.

62. Грамматика азербайджанского языка, ч. II. Синтаксис. Изд. АН Азерб. ССР, Баку, 1959.
63. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык, ч. II. М., 1958.
64. Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка. М., 1928.
65. Джакубов И. Д. Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского литературного языка (автореферат докт. дисс.). Фрунзе, 1966.
66. Джапаров А. Главные члены предложения в современном киргизском языке. Фрунзе, 1964.
67. Джавадов А. М. Безличные предложения в современном азербайджанском языке. Баку, 1956.
68. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
69. Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941.
70. Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
71. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940.
72. Закиев М. З. Сказуемое в современном татарском литературном языке (автореферат канд. дисс.) Казань, 1954.
73. Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
74. Караулов Н. А. Краткий очерк горского языка «болкар». «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 42, Тифлис, 1912.
75. Казем-Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
76. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Къабарты-малкъар илму-излем институт, Нальчик, 1966.
77. Катаринский В. В. Грамматика киргизского языка. Оренбург, 1906.
78. Клеменевич З. Строение подлежащего и сказуемого в польском простом предложении. ВЯ, 67, № 5.
79. Колшанский Г. В. О содержании языковой категории модальности. ВЯ, 1961, № 1.
80. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
81. Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. Тюркологический сборник, I. М.—Л., 1951.
82. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
83. Кротевич Е. В. О связях слов в словосочетании и в предложении. «Русский язык в школе», 1958, № 6.
84. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

85. Колшанский П. В. Логика и структура языка. М., 1965.
86. Карданов Б. М. Глагольное сказуемое в кабардинском языке: Нальчик, 1957.
87. Киприянов В. Ф. Нечленимые предложения в русском языке как особый структурный тип простого предложения. «Русский язык в школе», 1961, № 5.
88. Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения. ВЯ, 1956, № 5.
89. Лосев А. Ф. Логическая характеристика методов структуральной типологии. ВЯ, 1967, № 1.
90. Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II. СПб., 1897.
91. Мещанинов И. И. Структура предложения. М.—Л., 1963.
92. Мещанинов И. И. Примыкание в различных синтаксических системах. ВЯ, 1967, № 3.
93. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. М., 1956.
94. Мураталиев М. и Турсунов А. Члены предложения в киргизском языке (на кирг. языке). Институт филологии АН Кирг. ССР, Фрунзе, 1961.
95. Муратов Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.
96. Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. М., изд-во «Наука», 1964.
97. Насимов В. М. Грамматика уйгурского языка. М.—Л., 1940.
98. Омаров Е. О местоименных приставках в казахском языке. «Труды Казах. ин-та нац. культуры», т. 1, 1935.
99. Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., изд-во «Наука», 1964.
100. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е. М., 1938.
101. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1888.
102. Рагимов М. Ш. История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке (автореферат докт. дисс.). Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1966.
103. Распопов И. П. К вопросу о предикативности. ВЯ, 1958, № 5.
104. Руднев А. Г. Синтаксис простого предложения. М., 1960.
105. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. Учпедгиз, М., 1959.
106. Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. 1941.
107. Сартбаев К. К. Основные вопросы синтаксиса сложного предложения в современном киргизском языке (автореферат докт. дисс.). М., 1953.

108. Сауранбаев Н. Т. Семантика и функции деепричастий в казахском языке. Алма-Ата, 1944.
109. Самойлович А. Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Петроград, 1916.
110. Сафаев А. С. Главные члены простого предложения в современном узбекском языке (автореферат канд. дисс.). Изд. САГУ, Ташкент, 1958.
111. Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках. В кн.: «Вопросы грамматического строя». М., изд-во АН СССР, 1955.
112. Севортян Э. В. Категория сказуемости. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, Морфология. М., 1956.
113. Севортян Э. В. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. М., изд-во АН СССР, 1961.
114. Севортян Э. В. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III, М., 1961.
115. Севортян Э. В. Словообразование в тюркских языках. В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956.
116. Сеидов Ю. М. Словосочетания в азербайджанском языке (автореферат докт. дисс.), Баку, 1965.
117. Сизова А. И. Что такое синтаксис. М., изд-во «Наука», 1966.
118. Современный казахский язык. Алма-Ата, изд-во АН Каз. СССР, 1962.
119. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове. В сб.: «Вопросы грамматического строя», М., изд-во АН СССР, 1955.
120. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.
121. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
122. Смирницкий А. И. К вопросу о слове. «Вопросы теории и истории языка в свете...» М., изд-во АН СССР, 1952.
123. Тагызаде З. Х. Синтаксис азербайджанского языка. Баку, 1960. (На азербайдж. языке.)
124. Тулегенов У. С. Выражение сказуемого и его основные типы в простом личном предложении современного казахского языка (автореферат канд. дисс.). Алма-Ата, 1952.
125. Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. М., 1929.
126. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950.
127. Урусбиев И. Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963.
128. Филоненко В. И. Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик, 1940.

129. Фирсов, Г. П. Значение работы над интонацией для усвоения синтаксиса и пунктуации в школе. М., изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1962.
130. Федотов М. Р. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары, 1963.
131. Хабичев М. А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961.
132. Хаджилаев Х. М. И. Послелого и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962.
133. Хлебникова И. Б. Сослагательное наклонение в современном английском языке. Учпедгиз, 1958.
134. Хусейнзаде М. Г. Выступление в сб. «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958.
135. Чешко Е. В. Система падежей древнеболгарского языка. ВЯ, 1967, № 2.
136. Чесноков П. В. Логическая фраза и предложение. Изд-во Ростовского госуниверситета, 1961.
137. Шапиро, А. Б. Заключительное слово. «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР». Уфа, 1958.
138. Шаукенов К. Развернутые члены предложения в современном казахском языке и методика их преподавания (автореферат канд. дисс.). Алма-Ата, 1965.
139. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, изд. 2. Л., 1941.
140. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., изд-во АН СССР, 1960.
141. Ширалиев М. Ш. Проблема сложноподчиненного предложения. «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958.
142. Ширалиев М. Ш., Гусейнов М. Грамматика азербайджанского языка. Синтаксис, Баку, 1951.
143. Щерба А. В. О частях речи в русском языке. В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
144. Юнусалиев Б. Б. Вспомогательные глаголы в киргизском языке (автореферат канд. дисс.). Фрунзе, 1949.
145. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., изд-во «Наука», 1965.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
Об основных характерных признаках простого предложения карачаево-балкарского языка	8
О членах предложения	21
Подлежащее	26
Средства выражения подлежащего	34
Выражение подлежащего именами существительными	36
Выражение подлежащего местоимениями	41
Выражение подлежащего числительными	48
Выражение подлежащего причастиями	52
Выражение подлежащего именами прилагательными	55
Выражение подлежащего наречиями	58
Выражение подлежащего именами действия	60
Другие средства выражения подлежащего	61
Структурные типы подлежащего	62
Простое подлежащее	66
Сложное подлежащее	68
Однородные подлежащие	76
Сказуемое	80
Средства выражения сказуемого	89
Выражение сказуемых формами изъявительного наклонения	91
Выражение сказуемых глаголами настоящего времени	92
Выражение сказуемых глаголами будущего времени	96
Выражение сказуемых формами прошедшего времени	99
Сказуемые, выраженные глаголами в форме повелительного наклонения	106
Сказуемые, выраженные формами желательного наклонения глагола	108
Сказуемые, выраженные словами <i>бар</i> и <i>жокъ</i>	111
Сказуемые, выраженные причастиями	113
Сказуемые, выраженные именами прилагательными	115
Сказуемые, выраженные местоимениями	117
Сказуемые, выраженные именами существительными	120
Сказуемые, выраженные именами числительными	124
Сказуемые, выраженные наречиями	125
Структурные типы сказуемого	126
Структурные типы глагольных сказуемых	130
Простое глагольное сказуемое	—
Составное глагольное сказуемое	131

Составное глагольное сказуемое, выражающее различные этапы действия	131
Составное глагольное сказуемое, выражающее параллельные и последовательные действия	135
Инфинитивное составное сказуемое	137
Составное глагольное сказуемое, выраженное сложно-глагольными основами аналитического типа	138
Составное глагольное сказуемое, выражающее модальное значение	140
Структурные типы именных сказуемых	142
Простое именное сказуемое	—
Составное именное сказуемое	—
Составные именные сказуемые, выраженные сочетанием двух или более знаменательных слов	143
Составные именные сказуемые, выраженные сочетанием самостоятельного и служебного слова	145
Составные именные сказуемые, выраженные сочетанием имени с вспомогательным глаголом	145
Модально-составные именные сказуемые	147
Послеложно-составные именные сказуемые	148
Словообразовательные составные именные сказуемые	—
О развернутом сказуемом	149
Однородные сказуемые	150
Л и т е р а т у р а	156

Ибрагим Хашимович Ахматов
ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Редактор **М. Т. Жабоев**
Технический редактор **И. Х. Бабаев**
Корректор **В. А. Вымячкина**

Сдано в набор 22/VII 1968 г. Подписано к печати 9/IX 1968 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная.
Физ. печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 9,2.
Тираж 500 экз. ЧО1090. Цена в переплете 65 коп.

Книжное издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6

Заказ № 6144. Типография им. Революции 1905 года
Управления по печати при Совете Министров КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33